

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

АРХЕТИП И СМЫСЛ КУЛЬТУРЫ

Н.С. Вдовушкина

Саратовский государственный университет
E-mail: attury@yandex.ru

Данная статья посвящена рассмотрению соотношения архетипа и смысла с точки зрения философского подхода. Основная идея работы заключается в том, что архетипы могли явиться психологическим основанием для возникновения культуры как феномена.

Ключевые слова: архетип, смысл, культура, сознание, коллективное бессознательное, антропология, психология, философия, культурология.

Archetype and the Sense of Culture

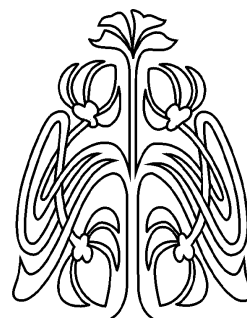
N.S. Vdovushkina

This article is dedicated to studying of the correlation of archetype and sense from the point of view of philosophy. The main idea of this article: archetypes can be the psychological basis for the generation of the culture as phenomenon.

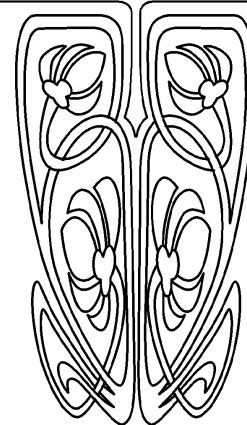
Key words: archetype, sense, culture, consciousness, the collective unconscious, anthropology, psychology, philosophy, cultural studies.

Культура относительно недавно стала предметом пристального внимания науки. Понимание культуры не только как символического, но и как смыслового пространства, с точки зрения архетипического подхода позволяет отметить одну особенность. С одной стороны, культура предстает как пространство понимания, с другой стороны, мы постоянно отмечаем наличие в ней структур бессознательного – при этом результатом как процесса понимания, так и процесса бессознательного оперирования полученными данными является возникновение некоторого смысла, воплощенного в символической форме. О символических формах, воплощающих архетипические содержания, написано уже немало. «Но каким образом мы придаем смысл? Откуда мы его, в конечном счете, берем? Формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности <...> Все они восходят, в конечном счете, к лежащим в основании архетипическим праформам»¹. В работах К.Г. Юнга очень часто встречаются упоминания о смысловом содержании символов, о важности смысла как такового.

В этой работе нам хотелось бы продолжить философскую линию аналитической психологии и коснуться проблемы соотношения *архетипа* и *смысла* как органических составляющих культурогенеза. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно осветить всю теоретическую базу, поэтому будут затронуты три основных вопроса. Во-первых, что есть смысл по отношению к архетипу с точки зрения культурфилософского подхода. Во-вторых, мы будем говорить об архетипах как психическом основании культуры – как о ее источнике. В-третьих, встает вопрос об онтологическом статусе самого смысла.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Ни архетип, ни смысл не существуют без некоторого символического выражения, и если символ непосредственно представлен в актуальной реальности, то ни архетип, ни смысл таким качеством не обладают. Символ, как известно, имеет большой семантический потенциал, содержит множество смысловых пластов, т.е. фактически не имеет собственного значения. Архетип представлен, если можно так выразиться, неким психическим образованием, которое также, не имея собственного содержания, может вобрать в себя множество различных значений, интерпретирующихся сообразно внутренним отношениям той архетипической матрицы, составной частью которой они станут. По данному критерию отсутствия собственного специфического содержания мы сравниваем и архетип со смыслом.

В поиске ответа на вопрос, каковы же могут быть генетические отношения между этими двумя ноуменальными, мы можем обратиться к исследованиям наскальных рисунков эпохи палеолита. Они позволяют некоторым ученым утверждать, что человеческий зрительный аппарат в моменты погружения сознания в «сумеречное» состояние начинает проецировать на любую находящуюся перед глазами поверхность некие зрительные образы. При этом такие образы могут не иметь ничего общего с окружающей действительностью – например, сеть линий с углом в девяносто градусов, изображенная на потолке пещеры, вряд ли может явиться отображением природного объекта. Таким образом, можно предположить, что в человеческой психике будут иметься некие структуры, не принадлежащие миру природы, – роль таких структур вполне может быть отведена архетипам. Этот выбор мы обосновываем свойством архетипа проецировать себя на внешние объекты, и важно отметить, что такие проекции могут носить очень специфический – схематичный – характер, как в приведенном выше примере.

Согласно Юнгу можно утверждать, что архетип это, прежде всего, некая схема, матрица. Хотя, возможно, вернее будет определить его как формулу или алгоритм, потому что Юнг неоднократно повторяет в своих работах, что архетипы представляют собой

не что-то движущееся, они суть само движение. Формула или алгоритм есть нечто такое, что представляет собой закономерность взаимодействия некоторых параметров, причем параметры эти могут принимать совершенно разные значения. Так, рефлекторные реакции не могли бы существовать во всем их многообразии, если бы основные параметры «алгоритма реакции» не могли бы принимать различных значений. Но Юнг подчеркивает, что между архетипом и инстинктом существует большая разница, говоря, что первый в отличие от второго кроме своей чувственной составляющей содержит также образ. Тогда можно сказать, что инстинкт движет существо к некоей цели, а архетип исходит из некоего смысла. Мы можем сделать вывод, подтверждающий одно из основных положений аналитической психологии, которое утверждает сущностное/качественное отличие человека от всех других животных – способность к созданию смыслов.

В процессе своего развития человеческий вид подвергался ряду воздействий внешней среды, приобретших для человека как природного существа катастрофический, в синергетическом смысле этого слова, характер. Они вызвали определенные генетические, морфологические и т.д. изменения, но нас, в первую очередь, будут интересовать изменения в психике представителей человеческого рода, которые привели к образованию «склонности к культуре». Например, в условиях постоянно изменяющегося климата утрачиваются некоторые инстинкты, отвечающие за поведение в определенных условиях окружающей среды. В ситуации, когда эти условия меняются очень быстро, образование новых инстинктов проблематично.

Таким образом, мы считаем, что в системе человеческой психики образовалось некое «пустое пространство», психический вакуум, который позволяет определить вид *homo sapiens* как неспецифический:

- не определяемый условиями существования;
- способный воспринять из внешней среды любое событие в качестве априорного, «инстинктивного посыла», но не самого инстинкта (здесь можно поднять вопрос о склон-

ности человеческого сознания к таким искажениям, как, например, генерализация сознания;

- способного и осуществляющего проекцию этого психического вакуума вовне, таким образом многократно усиливающего эффект, вызванный отсутствием «матрицы реагирования», или инстинкта;

- способного посредством внутреннего «вакуума» проводить многократную интерпретацию внешней «пустоты», провоцируя рождение фрактального небытия.

Но возможна ли интерпретация чего-то отсутствующего, тем более – посредством чего-то отсутствующего? Мы считаем, что в рассматриваемом случае это вполне возможно, более того – таковое *отсутствие* открывает гораздо больший потенциал для действий, подобных интерпретации, поскольку не обрекает на предзаданный результат.

Таким образом, можно говорить о циркуляции энергии в открытой системе, основными элементами которой являются психика, культура как ее производная и внешняя среда. При этом культура возникает в пространстве внешней среды, как бы проецируясь в него из психического пространства. Из восприятия внешнего мира как тождественного миру внутреннему проистекает, возможно, феномен анимизма – представление об одушевленности всех предметов и явлений окружающей среды.

Предки человека разумного случайно открыли в своем сознании эту нелепую, с точки зрения биологии, способность – наделять любое явление мира неким несуществующим свойством. Такому «случайному» открытию в немалой степени могло способствовать отсутствие у человека каких-либо определенных поведенческих инстинктов. Заметим также, что человек, согласно такой логике, мог и не стать разумным существом, поскольку период, в течение которого какой бы то ни было вид способен существовать без базовых поведенческих матриц (инстинктов), не может быть продолжительным, в противном случае животные не смогут ориентироваться в биоценозной ситуации, и вид попросту исчезнет. Человек лишен поведенческих инстинктов, но в психике его они оставили следы, «отпечатки» – архетипы.

Анализируя работы Юнга, механизм обработки архетипами поступающих в психику данных можно описать следующим образом: архетипическая матрица вбирает в себя внешний мир и особым образом его интерпретирует; затем «выносит» результат этой интерпретации вовне, проецируя результат обработки на исходный «материал» – некий внешний объект. Как правило, объекты проекции в культурной среде носят табуированный характер, т.е. оказываются вне обыденности, вне правил, фактически, вне существующей в культуре системы координат – они находятся под запретом и таким образом лишены свойства бытия. Их просто нет. Тогда получается, что и результатом интерпретации или, вернее будет сказать, обработки внешних данных является отрицание? Таким образом, человеческая психика сама по себе находится в состоянии запрета. Человек – единственное существо, которое само способно наложить запрет на собственные действия – системы табу представляют наиболее яркие примеры такого рода действий.

Человеческое сознание приобрело способность к производству смыслов в результате того, что его психика лишилась поведенческих инстинктов. Однако сама по себе эта потеря не привела бы к тому результату, который мы имеем. Генерирование семантических химер, которые первобытный человек принимал за богов, есть случайность, которая перевела количественные характеристики в качественные – бифуркация, которой могло и не быть. Именно в этом смысле человек представляет собой «ошибку» природы.

Таким образом, на начальном этапе творение культуры должно было приносить человеку удовлетворение, в противном же случае предки *homo sapiens* просто отказались бы от неприятного занятия. И здесь мы приходим к постановке вопроса об онтологическом статусе самого Смысла не просто как пустоты, но как вакуума, т.е. как состояния с наименьшей энергией. Может ли в таком случае смысл оказываться тем, что *снимает психическое напряжение, уводя его на циклическое движение*, способствующее дальнейшему порождению смыслов? С одной стороны, да... Но тогда стоит задаться вопросом:

не обрекает ли человека это свойство на не-предзаданность – на свободу? Таким образом, мы вплотную подходим к точке зрения экзистенциализма, но при этом представляем себе именно того человека, который бы изготовлял Предмет, не зная, зачем он нужен, больше того – не зная, **что** он делает; этот Предмет как бы живет сам по себе, своей собственной жизнью, независимой от воли хозяина. «Следовательно, мы можем сказать, что у ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию»² – архетипическое представление о Вещи может быть сформулировано почти идентично. И неслучайно говорилось в начале этой статьи о производности культуры, а следовательно, и всех ее элементов от бессознательной сферы.

В частности, с такой точки зрения мы рассматривали феноменальные переменные, и тогда можно предположить, что и научное знание, и философия могут обладать свойствами мифологемы. Так, например, одним из самых распространенных математических мифов является утверждение о невозможности деления на ноль. В таких замечаниях мы усматриваем подтверждение наших положений относительно того, что наука представляет собой такую же «феноменальную» переменную, как религия и мифология. К тому же, по словам К.Г. Юнга, психологи сегодня выполняют ту функцию, которую в древности выполняли шаманы, а в Средние века – священники. Таким образом, наука – поздняя производная от магии, которая хотя и отличается от мифа, но все же существует в ее рамках и имеет с ней теснейший контакт, наука, по одному из основных законов культурогенеза, так или иначе будет нести на себе бессознательный отпечаток мифа.

На первый взгляд, положению о случайности зарождения разума можно противопоставить факт полицентрального зарождения культуры как феномена. Но возникновение культуры вообще – как устойчивого смыслового конструкта любой формы – должно было пройти апробацию на практике в виде случайного подбора неких действий, отвечающих за производство смыслов. Мала вероятность того, что, случайно обнаружив в

своем арсенале способность *осмыслять*, первобытный человек сразу же мог повторить этот процесс некоторое количество раз. И таким образом, прежде чем появились какие бы то ни было символы, потребовался неопределенно большой промежуток времени, в течение которого человек, хотя и использовал свои новые способности, но не осознавал их. Вполне вероятно, что данный процесс мог быть весьма болезненным для человеческой психики: довольно раннее зарождение в человеке сознания явилось результатом сильных болезненных переживаний существа, уже ступившего на путь разума, но еще не способного контролировать свои реакции, – например, в ситуации убийства собственного ребенка, под впечатлениями от неудачной рыбалки или охоты. Эти переживания, в свою очередь, провоцировали новый виток процесса осознания своих действий.

Раз говорится о психике, то мы должны предположить и наличие неких механизмов, в соответствии с которыми происходит формирование культуры. Можно рассуждать следующим образом: есть инстинкт поведения в определенной среде, если среда утрачивается, то следом утрачивается и инстинкт; новый инстинкт не может укорениться в психике вследствие быстрой смены условий существования, но имеются некоторые остаточные образования – архетипы. Если нет факта актуальной реальности, то нет и реакции на него, но при этом имеется потребность в реакциях: вследствие такого положения дел формируется невроз – существо начинает совершать бессмысленные повторяющиеся действия. Действия эти носят бессознательный характер и не укореняются в социуме ввиду их несвойственности данному виду. В результате, с уходом старшего поколения младшее не перенимает от него каких-либо устойчивых форм поведения, и поиск начинается заново, причем на биологическом уровне, т.е. в некоторых группах такое поведение могло прекратиться на длительный период. Позднее, по закону действия больших чисел (иногда этот закон называют «эффектом сотой обезьяны»), некоторая группа индивидов начинает осознанно совершать определенные действия, поскольку ощущает некоторую их полезность для себя. Посколь-

ку человеческая телесность оказывается первым контрапунктом любого поведения, то, вероятно, первым видом креативного поведения был танец, а вслед за ним появляется и ритуал, который лишь с течением времени превращается в негенетическую форму передачи опыта. Таким образом, процесс смыслообразования мы трактуем как перманентный, однажды возникший и не прекращающийся процесс, по природе своей бессознательный, но могущий сопровождаться рефлексивными актами.

Но если процесс «создания» смысла, по сути, представляет собой «безрезультатный» акт – поскольку смысл есть ничто, – то возможно ли вообще рассматривать смысл как феномен, имеющий отношение к бытийной реальности? Не возникает ли в таком случае отождествления смысла и предмета? Ведь предмет сам по себе смысла не имеет – им его наделяет человек. И если происходит некое «срастание» смысла с предметом, то последний, в конечном счете, превращается в символ, приобретая свойства очередной семиопсихологемной фигуры. Под *семиопсихологемными фигурами* здесь подразумевается совокупность архетипических образов и представлений, существующих в смысловых реальностях культуры и находящихся свое выражение преимущественно в мифах и мифологемах. Эти рассуждения ведут нас к рассмотрению отношений смыслов и переживаний их человеком. Отметим, что и смысл, и архетип содержат в себе эмоциональную составляющую, но архетип не имеет сознательно-рефлексивной составляющей – этим они отличаются.

Как уже было сказано, символ может истолковываться с разных позиций, в зависимости от контекста. Любопытно отметить, что таким же свойством обладает любой факт бытийной реальности. Сопоставляя *смысловую нагруженность символа со смысловой нагруженностью факта* и учитывая, что смысл представляет собой нечто отсутствующее, можно сказать, что смысл есть факт небытия. Мы не утверждаем онтологическое отсутствие смысла, мы утверждаем онтологическое присутствие небытия – по крайней мере, в пространствах психики и культуры. В актуальной же реальности его

присутствие можно обнаружить по косвенным признакам, одним из которых является существование феномена смысла. Тогда на поставленный в предыдущем абзаце вопрос мы можем ответить положительно, поскольку, являясь небытием в мире бытия, смысл представляет собой некое «зияние в пустоте» и может вместить в себя все, на что только способна психика.

Итак, культура как феномен является производной архетипов. Согласно традициям герменевтической науки культура представляет собой некое пространство смыслов, пространство понимания. Говоря же об архетипах как источнике культуры, мы приходим к точке зрения, которая предлагает взглянуть на культуру как на то, что не только не может быть непосредственно схвачено сознанием, а имеет бессознательную природу и обладает свойством устойчивости, как архетип. Утверждая архетипическую природу культуры, мы утверждаем ее априорность, или склонность человеческой психики к сотворению культуры. Можно сделать предположение, что где бы ни «возник» человек, у него обязательно появится какая-нибудь культура, потому что без нее он жить не способен так же, как и без природы. Эмпирическая проверка такого утверждения, скорее всего, вряд ли возможна, но неужели мы где-нибудь встречали человеческое сообщество без тех или иных обрядов и традиций?

Архетипические механизмы представляют собой проекции психики во внешнюю среду, и, таким образом, следующий наш вывод заключается в том, что *смысл*, как и феномены психики, обладая онтологическим статусом небытия либо статусом недовоплощенного, виртуального бытия, фактически и есть *проявления психики*; причем психики *неординарной*, по сравнению с психикой представителей других биологических видов, возможно, даже в чем-то несвойственной миру природы. Говоря о психике без опыта, мы должны отметить, что архетип в ней представлен лишь структурой, системой осей кристалла. Архетип – такая же «структурированная пустота», как и смысл, им порожденный. В определенном смысле, архетип неспособен произвести ничего, кроме «пустоты», и, выражаясь метафорически, мы

скажем, что и символы являются такими же «вакуумными печатями»: они – часть архетипа и структурируют мир вокруг себя.

Но тогда напрашивается вопрос: самая точная и в то же время самая символическая из всех наук – математика – не является ли для европейского сознания современного типа тем же, чем являлись для древних божественные силы? Вполне возможно, особенно если мы говорим о стремлении к так называемой «формализации» окружающего мира. В проектировании новых интеллектуальных компьютерных программ сегодня немалую роль играют работы по герменевтике, феноменологии и даже, возможно, работы экзистенциальной направленности³. Так что вполне вероятно, что наши размышления имеют прикладной аспект в вопросе создания искусственного интеллекта.

УДК 130.2 + 929 Кавелин

К.Д. КАВЕЛИН: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА КУЛЬТУРЫ

А.А. Живайкина

Саратовский государственный университет
E-mail: aporia@inbox.ru

В статье изложены основные принципы концепции сущностного развития русской культуры отечественного ученого К.Д. Кавелина. Он обосновывает историческое развитие активной субъектной позиции личности. В данном изложении акцент делается на следующих объектах: история, право, нравственность.

Ключевые слова: К.Д. Кавелин, позитивизм, философия культуры, историософия, философия права, философия нравственности.

K.D. Kavelin: the Experience of the Philosophical Analysis of the Culture

A.A. Zhivajkina

In article cardinal principles of conception of the Russian culture essential development by the domestic scientist K.D. Kavelin are stated. He proves historical development by active subject position of the person. In the given statement the accent is made on the following objects: history, law, morals.

Key words: K.D. Kavelin, positivism, philosophy of culture, philosophy of a history, philosophy of law, philosophy of morality.

В поле зрения крупного русского мыслителя Константина Дмитриевича Кавелина, как известно, находилось русское право, события русской истории, государственный

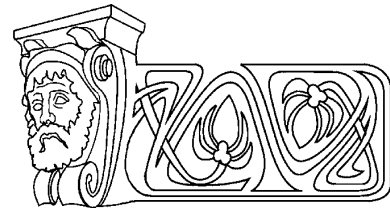
Использование основных психологемных характеристик при создании смысловых конструктов применимо, в частности, при определении варианта поведения человека как в бытовой ситуации конкретной культурной среды, так и в экстраординарных условиях. Мы можем даже сказать, что и работа с симулякрами современной культуры возможна примерно по тем же принципам, что и работа с архетипическими матрицами.

Примечания

¹ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М., 1991. С.121–122.

² Культурология: XX век: Словарь. СПб., 1997. С.319–344.

³ Сергеев В. Искусственный интеллект – это еще и экспериментальная философия // Знание – сила. 1989. №6. С.46–53.

строй, общественный быт в динамике исторического процесса. Необходимо заметить, что в изучении обозначенных проблем в то же время четко прослеживается приоритет культурного контекста. Во-первых, свидетельством сказанному может служить стремление ученого рассматривать объект не в специфической области его феноменального бытия, а в широком контексте российской социокультурной действительности, к тому же рассмотрение исторического развития недвусмысленно указывает на предметное поле культуры, поскольку содержательной стороной этого процесса развития общества, несомненно, является культура.

Во-вторых, культурный контекст исследований Кавелина подтверждается характеристиками культурного феномена. Культуру можно определить как генетически ненаследуемую, специфическую совокупность средств, способов, форм, образцов и ориен-

тиров взаимодействия людей со средой их существования, выработанных в совместной жизнедеятельности для ее же воспроизводства. Предполагается, что Кавелин ориентировался именно на эти характеристики культуры. Им неоднократно подчеркивался не индивидуально-творческий, а коллективный характер происхождения рассматриваемых феноменов. Более того, их особенности (например, правовой системы, общественного строя, быта и т.д.) выводятся мыслителем, вероятнее всего, из социокультурных условий существования российского общества как закономерный результат влияния этих условий и приспособления к ним. Кажется, нет сомнений, что речь в дискурсе Кавелина идет именно о культуре.

Необходимо подчеркнуть, что культура, как и само общество, имеет характер системы, поэтому системный подход к исследованию культуры применяется оправданно часто. Сами культурные феномены структурно составляют условные культурные пласты, подтверждая представление о системном характере культуры. Если предположить, что каждое явление культуры неизбежно отражено в следующей структуре: этика (нравственность, добро) – религия (вера, абсолют) – искусство (форма, прекрасное) – наука (закон, понятие) – философия (идея, ценность), то целостное представление о данном явлении можно получить, только опираясь на системный метод исследования, используемый Кавелиным. Вывод об этом можно сделать уже по тому, что обоснование социально-политического развития российского государства раскрывается Кавелиным через взаимосвязь национальной культуры и сознания с формами организации общества и власти.

Всякое исследование, претендующее на статус теории, невозможно без философского основания. Своеобразие подхода Кавелина как представителя позитивизма в России отметил В.В. Зеньковский, обозначив его как «полупозитивизм». Им же были сформулированы основные черты этого подхода: ориентация на науку и ее позитивистские тенденции; как и в позитивизме борьба с метафизическим идеализмом и упоение научным

духом и в то же время «часто в очень сознательном противопоставлении научному духу моральное сознание заявляет свои права на абсолютное и безусловное значение»¹. Можно предположить, что в этом явлении морального энтузиазма, поднявшегося до принципов этического идеализма, находит возможность выражения сила религиозного чувства, характерная для русской философии.

В данном контексте важно отметить, что полупозитивизму свойственен апофеоз личности, ее абсолютной ценности, а также «независимость моральной оценки, свобода от гипноза фактической действительности, высокое учение о праве и долге личности служить вечной правде»².

Для такого типа мировоззрения существует опасность внутренней двойственности, ведущей к трагическому мироощущению: с одной стороны, проповедуется высокое моральное чувство, твердое убеждение в правде добра, с другой стороны, присутствует ощущение «затерянности» человека в бытийности, существующего во власти «слепых» и «безучастных» к нему законов. Это противоречие смягчается установкой принципиального релятивизма: ученый придерживается мнения, что «в мире нет безусловных начал или принципов – все в нем условно и относительно»³.

Согласно Кавелину, бытие в его подлинной реальности эмпирически двойственно: «Психическая и материальная жизнь – на одной общей почве»⁴, в качестве которой, очевидно, выступает внутренний мир человека. Из этого тезиса можно вывести, по крайней мере, два следствия. Во-первых, Кавелин утверждает с онтологической точки зрения наличие двух субстанций – материальной и психической. Во-вторых, разрешить загадку человека, по его словам, способна лишь психология. Для этого необходимо использовать позитивистский метод в исследовании психической жизни человека. Заметим, что в требовании рассматривать явление психической природы как положительный факт, придавая ему такое же самостоятельное значение в реальности, как и материальному, содержится главное отличие взглядов ученого от классического позитивизма. С его

точки зрения, позитивистский подход дает надежную научную базу идее личности, тем более что «мир внешних реальностей есть продолжение личного, индивидуального, субъективного мира»⁵.

В этой связи, во-первых, становится несущественным деление на объективный внешний мир и субъективный внутренний мир личности; во-вторых, на праксиологическом уровне это означает, что конструирование схемы отношений субъекта с окружающей субъектно-объектной средой осуществляется по нормативно-ценностным ориентирам, образующим мировоззренческую систему субъекта. Таким образом, определяется роль личности в культурно-историческом развитии.

Ученый считал, что критерием исторического прогресса является обеспечение условий для всестороннего развития личности и ее самореализации. Как известно, универсальным средством самореализации личности является культура. Выступая как способ и мера овладения человеком естественного и социального миров, выраженных в новых формах развития природы и общества, культура равнозначна степени реализации человеческой свободы. Подчеркнем, что по отношению к бытию человека культура выполняет конструктивную функцию объективации целей, стремлений, переживаний. В этом смысле она является формой самодетерминации человека, его самовоспроизводства и творчества. Таким образом, следует вновь отметить, что предметом исследования Кавелина является культура, выражающая сущностные качества изучаемого народа или нации.

Мыслитель разворачивает обозначенную диалектическую модель социокультурного конструирования на фактическом материале русской истории. В качестве базисного положения им, очевидно, используется идея о переходе родового строя в государственный. Род определяется как объединение семей, происходивших от общего родоначальника. Семья выступает в качестве начальной общественной ячейки. Забегая вперед, отметим, что власть в семье безусловно принадлежит отцу, главе семейства, выполняющему

роль «естественного начальника» всех лиц, от него происшедших. Сущностной идеей русской истории, по версии Кавелина, было постепенное появление личностного начала вследствие разрушения родового быта, укрепление быта семейного, последующий его распад и возникновение сильного государства. Соответственно выстраивается социально-историческая схема развития русской культуры, которая состоит из трех этапов: родовый строй – вотчинный строй (семья) – гражданское общество свободных и суверенных личностей (государство).

Диалектическим условием обозначенного историко-культурного движения являлось, как предполагается, внутреннее противоречие интересов общества и семьи, семьи и личности, общества и личности. Противоречие интересов общества и семьи выявило себя еще в догосударственном периоде русской истории. Кавелин утверждает, что в быте, основанном только на родственных отношениях, заложены причины его будущего разрушения – кровные связи слишком ограничены для организации общества. Упадок родового быта и одновременный расцвет быта семейного, следующей стадии развития общественной системы древнейшего периода русской истории, по терминологии Кавелина, ознаменовал образование общин с вечевой формой правления, где единицами системы становятся почти равноправные семьи. Ученый указывает на принцип кровной мести и способ установления справедливости в открытом поединке спорящих сторон как на самые яркие свидетельства независимости и полновластности каждой отдельной семьи. В целом, источники фиксируют этот исторический период как время усобиц до образования государственности на Руси. Но и государственный быт, постулирует мыслитель, есть история развития родового начала. Этот тезис не вызывает сомнений: «все более поздние и сложные формы социальных отношений, сообществ формировались на базе синкретического идеала, его социокультурной ячейки. Эти социальные структуры экстраполируются через культуру»⁶. Подтверждением сказанному является трактовка Кавелиным социального статуса Великого кня-

зя времен расцвета Киевской Руси: он – старший в своем княжеском роде, который правит Русью, ближайший по рождению к родоначальнику. Великий князь представляет единство княжеского рода, главой которого он является, и одновременно – политическое единство Руси. Этот факт соответствует характеристикам родового быта как сущностной черты государственного устройства. Помимо того, родовой характер государственной системы выражается в общем владении Русью всем княжеским родом через соответствие княжения месту в княжеской семье.

Представление о вотчинном владении и распад удельной системы выявили кризис родового и расцвет семейного начала в государственном быте, выражаясь словами Кавелина. Он особенно подчеркивает, что социокультурный статус съездов князей в истории княжеского рода соответствует статусу вече в истории общины. После того, как княжеские ветви получают оседлость, князья превращаются в вотчинных владельцев, собственников, наследственных господ отцовских владений, которые они разделят между своими детьми. Соответственно, можно сделать вывод о семейном характере устройства политической системы Руси. Следствием этого явилась феодальная раздробленность. Примечательно, что в основе процесса объединения русских земель вокруг Москвы лежала не идея необходимости сильного государства, а частные, своекорыстные интересы и стремления враждовавших между собой князей. Таким образом, можно заключить, что кардинального изменения общественного сознания в тот момент еще не произошло. В основании власти московского государя лежит тип «вотчинно-владельца»: «Московский государь – еще великий князь; он отчич, дедич, наследственный господин своих владений»⁷. Очевидно, что данный прототип двора или дома с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами составил основу всех социальных отношений допетровской Руси. Он же служил мировоззренческим основанием крепостного права. «Древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая выте-

кающим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием»⁸. Анализируя явление крепостного права, А.С. Ахизер писал: «Сама природа крепостничества в России – результат не манипуляции слабого государства, но экстраполяции на большое общество социальных отношений, конструктивной напряженности первобытных локальных миров, выброса этих ценностей древнего локального мира до самых вершин власти, и это означало закрепощение всех, вплоть до правящей элиты»⁹.

Кажется несомненным, что механизм субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в социокультурной действительности регулируется нормативно-ценностными представлениями. Содержание основных аксиологических понятий и норм общественного поведения формируется, по мысли Кавелина, из особенностей социокультурных условий. Допустим, что их функционирование осуществляется через понятия нравственного и общественного идеалов. Установлено, что в понятии идеала объективируется конечная цель из их совокупного многообразия. Идеал принадлежит к формам опережающего отражения действительности, воплощая в себе и наиболее значимые критерии социальной практики, и главную оценочную категорию. Возможность идеала содержится в целеполагающей способности сознания создавать модель будущего объекта, определенную цель, достижение которой подчиняет деятельность человека. Этические построения Кавелина идеалистичны: «Настоящая суть этики – субъективные идеалы, которые она ставит сознательной жизни и деятельности человека»¹⁰. Но это, по мнению В.В. Зеньковского, вводит в историческое мышление категорию «возможности»¹¹.

Сама идея нравственности, с точки зрения ученого, есть результат продолжительного общественного развития. Нравственное для него лично и личностно, это состояние души, задающее направление и дающее оценку помыслам, намерениям и поступкам человека: «Всякий в глубине души знает, доброе он замышляет и делает или дурное. Чувство добра и зла он носит в себе <...>

Кто ему верен в мыслях и поступках, тот человек нравственный, а кто неверен, непослушен ему – безнравственный»¹².

Таким образом, если содержание этических норм находится в прямой зависимости от социокультурной действительности, то их осуществление – от этической сознательности личности: «только нравственные люди суть непосредственные, живые носители общественных идей и формул»¹³. Можно сказать, что нравственность служит охранительным началом общественных идей, а забвение норм морали является серьезной угрозой существованию общества и общественной системы. При таком подходе понятна глубина высказанной Кавелиным мысли: «С давних пор для меня стало выясняться, что коренное зло европейских обществ, не исключая и нашего, заключается в недостаточном развитии и выработке внутренней, нравственной и душевной стороны людей»¹⁴.

Не будем забывать, что важнейшим признаком культуры является ее «всепроникающий» и органически целостный характер, непереносимое включение во все сферы жизни общества и личности. И если формы организации общества и власти являются внешним выражением сущности – национальной идеи – данной культуры, то в общественном сознании и идеологии заключено ее внутреннее содержание. Субъектом культурной деятельности, несомненно, выступает личность.

В заключение можно сказать, что Кавелин испытывал определенный, весьма стойкий интерес к роли личности, к реализации ее ресурсов в повседневной социальной жизни.

По его мнению, именно личность, обладая нравственностью, осуществляет путь исторического развития. Приходится констатировать, что выдвинутые Кавелиным идеи остались открытыми и требовали дальнейшего философского осмысления. В целом, анализ теоретических позиций мыслителя в отношении российской культуры позволяет прийти к заключению, что создать целостную картину социокультурной действительности в ее историческом развитии и взаимосвязи возможно только в пространстве философии культуры, поскольку динамика и диалектика культурных процессов неизбежно нуждаются в философском обосновании.

Примечания

¹ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Ростов н/Д, 1999. Т.1. С.398.

² Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С.299.

³ Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1899. Т.3. Стлб.881.

⁴ Там же. Стлб.467.

⁵ Там же. Стлб.935.

⁶ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): В 2 т. Новосибирск, 1997. Т.1. С.95.

⁷ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С.48.

⁸ Там же. С.215.

⁹ Ахиезер А.С. Указ. соч. С.162.

¹⁰ Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. Т.3. Стлб.961.

¹¹ Зеньковский В.В. Указ. соч. С.53.

¹² Кавелин К.Д. Наш умственный строй. С.466.

¹³ Там же. С.472.

¹⁴ Там же. С.457.

УДК 1 (075.8)

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ИДЕАЛА НАУЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИЕРАРХИИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Г.Н. Калинина

Белгородский государственный институт культуры и искусств
E-mail: kalinina@belnet.ru

В статье сквозь призму философско-культурологического подхода рассматривается проблема поиска и формирования нового идеала научности в соотношении с релятивностью и исторической динамикой основных параметров научной рациональности. Понятие постнеклассического идеала научности осмысливается автором в контексте осознания необходимости выработки кардинально иных регулятивов культуры, ориентиров современного научного знания.

Ключевые слова: научная рациональность, идеал научности, стандарт рациональности науки, математический идеал научности, физикалистский идеал, гуманитарно-научный идеал, фундаментализм (фундаменталистская парадигма), теоретико-научный редукционизм, интернализм (социокультурная автономия науки и стандарта научности).

The Problem of Search of the Ideal of Science in the Conditions of Forming of the New Hierarchy of the Universal Values

G.N. Kalinina

In clause through a prism philosopher-cultures the approach the problem of search and formation of a new ideal of scientific character in the ratio with relative and historical dynamics of key parameters of scientific rationality is considered. The concept of a postnonclassical ideal of scientific character is comprehended by the author in a context of comprehension of necessity of development of cardinality others norms cultures, reference points of modern scientific knowledge.

Key words: scientific rationality, ideal of scientific character, standard of rationality of a science, mathematical ideal of scientific character, fiscalist an ideal, humanitarian-scientific ideal, fundamentalism (fundamentalist paradigm), theoretical-scientific reductionism, internalism (humani cultures an autonomy of a science and the standard of scientific character).

На тернистом пути сегодняшних, поистине масштабных преобразований и развития человечества существенным образом меняется не только уклад его жизни, укорененный в «структурах повседневности», но, что более важно, – сам образ мышления¹. Историческая обусловленность познания, конечность человека в земной жизни, условный характер наших попыток понимания мира и самих себя стали ныне очевидны. Можно полагать, что мы являемся современниками и участниками постепенного перехода от ортодоксальных методологических основ научного познания к более гибкой организации научного понимания и мышления человека.

Сегодняшнее исследование проблемы рациональности науки не ограничивается «узким», антисциентическим направлением, сфокусированным на критике «заблуждающегося разума», парадоксальностей его «триумфального шествия». В то же время представляется, что перед нами именно тот «болево́й» аспект, который в наиболее явном виде ментально взаимосвязан с формированием образа постнеклассической науки, начертанием контуров нового познавательного идеала, – проблемы, с которой сталкивается ее методологический и философский анализ.

Рассмотрение сквозь призму философско-культурологического подхода проблемы эволюции науки, ее прерванного триумфа приводит нас к пониманию необходимости осмыслить данный процесс в соотношении с проблемой рациональности и формированием постнеклассического познавательного

идеала, а также взглянуть на проблему социально-диагностически, увидеть общество в качестве важнейшего источника нравственно-этических апелляций.

В связи с тем, что классические представления о рациональности как способе познания и деятельности как основополагающей ценности культуры с универсализацией места и роли научного разума в человеческом бытии оказались несостоятельными, современная научная и философская мысль поставила в ряд актуальных *проблему поиска нового идеала научности, понимание которого просматривается в контексте осознания необходимости формирования новой иерархии общечеловеческих ценностей*. Можно сказать, что *идеал меняет облик*.

В современной научной и философской мысли под «идеалом научности» понимается определенная система познавательных ценностей и норм объяснения, описания знания, его обоснованности и доказательности, структуры и организации. Данные нормы имеют определенную социокультурную нагруженность, в силу чего их интерпретация в значительной мере зависит от того или иного социокультурного контекста. Структура идеала научности может быть представлена в виде пирамиды ценностей и норм науки. На вершине пирамиды – критерий истинности. Важно подчеркнуть: по поводу вершины пирамиды в научном мире существует определенное «согласие» взглядов: преобладает точка зрения, что истинность является наиболее сильным регулятивом научного познания. Основание пирамиды составляют универсальные нормы, значимые для всех областей научного познания во все исторические периоды.

Различные авторы выявляют сходные (хотя и не во всем совпадающие) признаки универсальных критериев научности как «необходимых» признаков. В их числе: отсутствие порочного круга в обосновании, обнаружение объективности законов и предвидение на основе их знания перспектив будущего; системность научного познания; производство и воспроизводство новых знаний (понятий, теорий, гипотез, законов); логическая непротиворечивость, опытная (экс-

периментальная) проверяемость. К области «желательных» признаков причисляются: широта, глубина, точность, простота, наглядность, способность к прогнозам, воспроизводимость описываемых, объясняемых, предсказываемых феноменов, плодотворность и т.д. (причем как «желательные», так и «необходимые» признаки предполагают многовариативность интерпретаций). Все названные нами признаки существенны, но достаточно абстрактны. Поэтому и в прошлом, и сейчас предпринимались и продолжают попытки *сформулировать более конкретные и более сильные критерии научности*, по отношению к которым применимо одно из высказываний И. Канта, когда он, говоря об иерархической структуре научного идеала в виде пирамиды ценностей и норм, делал различие между «наукой» и «наукой в собственном смысле»².

Классический идеал научности, несмотря на многообразие форм выражения, состоит из стабильно действующих положений, которые вплетены в интеллектуальную традицию, сформировавшуюся еще в античности. Они длительное время имели характер «очевидностей», а другие варианты фактически не воспринимались, находясь «на периферии» интеллектуального горизонта. Серьезное критическое обсуждение положений классического идеала научности стало происходить лишь недавно, когда наступил фундаментальный кризис и наметился переход к существенно иным представлениям. Состояние перехода характеризуется неудачными попытками реализации классического идеала во всех его формах, резкой критикой его основ (гиперкритицизм), поиском новых эталонов, образцов научности.

К основам классического идеала научности относятся:

во-первых, истинность, являющаяся не только нормативной ценностью, но и необходимой дескриптивной характеристикой любых познавательных результатов, претендующих на научный статус. В соответствии с этим классическим представлением наука не должна содержать никакой примеси заблуждений;

во-вторых, фундаментализм: наука должна давать надежное знание посредством окончательной обоснованности;

в-третьих, теоретико-научный редукционизм, в основе которого находится представление о возможности выработать универсальный стандарт научности. Он представлен двумя главными гипотезами. Согласно первой, универсальный стандарт научности может быть сформулирован на базе «наиболее развитой» и «совершенной» области знания или теории. Согласно второй, все прочие области знания «подтянутся» к выработанному стандарту. Подчеркнем, что в соответствии со стратегией теоретико-научного редукционизма сегодня ряд ученых и философов эталон научности видят в естествознании, а в самом естествознании чаще всего обращаются к физике. Однако ориентация на физику ни ранее, ни теперь не является единственной, более того, сегодня возникает вопрос о границах стратегии теоретико-научного редукционизма в целом.

В-четвертых, интернализм – социокультурная автономия науки и стандарта научности. В соответствии с классическими представлениями фундаменталистски обоснованное научное знание и сами стандарты его обоснования должны быть полностью независимы от социокультурных (социально-экономических, культурно-исторических, социально-политических) условий их формирования. Выводы науки должны осуществляться в соответствии с изучаемой реальностью. Однако приходится признать: указанные положения далеко не всегда в явной форме выступали исходными принципами множества конкретных философско-методологических программ.

К числу важных факторов, приведших к кризису классического идеала, относится постепенное «накопление» кризисов конкретных программ. На определенном этапе они, расценивавшиеся ранее как частные неудачи реализации классических положений, начинают осознаваться как симптом гораздо более существенного, фундаментального кризиса. Конкретные философские концепции, в которых получил свое выражение классический идеал научного знания, очень

многообразны. Тем не менее его важнейшие формы коррелируют с некоторыми реальными образцами научного знания. Этими важнейшими формами являются: математический идеал научности, физикалистский идеал, гуманитарно-научный идеал.

Математическому идеалу присущи (в качестве универсальных) такие признаки, как логическая ясность, строго дедуктивный характер, непреложность выводов, обеспечиваемая неприятием эмпирии в качестве научного аргумента, непротиворечивость как главный критерий. Для физикалистского идеала характерно то, что главную роль здесь играет эмпирия, физические «аксиомы» детерминированы эмпирической информацией. Заключение физики не так непреложны, как математические, имеется логическая возможность нарушения физических законов. Структура знания рассматривается как гипотетико-дедуктивная, а само знание – как имеющее вероятностный характер. Познавательный интерес физического исследования фиксирован не столько на предельной строгости и законченности теории, сколько на раскрытии реального содержания теоретических положений, на развитии теории с целью охвата ею большего класса явлений. В данном случае научность гипотезы определяется, прежде всего, успешностью объяснений и прогнозов. Сторонники физикалистского идеала предпринимают попытку рассматривать математику как эмпирическую науку, стремятся создать «социальную механику», «социальную физику».

Сторонники же гуманитарно-научного идеала видят его особенности в следующем:

во-первых, допускается более широкая трактовка субъекта познания. Субъект гуманитарно-научного познания должен быть не только носителем «чистого разума», но человеком со всеми его возможностями, чувствами, желаниями и мотивационной сферой. Во-вторых, роль познающего субъекта не сводима только к участию в познавательном процессе, но распространяется также на оценку познавательных результатов. Иначе говоря, социокультурные интересы входят в определенной мере в сами стандарты научности. Проекты сторонников гуманитарно-

научного идеала направлены на реконструкцию естествознания таким образом, чтобы оно давало только позитивные в моральном и социальном аспектах результаты. Однако ни один из этих идеалов (математический, физикалистский, гуманитарно-научный) не является универсальным.

Процесс поиска нового научного идеала идет по двум главным направлениям. Во-первых, он традиционно осуществляется через критику классического идеала. Во-вторых, – через достаточно нелегкий во всех отношениях поиск новых образцов, эталонов научности – стандартов рациональности науки. Первое направление содержит три тенденции: антифундаментализация, плюрализация и экстернализация.

Если говорить о первой особенности процесса (антифундаментализации), то следует обратить внимание, прежде всего, на то, что фундаменталистская парадигма на протяжении всего срока своего существования претерпевала перманентный кризис. Радикальное сомнение в состоятельности фундаментализма становится возможным на базе гуманитарно-научного идеала. Однако ранние выразители этого идеала (Дильтей, Риккерт) не были столь радикальными. Гораздо более существенной по своим последствиям для судьбы фундаменталистской парадигмы оказалась имманентная критика физического идеала и, прежде всего, кризис логического позитивизма. Ключевое значение при этом имела интерпретация «опыта» в концепции К. Поппера, где опыт является не обосновывающей, а потенциально опровергающей инстанцией³. Антифундаменталистская тенденция просматривается в истолковании всех важнейших областей научного познания: математического, естественно-научного, гуманитарного. Она является выражением отхода от классических представлений. Критика фундаментализма имеет большое значение в аксиологическом аспекте. Объективно она ведет к понижению статуса обоснования как норматива научности.

Рассмотрим тенденцию плюрализации. В настоящее время наибольшую популярность получили концепции, в которых наука рассматривается как совокупность парадигм

(Кун), эпистем (Фуко), исследовательских программ (Лакатос), познавательных интересов (Хабермас). Широкую известность приобрела также концепция П. Фейерабенда⁴, где плюралистическая тенденция в истолковании науки доведена до своего логического предела. Плюралистическая тенденция, так же как и антифундаменталистская, имеет, прежде всего, критическую направленность, ведет к преодолению классических представлений об идеале научного знания. Если антифундаментализм подрывает классический идеал «изнутри», то плюрализация разрушает его «извне», демонстрируя и обосновывая многообразие и эффективность иных идеалов. Обе тенденции особый акцент делают не на статике, а на динамике развития науки. Иначе говоря, *наука и ее стандарты рассматриваются не как самоцель, а как средство решения проблем. На смену фундаменталистской обоснованности как ведущей ценности в классическом идеале научности все чаще выдвигается критерий эффективности в решении проблем.*

Наконец, экстерналистская тенденция проявляется в современной теории науки, выражая наиболее радикальный разрыв с классическими представлениями об идеале научного знания. Хотя будет вполне справедливо уточнить: в современной философской литературе тезис о социальной обусловленности науки трактуется различным образом. Для понимания сути проблемы важно учитывать три аспекта науки: исследовательское поведение ученых, содержание научных утверждений, теорий, гипотез и стандарты научности, оценки результатов научного познания. Речь идет о *возможности непосредственного позитивного влияния социокультурных факторов на содержание научных утверждений.* В целом научное познание традиционно следует в русле прежних «классических» традиций, для которых была характерна апелляция к возможности создания «логики открытия», независимости от каких бы то ни было «внешних» факторов, и позитивно воспринимает воздействия внешних социокультурных факторов *лишь в той мере, в какой оно в состоянии переработать их, превратив из внешних во внутрен-*

ние. А это, на наш взгляд, уже прямо указывает на определенный консерватизм современной науки.

Тенденции формирования нового идеала научности осуществляются по ряду ведущих направлений, в числе которых: радикальный переход от фундаменталистской парадигмы к новым ориентирам и образцам гуманитарного научного идеала; замена основополагающего критерия фундаменталистской обоснованности (как ведущей ценности в классическом идеале научности) *критерием эффективности и социальной обоснованности науки*; допустимость множественности частных идеалов научности, в соответствии с которыми наука и ее стандарты рассматриваются *не как самоцель, а как средство* в решении реальных основополагающих, смысловых проблем; *смягчение ригоризма* теоретико-научного мышления в отношении независимости научного познания от ценностных критериев; актуализация философского осмысления фактора человеческой субъективности за счет расширения и углубления понятия «сознание» в качестве высшего уровня духовной активности человека как существа социального. При этом подчеркивается значимость в организации поведения и формировании смысловых ориентиров личности роли бессознательных (психических процессов, операций и состояний, не представленных в сознании субъекта) и иррациональных пластов внутреннего мира; изменение самого характера решаемых современной наукой проблем (их усложнение, увеличение социально-практической значимости с учетом приоритетности социокультурных факторов); выдвижение комплексных междисциплинарных исследований в качестве нового образца научности, научного идеала.

В качестве образца научного знания выдвигается особый пласт фундаментальных исследований, развитие которого обусловлено не внутринаучными, а внешними, социально-практическими, гуманистическими интересами в качестве наиболее приоритетных. И если современная наука обретает сейчас свое новое гуманитарное качество, обеспечивает диалог человека с человеком,

гармоничное «сотрудничество» человека с природой (природа человечна, она – «внешний человек», как называл ее Парацельс) с целью обеспечить предпосылки выживания на прекрасной и хрупкой планете Земля, то тем самым наука совершает фундаментальный пересмотр взглядов на *свою собственную познавательно-ценностную роль и место в системе культуры, на свои внутренние потенциальные возможности и скрытые резервы успешно развиваться в данном направлении.*

Итак, рассмотрение проблемы формирования постнеклассического идеала научности в соотношении с необходимостью решения общечеловеческих проблем позволило прийти к следующим выводам и результатам.

Формирование нового образца идеала научности сопряжено с поиском кардинально иных регулятивов культуры, ориентиров научного знания, таких, которые, во-первых, наметили бы стратегию дальнейшего развития человечества для разрешения дихотомии существования на основе ликвидации различных форм отчуждения человека, его развития как свободной и творческой личности и создания научно обоснованной модели восстановления его духовности и социальной

сущности (равно как и определения наиболее оптимальных путей реализации данной задачи на практике). Во-вторых, эти ориентиры поставили бы в качестве основополагающей проблему изменения в теории и практике познавательных, ценностных и деятельностных установок в науке, совершенствования социально-этических принципов исследования на основе гуманистического подхода. Наконец, мы подошли к выводу, являющемуся наиболее значимым в общем контексте сформулированной и решаемой проблемы: рассмотрение существенных особенностей *формирующегося идеала научности показывает, что главной чертой его нового облика является высокая социально-практическая ориентированность.*

Примечания

¹ Цит. по: Римский В.П. Демоны на перепутье: Культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997. С.29.

² Кант И. Теоретические основы изучения духовности личности // Социальные и гуманитарные науки. 1999. №2. С.105–135.

³ Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. L., 1963.

⁴ От логического позитивизма к постпозитивизму: Хрестоматия / Отв. ред. А.И. Панченко. М., 1993.

УДК 1(470+571)+929 Гордон

Г.О. ГОРДОН: СУДЬБА И ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

К.Ю. Миронова

Саратовский государственный университет
E-mail: mironovaky@mail.ru

В статье проводится анализ архивных материалов, связанных с именем русского неокантианца Гавриила Гордона. Детально исследуются его воспоминания, связь с Московским и Марбургским университетами, ситуация в академической среде конца XIX – начала XX вв.

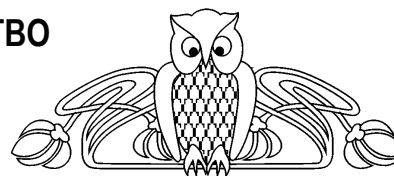
Ключевые слова: Гордон, неокантианство, культура, история философии, образование, воспоминания.

Gabriel Gordon: Fate and Philosophical Creativity

Ch.Yu. Mironova

In this article the analysis of the archival materials connected with name of Russian neokantianist Gabriel Gordon is spent. His memoirs, his communication with The Universities of Moscow and Marburg, a situation in academic environment in the end XIX – beginnings of XX centuries are investigated in details.

Key words: Gordon, neokantianism, culture, history of philosophy, education, memoirs.

На сегодняшний день в истории русской философии и культуры есть много незаслуженно забытых имен, которые, между тем, внесли значительный вклад в развитие отечественной науки. Данная работа, основанная на анализе архивных документов, ранее не попадавших в поле зрения исследователей, занимающихся неокантианством, посвящена реконструкции отдельных эпизодов творческой деятельности русского неокантианца Гавриила Гордона. Целью является дополнение предыдущих исследований по истории русской философии, восстановление контекста философского развития России в

конце XIX – начале XX вв. Ключевым моментом является введение в философский оборот новых архивных материалов для представления творческой биографии Г.О. Гордона – почти неисследованной личности из числа русских учеников знаменитой Марбургской философской школы. Все возрастающий интерес к русской школе неокантианства и к отдельным ее представителям еще раз доказывает актуальность подобных исследований, тем более что каждый заново открытый для истории философии мыслитель – ценность как для философии, так и для культуры.

Гавриил Осипович Гордон по праву входит в число выдающихся представителей русской школы неокантианства. Человек блестящего образования, профессор Гордон с большим успехом осуществлял преподавательскую, переводческую и публицистическую деятельность, посвятив свою жизнь идеям просвещения. Факты биографии, свидетельствующие о том, что Гордон в совершенстве владел семью языками, дают возможность оценить его лингвистическое дарование и объясняют постоянное участие в переводческих кампаниях. Анализ ранее неисследованных и неопубликованных воспоминаний весьма убедительно свидетельствует о глубине и масштабах мировоззрения русского неокантианца. Примером включенности этого человека в круг мыслителей-неокантианцев служит его переписка с Б.А. Фохтом, учеба у признанных корифеев философии Г. Когена и П. Наторпа, участие в философских кружках и творческих объединениях. Вместе с Николаем Гартманом, еще одним блистательным представителем русской школы неокантианства, он провел сложнейшую работу по отработке терминологии для переводов на русский язык классических философских текстов. О принадлежности Гордона к числу последователей марбургской школы философии говорит и его письмо к Наторпу, которое сохранилось в архиве Марбургского университета¹.

Гавриил Гордон служит весьма показательным примером становления настоящего русского интеллигента в эпоху социально-политических переломов, когда, невзирая на

идеологические установки и смену ценностных ориентиров, на аресты и годы лагерей, человек продолжает быть верен своим духовным и нравственным принципам, мыслить и облекать идеи в стройные логические образы. По жизненным вехам Гавриила Осиповича можно изучать историю России конца XIX – начала XX вв.: родившийся в самом конце «золотого века» в Российской империи, Гордон мужал на рубеже веков, время его молодости совпало с революционными событиями и превращением империи в Страну Советов и ГУЛАГа. Значение Г.О. Гордона для науки, истории и культуры переоценить трудно. Из пятидесяти семи прожитых лет двенадцать Гавриил Осипович провел в Соловецком и Угличском лагерях, но и там продолжал трудиться: изучал арабский язык, занимался переводами философских трудов на русский язык и библиотечным делом. На Соловках сокамерником Гордона был прославленный в будущем академик Д.С. Лихачев. Его товарищ – лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын, упоминавший имя Гавриила Осиповича в своей знаменитой книге «Архипелаг ГУЛАГ». В «Охранной грамоте» Б. Пастернака Гавриил Гордон выступает одним из персонажей, его же именем назван один из героев романа «Доктор Живаго».

В Угличском лагере, на строительстве гидроузла, где он отбывал свой второй срок по оговору бывших коллег, им были написаны воспоминания, названные «Повестью о моей жизни», отдельной главой которых стала «Музыка в моей жизни»². В 21-й школьной тетради описаны годы от рождения до окончания университета, все упомянутые тетради воспоминаний утрачены после смерти сына профессора Гордона. Машинописные копии фрагментов воспоминаний, прокомментированные Георгием Гавриловичем, Ирина Гавриловна Гурова, младшая дочь Гавриила Осиповича, передала в Отдел рукописей Московского государственного музея изобразительных искусств. В Угличском лагере Гордон закончил еще две работы, которые удалось сохранить: «Маленькое введение в большую философию» (1937) и «Клио. Краткое введение в изучение истории для милой дочери моей Ирины» (1939).

В августе 1941 г. истекал срок заключения Гордона, но в связи с началом Отечественной войны он не был освобожден. Гавриил Осипович умер в лагере 26 января 1942 г. от «авитаминоза», что по тем временам означало истощение... В 1957 г. Военным трибуналом Московского военного округа были пересмотрены оба его дела, результатом чего стала посмертная реабилитация профессора Гордона.

«Повесть о моей жизни» окончена Гордоном в 1940 г. в Угличе. В 1939 г. Гавриил Осипович передал дочери Елизавете первые две тетради и небольшое письменное напутствие: «Милая Ликуня! Тебе я передаю эти первые две тетради и прошу тебя хранить их. Копии у меня нет, это единственный экземпляр. Я восстановил половину пропавших тетрадей и написал одну из поздних глав (первую главу о Марбурге) <...> Если я буду продолжать их и вообще доживу до их окончания, то это будет многотомная книга и, может быть, когда-нибудь она и увидит свет. Прошу откровенно написать мне ваше мнение»³. «Бесценному другу <...> Лизе и милым детям с любовью и благодарностью»⁴ – такое посвящение профессор Гордон предпослал своим воспоминаниям, на страницах которых рассказывается о годах учебы в Московском университете, о Георгии Ивановиче Челпанове – университетском наставнике Гордона и основоположнике психологического образования в России, и о Марбурге – центре интеллектуального паломничества российских студентов в начале XX в.

В кратком предуведомлении к воспоминаниям Гавриил Осипович проводит детальный анализ мемуаров и настаивает на их невеликой ценности как исторических свидетельств и документов. Даже когда автор старается быть абсолютно объективным, это невозможно в полной мере. Во-первых, потому что всякое воспроизведение действительности, даже самым строгим по отношению к себе человеком, всегда субъективно, и ее изображение несет на себе отражение его личности. Во-вторых, в памяти пишущего, как бы ни была она точна, с годами стираются многие подробности и смещаются перспективы. Люди пишут свои воспоминания

большой частью спустя долгое время после описываемых событий, многое из ранее записанного становится непонятным. Поэтому, по мнению Гордона, такой «глубоко честный писатель», как Гете, озаглавил свою биографию «Wahrheit and Dichtung» («Правда и поэзия»), так как даже он не мог точно определить, что в его воспоминаниях было верным воспроизведением действительности, а что нет. Гавриил Осипович приходит к убеждению, что мемуары для историка не теряют своей ценности от недостатка объективности. Они дают представление о характере описываемого времени и его примечательных чертах, служат источником для оценки читателем самого автора как представителя той или иной эпохи. Необъективные и крайне пристрастные мемуары Сен-Симона являют собой интересное изображение целой эпохи в истории Франции XVII–XVIII вв. А «Былое и думы» А.Герцена – одно из величайших произведений мемуарного жанра – дает незабываемое изображение целого периода русской и мировой истории. Гордон настаивает на том, что «идеальной объективности» от мемуаристов требовать нельзя, хотя она должна быть регулятивным принципом при написании и выборе исторического материала. Воспоминания ценны не столько благодаря обилию материала, сколько его удачному выбору, распределению и изложению.

Обращаясь к самому себе, Гордон объясняет причины, побудившие его взяться за написание воспоминаний. «Я не меньше, чем голландский писатель Деккера, мог бы претендовать на псевдоним “Мультатули”, что в переводе с латинского означает “много перенес”. За 54 года мне довелось видеть так много, встречаться с такими разными людьми, что я счел бесполезным записать то, что сохранила для меня память»⁵.

Первая глава «Повести о моей жизни» содержит воспоминания профессора Гордона об известном в научном сообществе человеке, Г.И. Челпанове, профессоре Киевского, а затем Московского университетов, основателе Психологического института в Москве. С последним у Гордона сложились не слишком теплые отношения, тем не менее Гавриил Осипович сдержанно и обстоятельно за-

печатлел портрет своего университетского преподавателя.

Впервые Г.И. Челпанов появился в Московском университете в 1907 г. уже после кончины князя С.И. Трубецкого, выдающегося ученого и прекрасного педагога, первого выборного ректора Московского университета. Челпанов занял его место заведующего кафедрой философии, хотя был не историком философии, как его предшественник, а психологом. Георгий Иванович указывал на единомыслие с покойным Трубецким, но между конкретным идеализмом Трубецкого и «бесцветным спиритуализмом» Челпанова не было ничего общего. Первая лекция Челпанова в стенах Московского университета и у профессуры, и у развитой части студенчества вызвала глубокое разочарование, настолько банальным было ее содержание (общие вопросы философии). Как философ Челпанов не создал, да и не мог создать никакой школы, как психолог он основал Институт экспериментальной психологии, написал учебники по экспериментальной психологии и логике. Его ученики Кравков и Рудик составили московскую психологическую школу. К ученикам Челпанов относился крайне внимательно, при одном строгом условии — они должны были его почитать и уважать. Если он замечал в ком-то из своих студентов «критическую ноту», то отношения становились враждебными. Так случилось и с Гавриилом Гордоном, который «...никогда в жизни не умел подчинять свободу своей мысли риску испортить отношения или потерять расположение. Постепенно отношения мои с Челпановым из нормальных стали очень плохими»⁶.

Вместе с Лопатиным Челпанов должен был продолжить дело Трубецкого. Будучи студентом историко-филологического факультета, Гордон высказал формулу, отображающую *status quo*⁷ академической среды того времени: «Трагедия московской университетской философии в том, что она представлена огромным талантом, но в то же время и потрясающей ленью, с одной стороны, и огромной бездарностью, но потрясающей деловитостью, с другой»⁸. Эти слова были сказаны о Л.М. Лопатине и Г.И. Челпанове соответственно.

У Г.О. Гордона не сложились отношения с профессором Челпановым. И виной тому послужило несколько досадных моментов. Темой занятий в семинаре Г.И. Челпанова была гносеологическая проблема реальности. Однажды завязался горячий спор о понятии «вещи в себе» у Канта между Гордоном и Огневым, учеником Челпанова. Назвав Челпанова и Огнева наивными реалистами, Гавриил Осипович получил задание написать реферат на эту тему, но непременно с цитатами. В результате Гордон представил стройную концепцию систематического развития понятия «вещи в себе» от обычного понимания ее, как чего-то лежащего за явлением (в «Трансцендентальной эстетике», т.е. первой части «Критики...»), через предельное понятие (в переходе от «Трансцендентальной аналитики» к «Трансцендентальной диалектике») до идеи, то есть регулятивного принципа. Шестьдесят пять цитат потрясли Челпанова, придававшего бухгалтерии великое значение во всех областях жизни и науки, и, вместе с тем, посеяли зерно неприязни к пытливому Гордону.

Еще один инцидент, сыгравший роль в «прогрессирующем отчуждении» между Гордоном и Челпановым, произошел в том же семинаре несколько позднее. Георгий Иванович предложил семинару довольно известный древний софизм, связанный с именем философа Протагора, как логически неразрешимый. Гордон, в свою очередь, коротко и ясно доказал, что никакого логического софизма в озвученной ситуации нет, а есть лишь юридический казус. Таким образом, отношения молодого Гавриила Осиповича с университетским профессором были окончательно испорчены.

Конфликт с Челпановым, описанный в воспоминаниях, лишил Гордона золотой медали за конкурсное выпускное сочинение «Психофизический параллелизм у Спинозы и в современной философии». Серебряная медаль вместе с оценкой «весьма удовлетворительно» на государственных экзаменах «по группе философских наук» давала ему диплом первой степени и право на оставление при университете, но академическая карьера Гордона не сложилась. Таким образом, разногласия молодого Гордона с Челпа-

новым помешали ему в полной мере реализовать свой творческий и научный потенциал. Однако винить в этом только лишь университетского наставника более чем несправедливо. В среде философов Московского университета существовал неписанный кодекс – преследовался всякий интерес к неокантианству; молодые философы, поклонники Когена и Риккерта, рисковали будущей карьерой.

К 1905–1907 гг. положение дел в философском сообществе университета было следующим. Князь С.Н. Трубецкой, блестящий специалист по истории древней философии, литературе и религии, вел философский семинар, из которого вышел ряд будущих неокантианцев: Фохт, Кубицкий, Гордон и др. После кончины Трубецкого бразды правления философским образованием оказались в руках Лопатина и Челпанова. Говоря об «искушенности» этих профессоров в вопросах философии (в частности, неокантианской), Гордон цитирует А.Белого: «Лопатин Когена и Риккерта знал лишь в пересказе профессора права Хвостова»⁹. Сам Лопатин говорил о неокантианстве следующее: «Когда речь заходит о Когене, мы в мирном единомыслии стараемся общими силами прорвать злокозненную паутину его диалектики»¹⁰. Гордон припоминает, как однажды Челпанов посетовал: «Пробовал я его, этого вашего Когена, знаете ли, читать, да вижу, что ничего не понимаю. И отложил его до поры, до времени: подожду, пока появятся сочинения о нем, да тогда и сам, пожалуй, напишу»¹¹. А Лопатин и Челпанов были лучшими в те годы философскими силами Московского университета. Поэтому для студентов, всерьез увлеченных философией, поездки в Марбург и Баден были не роскошью, а насущной необходимостью. Гордон и многие его товарищи, в числе которых были Фохт, Вышеславцев, Пастернак и прочие, отправились постигать глубины философии в Марбург. Именно там молодые интеллектуалы обретали искомую систему философского знания, мощный на-

учный инструментарий и воодушевлялись просветительской идеей распространения в России начал интернациональной научной философии, то есть философии как отдельной и независимой науки. Эти идеи стали своего рода фундаментом всей творческой жизни Гавриила Осиповича Гордона, позволив ему созидать на стезе просвещения.

Жизненный путь Гавриила Осиповича Гордона представляет собой вереницу очень непростых событий. Консервативность и недальновидность университетской профессуры, вынужденное примирение с суровой реальностью эпохи, аресты и ссылки, годы лагерей – все эти факты вылились в невозможность полноценно реализовать могучий творческий потенциал. Вместе с тем даже та малая часть творческого наследия Гордона, что сохранилась для истории, и воспоминания о нем его великих современников позволяют сделать вывод об уникальности этой бесспорно талантливой личности, одного из тех, кто составил славу русской школы неокантианства.

Примечания

¹ См.: Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. М., 2007.

² См.: Миронова К.Ю. Культурфилософский анализ концепции музыки русского неокантианца Г.О. Гордона // Жизнь: бытийственный, ценностный и антропологический аспекты. Саратов, 2008. С.214–219.

³ ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина. Кол.ХI. Разд.V. Ед. хр. 1. Л.2.

⁴ Там же. Л.3.

⁵ Там же. Л.5.

⁶ Там же. Л.14.

⁷ *Status quo* (лат.) – существующее положение.

⁸ ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина. Кол.ХI. Разд.V. Ед. хр. 1. Л.6.

⁹ Белый А. Начало века: Воспоминания: В 3 кн. М., 1990. Кн.2. С.382.

¹⁰ Там же. С.228.

¹¹ Гордон Г.О. Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопр. психол. 1995. №1. С.87.

УДК 1:792 + 316.74:792

ФЕНОМЕН ТЕАТРА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В.Н. Райков

Саратовский государственный университет
E-mail: tuz@renet.ru

Процессы глобализации и столкновения различных культурных традиций все более часто встречаются в современном обществе, что приводит как к трансформациям индивидуального мышления, так и методологическим сдвигам в философских науках. Мышление становится более раздробленным, в него включаются элементы различных стереотипов, итогом чего становится изменение отношения к театральности в социально-философском дискурсе, которая становится из простой метафоры важным фактором политических изменений.

Ключевые слова: культурная традиция, стереотипы, театр, театральность, политическая трансформация.

The Phenomenon of the Theatre in the Social Philosophical Discourse

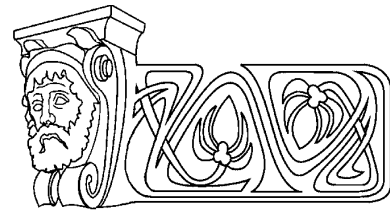
V.N. Raykov

The processes of globalization and confrontations of different cultural traditions take their place in the modern world very often. The mentation of a man in the modern society incur to deformations. As a result it turns to be more fragmental as it contains the elements of different stereotypes. In the history of the social philosophy the term «theatre» was a metaphor, but in the modern social space the theatricality is a very important factor of the political transformations.

Key words: cultural tradition, stereotypes, theatre, theatricality, political transformation.

Театральность как феномен общественной жизни распространяется далеко за пределы театра как здания и театра как социокультурного института, поэтому необходимо определить специфику этого феномена и выделить его характерные черты. Театр еще со времен античности является объектом исследования эстетики и философии культуры, но социально-философский анализ театра находился на периферии развития гуманитарной мысли, хотя следует отметить, что античный театр воспринимался философами той эпохи именно как феномен социальный, наделенный в условиях полисной жизни определенными функциями.

Аристотель в своей «Поэтике» впервые обращается к теоретическому осмыслению театрального действия, делая особенный упор на выявлении предпосылок возникновения театра в механизмах человеческого поведе-

ния и восприятия. Истоки возникновения театрального искусства он находит в *миметическом* (подражательном) характере человеческой природы. «Подражать присуще людям с детства: люди ведь тем и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к подражанию, и даже первые познания приобретают путем подражания, и результаты подражания всем доставляют удовольствие»¹. Согласно античному мыслителю, природа этого удовольствия заключается в том, что подражание и повторение уже созданного природой или другими людьми носит творческий характер и является основным способом человеческого познания, которое присуще как философам, так и обычным людям, пусть даже в меньшей степени. Выбор образца для подражания приводит к разделению театральных жанров на комедию и трагедию: некоторые поэты, по мнению Аристотеля, «подражали прекрасным делам подобных себе людей, а те, что попроще, – делам других людей; последние сочиняли сперва ругательные песни, как первые – гимны и хвалебные песни»².

Соответственно, в социально-политическом аспекте театральность проявляется в подражании большинства политическим лидерам, причем необходимость подчинения одних людей другим оказывается обусловлена миметической природой самого человека, а также наличием личностей, действия и мысли которых могут послужить образцами для подражания. В театрализованном социальном пространстве античного полиса можно выделить три основных субъекта социального действия: образец для подражания (политический деятель), подражатели-актеры (представители определенной политической партии) и зрители (остальное население полиса, на которых собственно и рассчитыва-

лось любое представление, разыгрываемое в социальных координатах). Позднее Ж. Бодрийяр будет говорить о политической театральности терроризма как о треугольнике, вершины которого образуют сами террористы, средства информации и массовая аудитория³.

Кроме того, Аристотель проводит методологически крайне важную операцию, разделяя театральное представление на шесть составляющих элементов, без которых оказывается невозможным правильное воздействие на публику: сказание (*mythos*), характеры (*ethe*), речь (*lexis*), мысль (*dianoia*), зрелище (*opsis*) и музыкальная часть (*melos*)⁴. За исключением музыки, которая способна создавать эмоциональный фон, но не несет отчетливо выраженного социального значения (хотя музыке даже в современной политике уделяется немалая роль – достаточно вспомнить дискуссию о новом российском гимне в 1990-х гг.), все остальные элементы театрального действия находят отражение и в социальной действительности.

В отличие от сказания (или мифа) характеры персонажей в театральном представлении носят вспомогательный характер – не потому, что без характеров можно обойтись (хотя Аристотель утверждает, что многие драматурги обходились и без характеров), а потому, что характеры должны соответствовать цели разыгрываемого представления. По словам самого мыслителя, «в трагедии не для того ведется действие, чтобы подражать характерам, а наоборот, характеры затрагиваются лишь через посредство действий; таким образом, цель трагедии составляют события, сказание, а цель важнее всего»⁵. Иначе говоря, сказание, а не игра актеров и представляет собой суть театральности, поскольку грамотно выстроенное сказание способно овладеть умами зрителей, подчинить их себе, в то время как актерские способности могут лишь содействовать данному процессу, но оказываются не в состоянии исправить те недостатки, которые могут быть допущены при сочинении исходного мифа.

Третьим немаловажным элементом театрального действия является мысль, содер-

жащаяся в репликах персонажей, и вербальный способ донесения информации до слушателей – то, что Аристотель называет речью. Впрочем, эстетическое влечение, присутствующее, по мнению А.Ф. Лосева, античной культуре и античному обществу в целом, приводит Стагирита к вполне обоснованному выводу о том, что только речь не способна оказать воздействие на зрителей, которым требуется еще и визуальное воплощение сценического действия⁶. Конечно, он высказывается по поводу зрелищности представления достаточно пренебрежительно, относя его к ведению декоратора, а не поэта или актера, но отрицать тот суггестивный потенциал, который несет в себе визуальная репрезентация событийного ряда, оказывается не в состоянии.

Средневековье стало эпохой, в которой социально-философская рефлексия театра и театральности оказалась разведена с социальной практикой. В рамках христианской теологии игра (в том числе и актерская игра) представляла собой попытку одевания на себя маски, скрывания той природы, которая была дарована человеку божественной волей, поэтому театральность подвергалась всеческому порицанию. Несмотря на это, уже в XI в. были зафиксированы рождественские представления, во время которых бродячие актеры разыгрывали сцены из жизни Иисуса⁷. На подобное нарушение канонов католическая церковь предпочитала смотреть «сквозь пальцы», справедливо считая, что эти действия способны передать значительно больше информации и сильнее повлиять на широкие массы, нежели чтение Евангелия, которое, в силу общей неграмотности, было доступно лишь немногим. Подобная двойственность – критика театральности с религиозных позиций и фактическое использование механизмов театрального воздействия в повседневных практиках – стала характерным атрибутом средневекового общества.

Новый взлет внимания к проблеме театральности, в том числе и в ее социальном значении, произошел в эпоху Нового времени, что было связано с прогрессирующей секуляризацией социальной сферы, освобож-

дением социально-философской рефлексии от тесных пут догматического богословия.

Интересный аспект театральности отмечает Ф. Бэкон. Выделяя в качестве одного из препятствий на пути объективного познания «признаки театра», он определяет сущность этих признаков как суггестивное воздействие театральных актеров на сознание зрителей. Театр не является созерцательным зрелищем, выступающим предметом чисто эстетического дискурса, а служит ареной высказывания определенных точек зрения, которые приобретают императивный характер для всех присутствующих (причем зачастую незаметно для самой публики)⁸.

Следующий всплеск интереса к театру и театральности в рамках социально-философских исследований произошел уже в XX в. и был во многом обусловлен сменой методологических ориентиров, которая позволила по-новому рассмотреть традиционные философские проблемы и вернуться к тем трактовкам, которые многочисленные интерпретации укрыли от исследователя социальных процессов.

Экзистенциальная трактовка театра представлена в работе А. Камю «Миф о Сизифе» и тесно связана с его философскими взглядами, касающимися индивидуальных и социальных характеристик человека. Состояние бессмысленности, переживаемое человеком, сопровождает все его действия, точнее, делает проблематичной саму потребность в воспроизводстве социально заданной последовательности действий. Существование актера также абсурдно, ибо он подменяет собственную жизнь проживанием чужих судеб. Религиозная философия, отмечая трагизм подобного положения, видела его причину в отходе от божественного замысла, согласно которому каждому человеку суждена своя судьба, изменить которую не дано.

Камю отказывается от подобного обоснования и приходит к выводу, что человек, который потерял смысл собственной жизни и пытается его обрести, разыгрывая перед зрителями трагедии театральных персонажей, лишь удаляется от своей цели, поскольку теряется в том множестве смыслов, которые проявляются в сыгранных им ролях. «Еже-

месячно и ежедневно он иллюстрирует ту плодотворную истину, что нет границы между тем, чем хочет быть человек, и тем, чем он является. Своим повседневным лицедейством он показывает, насколько видимость может создавать бытие»⁹. С социальной точки зрения, экзистенциализм в лице Камю демонстрирует, насколько внешним по отношению к самому человеку является многообразие навязываемых ему социальных ролей, которые он вынужден играть «по долгу службы». Включаясь в социальную реальность, человек тем самым включается в театрализованное действие, требующее от него перманентного пребывания то в роли зрителя, то в роли актера, что усиливает внутреннее отчуждение, лишает собственной идентичности. В подобном аспекте театральность социальной жизни предстает механизмом, обеспечивающим воспроизводство общества, но уродующим человеческие души. Нетрудно отметить, что экзистенциалистское видение театра (выразившееся в драматургических экспериментах С. Беккета и А. Арто) не позволяет в полной мере рассмотреть социальное измерение театральности, сводя миметические и суггестивные элементы исключительно к личностным ощущениям человека.

Более продуктивная точка зрения, вскрывающая механизм функционирования театральности, была представлена в работах теоретиков социально-феноменологического подхода, из которых следует особенно отметить П. Бергера, Т. Лукмана и И. Гофмана.

В социальном конструктивизме театр использовался в качестве метафоры социальной реальности, представляющей собой множество локальных миров, заключающих в себе знания; они для обитателей данного мира абсолютны и незыблемы, но лишь до тех пор, пока обжитые границы не окажутся покинуты, а привычное знание не будет подвергнуто сомнению.

Гофман более глубоко подошел к исследованию театральности, вскрыв социальные корни этого явления, что позволило исследователям охарактеризовать его подход в социальных науках как *драматургический*¹⁰. С его точки зрения, подобный подход способен дополнить классические социально-

философские методы исследования и придать новые теоретические горизонты изучению микроуровня общественной жизни. Драматургическое измерение социальной реальности органично дополняет другие: техническое (организация деятельности для достижения намеченных целей); политическое (неравномерное распределение власти в социальном пространстве, контроль над ресурсами деятельности и моделями человеческого поведения); культурное (ценности, определяющие цели человеческих действий). Взаимодействие индивидов, построенное на стремлении максимально полно за сжатый промежуток времени усвоить мотивы поведения Другого, Гофман называет символическим.

В этом случае большое внимание уделяется тем символическим моделям поведения, с помощью которых индивид репрезентирует свое существование в окружающем мире. Иначе говоря, мы сталкиваемся с устойчивой маской, которую надевает на себя собеседник, но именно понимание того, что все действия, совершаемые им, являются лишь реализацией определенной стратегии поведения, обусловленной последовательной сменой социальных масок, позволяет разобраться в происходящем и прийти к определенным выводам.

В заключение хочется отметить, что социально-философский дискурс, посвященный театру, демонстрирует динамичное, хотя и нелинейное развитие. Как ни парадоксально, но возвращение к истокам, в частности, к «Поэтике» Аристотеля в работах многих современных исследователей представляется более актуальным в свете социально-философского исследования природы театральности, чем труды многих последующих классиков философской мысли. Современное видение театра предполагает распространение исследовательских интенций на целый ряд сопутствующих феноменов, что и отмечает

Е.М. Гашкова: «Театрализация жизни имеет множество вариантов, изучаемых и применяемых в разных видах социальной теории и практики. Это и социальный театр или социальный маскарад, политический театр, терапевтический (медицинский) театр, учебный театр (деловые игры), мифологизация и карнавализация жизни, художественная театральность и прочее»¹¹. Вместе с тем структуралистский и постструктуралистский анализ политической действительности через призму совокупности символических репрезентаций позволяет говорить о театральности как неотъемлемом феномене современной социальной и политической реальности, требующем категориального прояснения и выявления характерных черт.

Примечания

¹ Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. М., 1984. Т.4. С.648.

² Там же. С. 649.

³ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Кодекс социального. Екатеринбург, 2000. С.15–16.

⁴ Аристотель. Указ. соч. С.652.

⁵ Там же.

⁶ По поводу позиции А.Ф. Лосева относительно характеристик античного способа мышления см.: Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1990. С.156–158.

⁷ Ле Гофф Ж. С небес на землю. Перемены в системе ценностных ориентации на христианском Западе XII–XIII вв. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С.43.

⁸ Бэкон Ф. Собр. соч.: В 2 т. М., 1959. Т.1. С.56.

⁹ Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Избранные произведения. М., 2002. С.43.

¹⁰ См. подробнее: Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С.21.

¹¹ Гашкова Е.М. От серьезности символов к символической серьезности (театр и театральность в XX веке) // Метафизические исследования. Вып.5. Культура: Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. СПб., 1997. С.87.

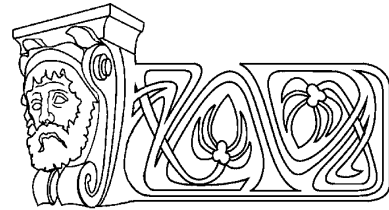

УДК 1 (470)+929 Соловьев

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ» В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

В.П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье изучается направленность философских изысканий В.С. Соловьева на утверждение «нового религиозного сознания» как альтернативы рефлексивному сознанию. Внимание акцентируется на исследовании особенностей онтологической интуиции в метафизике всеединства и «положительную диалектику» как методологию, ориентированную на постижение сверхприродного первоначала. Решение поставленной задачи осуществляется в контексте анализа критики русским мыслителем диалектики Г. Гегеля и его положений относительно закона тождества.

Ключевые слова: метафизика, диалектика, сверхприродное начало, абсолют, Логос, идея, разделение, противоположение, тождество.

Methodological Basis of «New Religious Consciousness» in V.S. Solovyov's Philosophy

V.P. Rozhkov

This article is devoted to study of V.S. Solovyov's philosophical research of «new religious consciousness» as alternative of reflective consciousness. The accent is given to peculiarities of ontological intuition in «metaphysics of universal unity» and to «positive dialectics» as methodology to comprehend supernatural primary substance. Solution of this problem is realized in context of analysis by the Russian philosopher of Gegel's dialectics and his interpretation of identity law.

Key words: methaphysics, dialectics, supernatural, basis, absolute, logos, idea, division, contraposition, identity.

Стремление В.С. Соловьева к выявлению оснований для утверждения «нового религиозного сознания» можно объяснить по-разному. В целом оно явно отражает желание русского религиозного философа создать альтернативу различным вариациям рефлексивного сознания, представляющего синтез эмпирической и рациональной составляющих мыслительного процесса и, как следствие, содержащего установку на разделение бесконечного множества материальных и идеальных образований, единство которых может быть интегрировано лишь на уровне системы. Относительность системного единства аргументируется в научно-рациональной парадигме и функциональным различием создающих систему компонентов,

и закономерным конечным распадом или видоизменением системных образований окружающего мира. Трансляция подобной установки в общественное сознание естественно сопровождается достаточно массовым восприятием идеи закономерности борьбы в этом субстанционально и социально разделенном мире.

В поисках мировоззренческой альтернативы мыслитель, как известно, создает первую систему русской религиозной философии, ядро которой составляет метафизика всеединства, а методологию – «положительная диалектика». Следует отметить, что, решая задачу выявления общей «платформы» многочисленных течений русской философии, один из известных авторов фундаментального труда по истории русской философской мысли В.В. Зеньковский выделял философию «положительного всеединства» В.С. Соловьева среди многочисленного по течениям и мощного по содержанию направления онтологизма. Необходимо уточнить, что онтологическая интуиция философии в метафизике всеединства носит особенный характер.

Особенность онтологизма одного из первых создателей философской системы русского религиозного мировоззрения проявляется в его апелляции к сверхприродной области божественного сущего как «безусловного начала» или «безусловного единого». «...Бог есть все, – рассуждает он, – то есть, что все в положительном смысле или единство всех составляет собственное содержание, предмет или объективную сущность Бога»¹. Это – ключевое концептуальное положение метафизики всеединства В.С. Соловьева, стремящегося открыть общественному сознанию измерение, которое образуют

не разделенные между собой вещественные явления, составляющие относительное единство, а безусловное единое.

Одной из центральных составляющих концептуального метафизического построения русского мыслителя является установка на «положение» абсолютно сущего как безусловного единого в «своем другом» или во множественности. «Абсолютно сущее, не подлежащее само по себе никакому определению, определяет себя, проявляясь как безусловно единое чрез положение своего другого или содержания, то есть всего, — заключает философ, — ибо истинное единое есть тот, который не исключает множественности, а напротив, производит ее в себе и при этом не нарушается ею, а остается тем, чем есть, остается единым и тем самым доказывает, что он есть безусловно единый»².

Эта множественность в рассматриваемой метафизической концепции всеединства не может быть представлена ни атомами, ни монадами, так как речь идет не о природном мире вещественных явлений, а о сверхприродном сущем — безусловном едином, которое полагается в своем другом, а значит, во множественности сверхприродного, сверхматериального. Такое сверхматериальное воспринимается философским сознанием как идеальное по содержанию и сущности.

В данном контексте вполне понятна правомерность определения В.С. Соловьевым полагемой «безусловным единым» множественности как множественности «идеальных сущностей» или «идей» как «особенных форм метафизических существ...»³. Последнее дает ему основание определить бытие как отношение сущего к сущностям.

Однако для завершения концептуального метафизического построения, в котором выявляется установка на «положение» безусловного единства во множественности, необходимо введение универсальной составляющей, обозначающей связь или отношение между отдельными «идеальными сущностями» множественности, в которой «полагается» безусловное единое. Русский философ определяет искомое отношение как «существенное отношение» и ставит вопрос о возможности подобного отношения вообще. При

этом ему явно нужно доказать, что это отношение выражается не категориями «разделения», «раздвоения», «противоположности» и «отрицания», а идеей, открывающей сущность (содержание) положения безусловного единства между качественно различными, отдельными идеальными сущностями. И мыслитель приходит к решению в традиционном для русского религиозного сознания панэтическом ключе. «Очевидно, — предполагает он, — оно возможно лишь тогда, когда различаясь между собою непосредственно, они в то же время сходятся или уравниваются между собою в чем-нибудь для них общем, причем для существенного отношения между идеями необходимо, чтобы это общее само было существенным, то есть было бы особенной идеей или основным существом»⁴. И такая особенная идея есть в православном религиозном мировоззрении, несущем в себе приоритет откровения «Бог есть любовь».

Демонстрируя внутреннюю связь с русской духовно-религиозной культурой, В.С. Соловьев неоднократно акцентирует внимание именно на этой приоритетной сущности Бога как содержания безусловного единства. Так создается стержневая составляющая метафизической концепции всеединства. Но его онтологическая концепция включает построения и на уровне категорий сущности и бытия. В этом случае определение бытия как некоего отношения сущего или субъекта к его сущности или содержанию дает философу логическое основание для вывода о том, что «способы этого отношения» представляют «способы (модусы) бытия»⁵.

Вполне понятно, что выведение подобных онтологических контекстов сущего, сущностей и бытия обуславливает совершенно иное проявление онтологизма и онтологического аргумента по сравнению с онтологизмом представителей сциентистской философии. Для сознания здесь открывается возможность обращения к совершенно иной «действительности», недоступной для эмпирического и рационального познания и, следовательно, предполагающей создание совершенно иного методологического основания постижения истины. Причины недоступности этой метафизически обозначенной им сверх-

природной области для эмпиризма и рационализма В.С. Соловьев определяет в контексте философии всеединства. Эмпиризм допускает познание только явлений, не учитывая особенности «внутреннего и внешнего опыта». Рационализм переводит познание на уровень «чистого мышления», фокусируя его на «общих понятиях». Отсюда ограниченность первого чувственным восприятием, а второго – отвлеченным мышлением. Как считает философ, это препятствует постижению полноты сущего, так как чувственно воспринимаемая вещественная действительность представляет условные, преходящие явления, а общие понятия отвлеченного мышления суть «схемы явлений» или «тени идей». Выявив ограниченность основания эмпиризма внешним опытом и основания рационализма – логическим мышлением, В.С. Соловьев обращается к осмыслению третьего, по его мнению, типа миропостижения – мистицизма. В его видении именно мистическое мирозерцание направлено на сверхприродную область, поскольку обращено к живой действительности существ (идеальных сущностей), определяемых «их отношением к существу первоначальному». Вместе с тем сам по себе мистицизм, как понимает философ, представляет лишь одно из оснований миропонимания.

Подобное размышление, очевидно, подводило мыслителя к методологии «широкого синтеза», создающего в его философско-религиозной системе методологическую базу «цельного знания» или «свободной теософии», которая по своей сути должна быть «синтетической философией». Последнее он объясняет тем, что, являя собой высшее состояние всех философий, «свободная теософия» предполагает внутренний синтез главных направлений философского знания – мистицизма, рационализма и эмпиризма. Показательно, что русский философ избегает опасности, таящейся в подобном методологическом синтезе. Это – опасность эклектики. В его «синтетической философии» она невозможна по естественной причине. Отличительная особенность «свободной теософии» видится В.С. Соловьеву в ее обращении к «трансцендентной действительности

абсолютного первоначала». Такое обращение задается мистицизмом, так как именно он, по заключению мыслителя, несет в себе воззрения, признающие собственную абсолютную действительность «истинно сущего». «Мистическая философия, – объясняет он, – с одной стороны, знает, что всякое бытие есть лишь образ представления сущего, а не само оно; с другой стороны, против скептического утверждения, что человек ничего не может знать кроме представления, она указывает на то, что человек сам есть более чем представление или бытие и что, таким образом, даже не выходя из себя, он может знать о сущем»⁶.

По этой причине в «тесном синтезе» мистицизма, рационализма и эмпиризма, согласно обоснованиям В.С. Соловьева, мистицизм доминирует, задает вектор ориентации другим направлениям «синтетической философии» и тем самым придает объединению методологических ресурсов эмпиризма и рационализма характер методологического синтеза. На базе предлагаемого методологического синтеза В.С. Соловьевым выстраивалась система цельного знания, или свободной теософии, в которой каждый компонент выполняет свою функцию. Функциональное назначение каждого из системных компонентов было четко обозначено мыслителем. Мистицизм должен выполнять целевую функцию, эмпиризм – внешне-базисную, а рационализм – системно-связующую. Из этого следует, что именно в методологическом синтезе создавалась «синтетическая философия» как система, обладающая интегральным свойством «цельного знания», которое отсутствовало у каждого из компонентов системы в отдельности.

В то же время создаваемая система, выражая собой внутренний синтез трех выделенных направлений философского знания, не завершает сам процесс синтезирования, так как В.С. Соловьевым предполагалось углубление рассматриваемого процесса посредством структурирования самой синтетической философии в ее внутреннем содержании. Особенность такого структурирования заключается в том, что оно предполагает по сути выделение составных частей синтетической философии, т.е. цельного знания, а это

означает, что требуется не только выявить сами составные части, но и обнаружить неразрывную, «органическую» связь между ними.

Русский философ решает эти задачи в соответствии с особенностью онтологического аргумента религиозной метафизики всеединства. Он выделяет моменты проявления философско-религиозного сознания, стремящегося к цельному знанию, внутренней динамики абсолютно сущего: момент субстанционального единства многих до их проявления, момент проявления абсолютно его в Логосе, момент сведения идеи множественности к единству.

По сути, в третьем моменте абсолютное начало в концепции В.С. Соловьева воссоединяет собою в Идее конечный мир в актуальном синтетическом единстве.

В соответствии с выделенными моментами создатель первой философской системы в истории русской религиозной философии обозначает структуру свободной теософии, а значит – цельного знания, выделяя в ней такие части, как органическая логика, органическая метафизика и органическая этика. В каждой из них он выявляет ключевой метод мышления. По его мнению, для органической логики доминирующим методом является диалектика, для органической метафизики – анализ, а для органической этики – синтез. Подобное разделение методов, как видно, полностью соответствует содержанию каждого из ранее обозначенных моментов проявления абсолютно сущего.

Итак, определяя ключевой метод первой части свободной теософии – органической логики, В.С. Соловьев обращается к диалектике. В этой связи он высказывает критическое отношение к «рационалистической» диалектике Г. Гегеля.

Казалось бы, здесь, как и в «онтологизме», просматривается нечто общее и в выборе основного метода, и в факте критики по этому поводу немецкого философа у представителей отечественного марксизма и русской религиозной философии. Однако и в том, и в другом случаях речь идет о принципиально разном понимании диалектики и о

совершенно иной по содержанию критике диалектики Г. Гегеля.

Собственное понимание диалектики создатель первой концепции метафизики всеединства на почве русской духовной культуры изложит предельно ясно в контексте своего концептуального построения. «Под диалектикой я разумею, – поясняет он, – такое мышление, которое из общего принципа в форме понятия выводит его конкретное содержание; так как это содержание, очевидно, должно уже заключаться в общем принципе (ибо иначе мышление было бы творчеством из ничего), но заключаться только потенциально, то акт диалектического мышления состоит именно в переводе этого потенциального содержания в актуальность, так что начальное понятие является как некоторое зерно или семя, последовательно развивающееся в идеальный организм»⁷.

Такая диалектика и будет названа им «положительной диалектикой». Это совершенно другое понимание диалектики, чем у В.И. Ленина и других последователей диалектического материализма.

Сущность выводимой положительной диалектики отчетливо отражается в высказываниях В.С. Соловьева о коренных расхождениях с «рационалистической диалектикой» немецкого мыслителя. Исток этих расхождений русский религиозный философ видит в разнице определения первоначал или (относительно диалектики) «исходной точки диалектического развития». Для Гегеля, как ему (В.С. Соловьеву) видится, такое первое начало представляет «чистое отвлеченное бытие», что по сути означает отрицание собственной трансцендентной действительности сущего. В то время как положительная диалектика, отождествляя себя с Логосом сущего, признает тождественность логического содержания нашего чистого мышления с логическим содержанием сущего.

Отсюда русский мыслитель аргументировал логику выведения Г. Гегелем тождества *того же* и *другого* или *тождества себя* и *своего противоположного*. С его точки зрения, признавая отвлеченную форму за абсолютную истину, нельзя не заключить, что все логические определения утверждаются сами

по себе в своей отвлеченности. В логике воспроизведенной установки определение самого «того же» утверждается в своей отвлеченности как тождество, а определение «другой» утверждается как «быть другим», то есть различие. В итоге появляется формула «А – не А» и ее выводное заключение: единство относительно, борьба абсолютна. Положительная диалектика, ориентирующая на признание тождественности логического содержания нашего чистого мышления с логическим содержанием сущего, подтверждает, а не отрицает закон тождества, предполагая его исходную формулу $A = A$. Действительно, если в метафизике В.С. Соловьева логическое содержание сущего, как было показано ранее, проявляется в моментах непосредственного, безусловно внутреннего единства, различения и актуально различенного единства или синтеза (Идеи), то это же содержание должно выявиться и на уровне «нашего чистого мышления». Тогда правомерен следующий вариант рассуждения, вытекающий из концептуального построения «положительной диалектики»: если абсолютно сущее проявляется как нечто единое, бесконечное, безначальное, Логос – как это нечто в начале различения множественности, а Идея – определенность этого же нечто в актуальном единстве различенной множественности – синтезе, то все термины, выражающие эти моменты в «нашем чистом мышлении», суть нечто. Таких терминов – три: то же, другое, тождество. В воспроизведенном контексте положительной диалектики их логическое содержание правомерно выразить следующим образом (рис. 1).

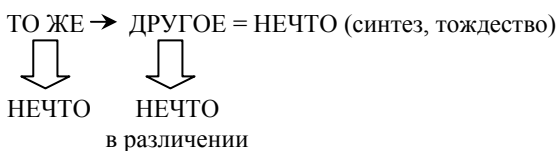

Рис. 1. Смысловое выражение тождества

В приведенное выражение можно внести уточнение, опираясь на корректирующее положение В.С. Соловьева. В частности, нельзя не учитывать его акцент на том, что «...основной логический закон или общая форма мышления выражает единство того же

и другого или тождества и различия, но не в одном и том же отношении, что было бы противоречием, а в разных отношениях, именно тождество по сущности и содержанию и различие по существованию или акту своего утверждения»⁸.

С учетом подобной коррективы вышеобозначенное выражение примет вид (рис. 2).

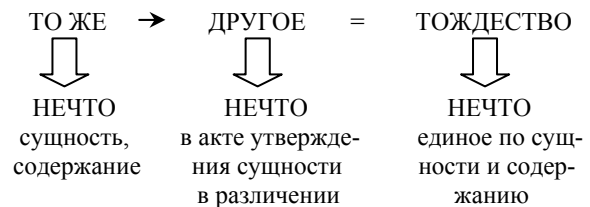

Рис. 2. Уточнение смыслового выражения тождества

В последнем выражении и заключается обоснование воспроизведения первичной формулы тождества $A = A$.

Надо лишь дополнить изъяснение формулы философом, который утверждал, что в ней отражается нумерическое (временное) различие двух А, так как в них обозначены следующие один за другим моменты времени в одном акте мышления.

Таким образом, В.С. Соловьев стремился доказать возможность философского обоснования альтернативной методологической установки: «Единство абсолютно – различия относительно». Но воспринять эту установку могло лишь сознание, обращенное в сверхприродную область к абсолютно сущему. Эта область, закрытая для физически-чувственного ощущения и рефлексивного разума, могла быть доступна, как считал русский философ, прежде всего интуиции.

Он определяет ее как «первичную форму истинного знания» и полагает, что это «...особенный способ мыслительной деятельности, который мы назовем уже известным в философии термином умственного созерцания, или интуиции (intellektuelle Anschauung, Intuition)»⁹. Именно посредством интуиции умственный центр познающего переносится в трансцендентную сферу истинно сущего и, таким образом, создается совпадение центра познающего с центром познания, когда возникают вспышки озарения, вдохновения, внутреннего прозрения.

Но совпадение или единение центров познающего и познаваемого на уровне интуиции выражает в свете этизированной Соловьевым сущности вполне определенное состояние – любовь. Действительно, это совпадение при постижении абсолютного сущего как «безусловного единства» и поэтому «безусловная любовь» возможна лишь при «впадении» собственно познающего в состояние любви, что и означает воспроизводство глубинными пластами его существа всемогущих сил единения. Это и есть момент обретения истины любви. Введение в решении вопроса об универсальной сущности интуиции этического основания, разумеется, не открывало ее внутренних глубинных пластов, однако открывало направление для дальнейших исследований.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)». Проект № 2.1.3./6499.

Примечания

- ¹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т.2. С.80.
- ² Соловьев В.С. Указ. соч. С.84.
- ³ Там же. С.53.
- ⁴ Там же. С.55.
- ⁵ Там же. С.97.
- ⁶ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.2. С.192.
- ⁷ Соловьев В.С. Философия начала... С.226.
- ⁸ Там же. С.273.
- ⁹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве... С.62.

УДК 1(470)+929

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ: ЭСТЕТИКА ТРАДИЦИИ И ПАФОС РЕВОЛЮЦИИ

А.М. Соколов

Российский государственный педагогический университет
E-mail: docentsokolov@yandex.ru

В статье представлена точка зрения на философию Н.А. Бердяева, позволяющая понять ее как следствие сложного взаимодействия двух противоположных факторов. С одной стороны, его происхождения и воспитания; с другой – его вовлеченности в стихию исторических потрясений. Автор подчеркивает, что «примирение» этих моментов, согласно учению русского мыслителя, возможно благодаря творческому началу в человеке.

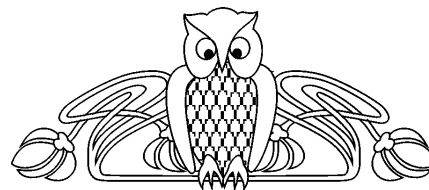
Ключевые слова: традиция, антропология, личность, творчество, преобразование, преображение.

Nikolay Berdjaev: the Aesthetics of Tradition and Pathos of Revolution

A.M. Sokolov

In article is presented the point of view on N.A. Berdjaeva's philosophy, allowing to understand it as consequence of difficult interaction of two opposite factors. On the one hand, its origin and education; on the other hand, its involvements into elements of historical shocks. The author underlines that «reconciliation» of these moments, according to the doctrine of the Russian thinker, probably, thanks to the creative beginning in the person.

Key words: tradition, anthropology, personality, creatu, religious consciousness.

Н.А. Бердяев входит в круг тех русских мыслителей, которые завершают непродолжительный, но очень интенсивный период расцвета русской религиозной философии: Сергей Булгаков, Лев Карсавин, Иван Ильин, Николай Лосский. В их трудах религиозное сознание достигает высшего философского уровня. Бердяев на Западе известен как выразитель православного мировоззрения.

«Значение Бердяева в истории русской философии заключается главным образом в том, что он в очень ясной форме выразил главные тенденции и главные итоги ее развития и тем самым сделал очевидным ее оригинальность на фоне классической западной философии»¹. Бердяев отчетливо осознавал свое философское призвание, которое сформировалось очень рано: «Во мне необычно рано пробудился интерес к философским проблемам, и я сознал свое философское

призвание еще мальчиком». «Любовь к философии, к познанию смысла жизни вытесняла во мне всё»².

Свою философскую позицию Бердяев определил следующим образом: «В центре моего философского творчества находится проблема человека. Поэтому вся моя философия в высшей степени антропологична. Поставить проблему человека – это значит в то же время поставить проблему творчества, личности, духа и истории. Поэтому я занимался главным образом философией религии, философией истории, социальной философией и этикой»³.

Антропологизм учения Николая Бердяева имел глубоко личное происхождение. Драматизм его судьбы, его поисков, достижений, разочарований находит отражение в его сочинениях. Происхождение этого драматизма – специфически русский феномен. Историческая укорененность в социальной среде, с одной стороны, и страстное желание осуществиться через актуализацию личной свободы, с другой, – события, сказавшиеся на судьбах многих русских людей. Сам Бердяев писал так: «Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней. Это входит в мою борьбу за право свободной и творческой мысли для себя»⁴. Изначально у него было предчувствие того, что поле истины находится во внутреннем мире человека. Тем не менее внутренний мир невозможно представить оторванным от всякой объективной реальности. В противостоянии ей кристаллизуется подлинная человеческая сущность, а следовательно, правда, интересующая человека. Жизненный путь русского философа наглядно демонстрирует экзистенциальную антиномичность, сказавшуюся на всем учении Бердяева.

«По своему происхождению я принадлежу к миру аристократическому. Это, вероятно, не случайно и наложило печать на мою душевную формацию. Мои родители принадлежали к “светскому” обществу, а не просто к дворянскому обществу. Будучи социал-демократом и занимаясь революционной деятельностью, я, в сущности, никогда не

вышел окончательно из положения человека, принадлежащего к привилегированному, аристократическому миру. И это и после того, как я сознательно порвал с этим миром», – писал Бердяев в «Самопознании». Он навсегда остался аристократом, но таким, который был увлечен не социальным предназначением аристократии, а абсолютным ее смыслом.

«В аристократическом обществе я не видел настоящего аристократизма и видел чванство, презрение к низшим, замкнутость. В России не было настоящих аристократических традиций. У меня была, конечно, “господская” психология, предки мои принадлежали к “господам”, к правящему слою. Но у меня это соединилось с нелюбовью к господству и власти, с революционным требованием справедливости и сострадательности. Я принадлежу к “кающимся дворянам”, хотя одно время усиленно боролся против такой душевной формации»⁵.

Философские влияния, испытанные Бердяевым, обширны и разнообразны. Вот как он сам об этом писал: «...мне особенно близки Гераклит, Ориген и Св. Григорий Нисский среди отцов церкви, Яков Беме, который имел огромное значение для моего духовного развития, и в некоторой степени Кант. Что касается философов нашего времени, у меня есть точка соприкосновения с Бергсоном, Джентиле, Максом Шелером. Среди представителей экзистенциальной философии наиболее близок мне Ясперс. Достоевский, Л. Толстой, Ницше, в свою очередь, сыграли большую роль в выработке моего мировоззрения, так же как Маркс, Карлейль, Ибсен и Леон Блуа – в становлении моих социальных взглядов»⁶. Для более полного понимания характера философии Н. Бердяева важно еще одно его собственное свидетельство: «Я всегда чувствовал себя очень связанным с героями романов Достоевского и Л. Толстого, с Иваном Карамазовым, Версиловым, Ставрогиным, князем Андреем и дальше с тем типом, который Достоевский назвал «скитальцем земли русской», с Чацким, Евгением Онегиным, Печориным и другими. В этом, быть может, была моя самая глубокая связь с Россией, с русской су-

дэбэой. Таке же чувствовал я себя связаннм с реальными людьми русской земли: с Чаадаевым, с некоторыми славянофилами, с Герценом, даже с Бакуниным и русскими нигилистами, с самим Л. Толстым, с Вл. Соловьевым»⁷.

Революционность Бердяева, очевидно, тоже во многом личного происхождения, но увлечение марксизмом имело для него и важные методологические последствия. Марксизм как никакое другое учение обнажил противоречия буржуазного мира. Правда, для философа была важна не столько социально-экономическая доминанта марксизма, сколько ее развитие в духовной сфере, поэтому его усвоение марксистских принципов было критическим до такой степени, что в более поздние периоды своей деятельности он, всегда имея их в виду, использовал только с целью аргументации позиции, захватывающей социологическую проблематику. В.В. Зеньковский писал: «Духовная эволюция Бердяева началась с его раннего увлечения марксизмом, но очень скоро занятия философией привели его к пересмотру философской стороны марксизма. Бердяев вместе с другими русскими марксистами стал последователем трансцендентального идеализма, который он, впрочем, довольно долго соединял с социальной программой марксизма»⁸.

Оригинальное развитие своих философских взглядов было реализовано Бердяевым претворением социально-философской и трансцендентальной направленности мысли в религиозно-экзистенциальную. «С известного момента моего пути я с необычайной остротой поставил перед собой и пережил проблему личности и индивидуальности. Это была не только проблема моей философии, но и проблема моей жизни»⁹, – писал он в автобиографии. Философская интуиция личности открылась ему как включающая всю полноту бытия. Личность он считал спиритуалистической, а не естественной категорией; она – не часть какого-либо целого, не часть общества, напротив, общество – только часть или аспект личности. Личность – не часть космоса, напротив, космос – часть человеческой личности. В личности целое предшествует частям. Личность – микрокосм, универсум. Следовательно, личность,

по мысли Бердяева, развивающего в данном случае точку зрения И. Киреевского и Вл. Соловьева, должна быть понята как действительное «Начало». Такое подлинное «Начало» должно содержать все, быть абсолютно конкретным, т.е. должно быть тем, по отношению к чему все остальное является частным случаем, проявлением, ограничением, отвлечением, упрощением и т.д. Такое Начало должно быть понята как существующее в абсолютном, безусловном смысле и не может быть зависимым ни от чего другого. Именно поэтому религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием.

Согласно Бердяеву после Канта бытие можно искать только в субъекте, что означает признание бытийственности самого субъекта, т.е. внутреннего существования. В немецкой же классической философии произошло объективирование субъекта, в субъекте не оказалось внутреннего существования. Отсюда непонимание проблемы личности, проблемы человека. «Субъект» Канта, Фихте, Гегеля – не человек, совсем не личность¹⁰. Кстати будет заметить, что такая теоретическая объективация может быть понята как выражение всей духовной традиции Запада, изначально стремившейся определить человека через внешние факторы: гражданские обязанности, имущественное состояние, расовую принадлежность.

Бердяев, развивая традицию русской религиозной философии, требует принять в качестве смысловой системы координат конкретное жизненное содержание личности, которое не может быть ограничено только теоретическим опытом. Чувства, эмоции, подобные состояниям тоски, страха, заботы, – эти элементы занимают центральное место в структуре личности. В них, а не в чистом мышлении и в объективном чувственном восприятии скрыта вся полнота бытия личности. «Сущее дано лишь в живом опыте первичного сознания, до рационалистического распада на субъект и объект, до рассеяния цельной жизни духа»¹¹. Не из мертвых категорий субъекта соткано бытие, а из живой плоти и крови. Подобное представление является выражением мировоззрения, претендующего быть христианским. По сути, в

пределе оно предполагает единство Бога и эмпирической личности: «Вопрос о Боге – вопрос почти физиологический, гораздо более материально-физиологический, чем формально-гносеологический, и все чувствуют это в иные минуты жизни, неизъяснимые, озаренные блеснувшей молнией, почти неизреченные»¹². Как здесь не вспомнить Леонтьева и его почти животный Божий страх, глубоко пережитый им лично, приведший его к «мистическому материализму».

Единство Бога и эмпирической личности как раз и позволяет полагать опыт, обнаруживаемый каждым человеком в своем личностном бытии, в качестве точки отсчета для всех смыслов – первичного и исходного. Это означает, что любое опытное знание (внешнее или внутреннее) будет обретать смысл в зависимости от того, что оно есть по отношению к личности, как одно из неотъемлемых определений личности. Другими словами, не личность определяется через порядок внешней действительности, а наоборот – всякий эмпирический (внешний или внутренний) факт должен получать бытийственный статус в горизонте существования личности.

Христианское понимание сущего (христианский гнозис) укоренено в жизни, оно имеет практически-жизненный характер. Овладение сущим не просто дает новые знания человеку, а приводит к коренной перестройке всей его жизни, придает ей настоящий смысл, поскольку открывает человеку самую важную истину – о его предназначении в мире.

Отсюда центральная тема философии Бердяева – тема творчества. «Тема о творчестве, о творческом призвании человека – основная тема моей жизни, – писал философ в автобиографии. – Постановка этой темы не была для меня результатом философской мысли, это был пережитый внутренний опыт, внутреннее озарение»¹³. Уже ранние произведения философа были ответом на кризисы – сначала социально-политический, затем – научно-философский и, наконец, религиозный как выражающий характер духовности в целом. Религиозное сознание в Европе переживало кризис, который должен был привести к существенно новому пониманию рели-

гиозных истин и новому религиозному действию. Было что-то, мешающее остаться при одной только истине, уже открытой и завершённой откровением христианства. Какая-то новая правда, предчувствуемая человеком, не вмещалась в рамки, намеченные старыми авторитетами¹⁴.

Источником такой правды для русского философа был личный, конкретный опыт, инициированный обостренным восприятием действительности и реализовавшийся в активном переосмыслении духовно-интеллектуальных поисков современников. «Проблема нового религиозного сознания в христианстве для меня стояла иначе, иначе формулировалась, чем в других течениях русской религиозной мысли начала XX века. Это не проблема плоти, как у Мережковского, не проблема освящения космоса, как в софиологическом течении, а проблема творчества, проблема новой религиозной антропологии. Эта новая антропология отлична от антропологии святоотеческой и схоластической, как и от антропологии гуманистической, поскольку она обоснована натуралистически»¹⁵.

Содержание интеллектуальных поисков Бердяева определялось вполне уже созревшим в жизни и сознании конфликтом между двумя формами мироотношения – приспособлением к данному состоянию мира (пассивным отношением к царству необходимости) и творческим преобразующим замыслом человеческого духа. Этот конфликт «требовал своего философского и объективного выражения, что могло быть достигнуто лишь тогда, когда медленно созревавшее творческое мироотношение выпрямилось и осознало себя»¹⁸.

По существу, Бердяева волнует ответ только на один вопрос, идущий от истоков христианства: «Можно ли перейти от творчества совершенных произведений к творчеству совершенной жизни?». Ведь Благая Весть человечеству была дана в период расцвета одной из величайших культур и накануне ее крушения. Уже поэтому под творчеством следует понимать «не создание культурных продуктов», а «потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию». От-

сюда понятно, почему Николаю Бердяеву «не импонировало никакое положение в обществе, никакой иерархический чин», почему ему было «чуждо иерархическое чувство, всякое различие людей по положению в обществе, вне личных качеств людей», почему, наконец, он «всегда терпеть не мог символов в человеческих обществах, условных знаков, титулов», которые представлялись ему «противными реальностям».

Вместе с тем он отнюдь не отрицал творчества культуры и смысла продуктов творчества. Бердяев считал, что это есть путь человека, который он должен пройти через творчество культуры и цивилизации. Но он считал такое творчество символическим, дающим лишь знаки реального преображения. Реалистическое творчество было бы преображением мира, концом этого мира, возникновением нового неба и новой земли.

Начало подлинного творчества – сам человек. Творчество человека – не его требование и право, а требование Бога к человеку и его обязанность. Бог ждет от человека творческого акта как ответа на свой творческий акт. Потому «всё, что вытекает из утверждения личности, так же универсально, как и космология»¹⁷. Бердяев имеет в виду идею о соотношении микрокосмоса и макрокосмоса – внутреннего и внешнего в бытии. Порядок внешнего взаимодействия должен следовать из порядка внутреннего общения. Но это возможно, если человек преодолевает свою мирскую ограниченность. «Проблема же свободного общения людей на земле есть частность более широкой задачи реализации личности, – утверждал мыслитель. – Только то космическое мироощущение, которое связывает себя с нею, может быть достаточно живым и достаточно универсальным»¹⁸.

Религиозная философия Бердяева – это своеобразное противопоставление космологического мироощущения социологическому. Все общественные тенденции – и реакционные, и революционные – с его точки зрения, противны подлинно творческому настрою, они – «ветхозаветны», а значит непродуктивны в деле «создания космоса из мирового хаоса». Человек одержим творчеством высшей правды жизни и высшего бы-

тия. «Бесконечный дух человека претендует на абсолютный, сверхприродный антропоцентризм, он осознает себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, а всего бытия, всех миров»¹⁹. Творческий опыт – не рефлексия над собственным несовершенством, а обращенность к преображению мира, к новому небу и новой земле, которые должен уготовлять человек. Творец одинок, и творчество носит не коллективно-общий, а индивидуально-личный характер. Человек, будучи творцом, открывает в себе порядок подлинного существования как непосредственное, интуитивное знание, пережитое в экстатическом единении с воплотившимся Абсолютом, Христом. Через это становится возможным воссоздание действительности, определяемой не внешними факторами, а внутренним, т.е. нравственным, моральным свершением. «Дотворческая мораль проникнута послушанием злу и потому оппортунистична – творческая мораль состоит в творческом преображении; дотворческая мораль основана на отрывании и противопоставлении человеческого и божественного – творческая мораль строится на откровении серафической природы человека»²⁰.

Мысль Бердяева предельно революционна. Однако важно то, что его пафос «рождается в действительности не из борьбы с Евангелием, а из борьбы с одним из неадекватных его раскрытий в христианском сознании – с философией пассивизма»²¹. Религиозно-философское сознание вызывает к активности человека, исходящей из его внутреннего основания, которое представляет собой чувственно-интеллектуально-нравственную цельность. Тогда осуществится «глубинный» смысл мира – истинно религиозная жажда разрешить на земле проблему свободного общения, которая является частью намеченной христианством задачи – реализации начала личности в земном человеческом существе.

Примечания

¹ *Евлатиев И.И.* История русской метафизики. СПб., 2002. С.300.

² *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л., 1990. С.23.

³ *Бердяев Н.А.* Мое философское мирозерцание // Н.А. Бердяев: pro et contra. СПб., 1994. С.23.

- ⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. С.41.
⁵ Там же. С.39.
⁶ Бердяев Н.А. Мое философское миросозерцание. С.23.
⁷ Бердяев Н.А. Самопознание. С.17.
⁸ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. М., 1990. Т.2. Ч.2. С.60.
⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. С.102.
¹⁰ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философского одиночества и общения // Философия свободного духа. М., 1994. С.249.
¹¹ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Соч. М., 1989. С.71.
¹² Там же. С.133–134.
¹³ Бердяев Н.А. Самопознание. С.205.
¹⁴ См.: Мейер А.А. Новое религиозное сознание // Н.А. Бердяев: Pro et contra. СПб., 1994. С.281.
¹⁵ Бердяев Н.А. Мое философское миросозерцание. С.25.
¹⁶ Зеньковский В.В. Проблема творчества. По поводу книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» // Н.А. Бердяев: Pro et contra. СПб., 1994. С.285.
¹⁷ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Соч. М., 1989. С.302.
¹⁸ Там же. С.328.
¹⁹ Там же. С.341.
²⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С.311.
²¹ Зеньковский В.В. Проблема творчества. С.298.

УДК 1:001

МЕСТО И РОЛЬ ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ ОБЪЕКТНОСТИ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ НАУКИ

В.Т. Фаритов

Ульяновский технический университет
E-mail: vfar@mail.ru

Статья посвящена анализу одного из определяющих компонентов онтологического основания науки – сферы трансцендентной миру объектности. Адресована специалистам в области философии и философии науки.

Ключевые слова: онтологическое основание, трансцендентная объектность, мир, сущее.

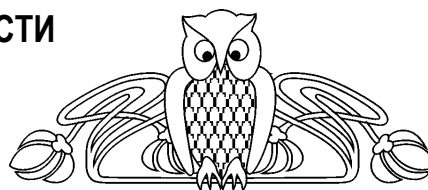
The Place and a Role Transcendental Objectivity in the Ontologic Basis of a Science

V.T. Faritov

The article is devoted to the analysis of one of determining components of the ontologic basis of a science – spheres transcendental to the world objectivity. Article is addressed to experts in the field of philosophy and philosophy of a science.

Key words: ontologic basis, transcendental objectivity, world, real.

Задача предлагаемой статьи состоит в исследовании *онтологической структуры и онтологического основания науки*. Сама формулировка задачи указывает на то, что исследование проводится не в рамках логико-методологического и социокультурного подходов, а в контексте, предполагающем определение науки не как когнитивного образования или социального института, но как *модуса бытия*. Преимущество онтологического подхода состоит в возможности раскрытия науки в её *феноменальной самоданности*, т.е. в своём собственном бытии.

Как было показано Э. Гуссерлем, а затем М. Хайдеггером, возникновение научной установки связано с модификацией повседневного, практически ориентированного и исходящего из горизонта наличной ситуации способа раскрытия мира и сущего. Вследствие этой модификации сущее получает статус самодостаточного изолированного *объекта*, что означает разрыв связи с миром повседневного опыта: отдельная вещь раскрывается на *фоне* ничего не значащих в *данный актуальный* момент объектов. Тем самым объективированное сущее выступает трансцендентным по отношению к миру повседневного опыта, но сохраняет имманентность по отношению к миру как совокупности изолированных и самотождественных объектов. Это уже не мир непосредственного практического обхождения с сущим, но мир, в котором господствует теоретическая установка, рассматривающая всё, что есть, в качестве объектов. Совокупность автономных, изъятых из своего повседневного употребления изолированных объектов мы определяем как сферу имманентной объектности. Именно она есть онтологическая основа научной установки – в противоположность естествен-

ной установке (используя феноменологическую терминологию).

Заслуга выявления и всестороннего анализа феномена объективации сущего как основы научной установки, как известно, принадлежит Хайдеггеру. Однако дальше этого Хайдеггер в своём феноменолого-онтологическом анализе науки не идёт. Проблема состоит в том, что объективация сущего представляет собой *только первую ступень*, первый компонент онтологического основания науки.

Для оформления науки в том виде, в каком она известна с Нового времени и до сегодняшних дней, требуется ещё одна ступень онтологического генезиса. Именно эта вторая ступень имеет решающее значение для науки как особого модуса человеческого бытия. Поясним это утверждение.

Первичная ступень формирования научной установки состоит в появлении изолированного объекта на недифференцированном фоне мира (мира-вообще, в противоположность миру повседневного опыта, привязанного к конкретной ситуации). Примером такого объекта может выступать физическое тело. Молоток, дерево, чашка, выделенные из мира повседневного опыта, изъятые из своего практического употребления, есть физические тела, находящиеся в пространстве-времени, осязаемые, протяжённые, непроницаемые и т.п. Они, однако, всё ещё *объекты мира* – хотя и модифицированного в абстрактный мир-вообще.

Совершенно другой вид объектности конституируется на второй ступени онтологического основания научной установки. Здесь осуществляется трансцендирование имманентной объектности к лежащей за пределами мира-вообще области, представленной такими объектами, как элементарные частицы, молекулы ДНК, архетипы коллективного бессознательного, фонемы. Совокупность объектов данного типа образует особую сферу объектности, которая характеризуется специфическими чертами.

Данная сфера *выходит за пределы как мира повседневного опыта, так и мира-вообще*. Если физическое тело как имманентный объект обнаруживается на фоне ми-

ра и как *модификация изначальных структур этого мира*, то объекты второй ступени отстранения принципиально необнаружимы в мире, так как не являются результатом модификации сущего практического обихода в изолированный объект. Эти объекты *трансцендентны миру*. Они существуют в особом, им одним присущем пространстве, которое раскрывается как находящееся по ту сторону мира, за его пределами. Поэтому данный вид объектности будет называться здесь *трансцендентной объектностью*.

В качестве примера разграничения сфер имманентной и трансцендентной объектностей можно привести предметные сферы анатомии и микробиологии. Так, внутренние органы, например сердце, принадлежат к сфере имманентной миру объектности. Первоначально сердце – не объект анатомии, но продукт питания или символ, богатый самыми разнообразными смысловыми коннотациями, вписывающими его в прочную сеть мира повседневного опыта (разбитое сердце, пылающее сердце, каменное сердце и т.п.). Только через нивелирование всех этих смысловых отсылок сердце раскрывается как имманентный миру объект, выступающий на фоне абстрактного мира-вообще. Совсем другое дело – клетки и молекулы ДНК, из которых состоят все органы и ткани организма. Это – сфера трансцендентной миру объектности, поскольку она не только необнаружима в мире, но с ней и невозможно какое-либо практическое обхождение в горизонте мира повседневного опыта.

В традиционных позитивистски ориентированных подходах к осмыслению науки речь идёт не о трансцендентной и имманентной объектностях, но о теоретических и эмпирических объектах. В частности, в концепции В.С. Стёпина вводится разграничение абстрактных объектов теоретической схемы и эмпирических объектов: «Эмпирические объекты представляют собой абстракции, фиксирующие признаки реальных предметов опыта. Они являются определёнными схематизациями фрагментов реального мира. Любой признак, «носителем» которого является эмпирический объект, может быть найден у соответствующих ему реальных предметов

<...> Теоретические объекты, в отличие от эмпирических, являются идеализациями, “логическими реконструкциями действительности”. Они могут быть наделены не только признаками, которым соответствуют свойства и отношения реальных объектов, но и признаками, которыми не обладает ни один такой объект»¹.

Может создаться впечатление, что предлагаемое в данном исследовании разграничение трансцендентной и имманентной объектностей непосредственно соотносится с концепцией Стёпина – так же, как и трансцендентная объектность, теоретические объекты не могут существовать в качестве реальных объектов мира. Однако это внешнее сходство утрачивает своё значение при учёте кардинальных различий концептуальных горизонтов, на которых базируются концепция Стёпина и наша. Трансцендентная объектность не есть идеализация, так же, как имманентная объектность не есть абстракция. Данное исследование исходит *не из теории познания*, но *из онтологии*, и определяющим фактором здесь является отношение сферы объектности *к миру*, а не *к познанию* (как в позитивистских подходах). Поэтому такие теоретико-познавательные конструкции, как идеализация и абстракция, для настоящего исследования не релевантны. Речь идет не о различных подходах к одной и той же проблеме, но о принципиально различных проблемах – логической структуре науки как модуса познания и онтологическом основании науки как модуса бытия.

С образованием сферы трансцендентной объектности имманентная объектность подвергается модификации – *она приобретает статус бытийной формы слоя объективной, абстрактной реальности*, а содержанием этого слоя становится трансцендентная объектность. Имманентная объектность становится той сферой, которая указывает на нечто, лежащее по ту сторону и за пределами её – как на своё предельное основание, наделяющее её смыслом и бытием. Как таковая имманентная объектность теперь нуждается в расшифровке, – отсюда берут своё начало специфические языки и методы науки.

Чем более последовательно сфера имманентной объектности возводится к трансцендентной объектности как к своему предельному основанию, тем более застывшей и окаменевшей-в-себе она становится. И тем больше усилий требуется, чтобы выйти из этой застывшей сферы к истинному по-себе-бытию (т.е. к сфере трансцендентной объектности). Для этого и создаются специальные методы и специальный язык, посредством которых, однако, сфера имманентной объектности только прогрессирует в своём уплотнении, так как методы и язык науки способствуют *фиксации бытия этой сферы в качестве означающего слоя*. Раскрываясь как означающий слой бытия, в основе которого лежит трансцендентная объектность (означаемое), сфера имманентной объектности больше не обнаруживает своего генетического родства с миром повседневного опыта.

Из превращения имманентной объектности в особый бытийный слой означающего берёт свой исток и вычленение отдельных предметных областей науки. Они не могут быть результатом простого упорядочивания и классификации сферы имманентной объектности, так как она сама по себе не даёт основания для установления предметных областей. Отношения имманентной и трансцендентной сфер по типу «форма – содержание» выступает в качестве первичного основания вычленения предметных областей.

Например, сущее «человек» может быть раскрыто и как физическое тело, и как биологический организм, и как психосоциальный индивид. Каждая предметная область задаёт свой *специфический горизонт*, на котором имманентный объект может быть раскрыт именно как объект данной области. Этот горизонт задаётся на основе трансцендентной объектности, так как именно в этой сфере выявляются те содержания, по отношению к которым имманентные объекты будут раскрываться как означающие.

Поскольку мир с раскрытием сферы трансцендентной объектности становится слоем означающего бытия, скрывающим в себе другое, истинное бытие, он сам предстаёт как препятствие, которое нужно преодолеть, чтобы обрести истинное бытие. Об

этом, хотя используя другую терминологию и из другого концептуального горизонта, пишет Гуссерль в «Кризисе европейских наук». Согласно ему, наука отрывается от жизненного мира, который представляет собой основу и почву её существования, и заслоняет этот мир собой как сферой истинного по-себе-бытия: «Контраст между субъективностью жизненного мира и “объективным”, “истинным” миром заключается лишь в том, что последний представляет собой теоретико-логическую субструкцию, охватывающую то, что принципиально невоспринимаемо, принципиально непознаваемо в опыте, в своём самостном бытии [Selbstsein], тогда как субъективное жизненного мира целиком и по отдельности отмечено как раз своей действительной опытной познаваемостью»². В принятой терминологии это истинное по-себе-бытие есть сфера трансцендентной миру объектности.

А поскольку это истинное бытие есть *абсолютное Иное* по отношению к человеческому бытию, к миру повседневного опыта как исходной сферы экзистирования человеческого бытия, постольку последние следы человеческого бытия являются здесь тем препятствием, которое нужно преодолеть.

Итак, обобщая сказанное и подводя итоги, отметим, что наука в *феноменологическом понимании*, т.е. как самостоятельный модус человеческого бытия возникает с установлением сферы трансцендентной миру

объектности, раскрывающейся в качестве основания имманентной миру объектности. Она представляется в качестве особого слоя означающего бытия, означаемое которого – трансцендентная объектность. Другими словами, наука становится модусом отстранения человеческого бытия к абсолютному Иному – к тому, что максимально удалено от бытийной сферы собственно человеческого бытия (от мира повседневного опыта) и принципиально в ней не обнаружимо. Таким образом, онтологическая структура науки носит принципиально *метафизический характер*. Данный факт был выявлен также позитивизмом. Однако если представители и последователи эмпириокритицизма были убеждены в необходимости, а главное, возможности «очищения» научного знания от метафизики, то мы, напротив, рассматриваем метафизическую компоненту как сущностную характеристику феномена науки. Наука была и будет в своей основе вариантом метафизики, поскольку невозможно устранить сферу трансцендентной миру объектности, не разрушив одновременно всё здание научного познания, возведённое на этом фундаменте.

Примечания

¹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С.104.

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С.174.

УДК 1(470)+929 Лосев

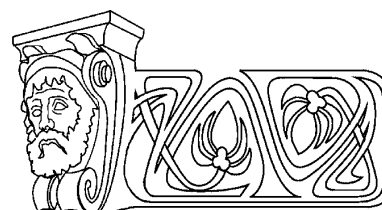
НА ПУТИ К ИСТИНЕ: АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ И МАРТИН ХАЙДЕГГЕР*

В.А. Фриауф

Саратовский государственный университет
E-mail: vafriauf@list.ru

Сопоставляются идеи и концепции русского философа Алексея Лосева и немецкого мыслителя Мартина Хайдеггера. Идентичный отправной пункт – соотношение апофатки и катафатки в христианской мысли – приводит Лосева и Хайдеггера к противоположным системам мысли.

Ключевые слова: апофатика, катафатика, символизм, абсолютная мифология, абсолютная диалектика, последний Бог, Событие, Грядущие, герменевтика, язык.

On the Way to the Truth: Aleksei Losev and Martin Heidegger

V.A. Friauf

In this article the author compares philosophical ideas and concepts of Aleksei Losev and Martin Heidegger. It is claimed that the analyses of apophatic and cataphatic traditions of Christian thought led both philosophers to introduce the opposite paradigms of thinking.

Key words: apophaticism, cataphaticism, symbolism, absolute mythology, absolute dialectics, the last Cod, event, the coming-about, hermeneutics, language.

Лосев и Хайдеггер? Странное сопоставление. Один – русский мыслитель Алексей Лосев – является представителем последней волны Серебряного века русской культуры. Другой – немецкий мыслитель Мартин Хайдеггер – получил старокатолическое воспитание и образование. Лосев систематически вел свои исследования на основе переработанного им диалектического метода. Строгая дедукция понятий и склонность к систематике – его индивидуальный стиль. Теоретическая система, которую можно свернуть в одно предложение и вновь развернуть до полноты своих элементов. У Хайдеггера – при строжайшей дисциплине мысли и терминологичности изложения – своеобразная поэтика философского дискурса. Одного привлекает музыка как *предмет логики*. Другого – существо поэтического, трактуемое как *мелос бытия*.

Оба мыслителя при жизни никогда не испытывали интереса друг к другу. Лосев знал о Хайдеггере, возможно, пытался читать его тексты. Мы ведь то и дело находим у него ссылки на немецких авторов, особенно на тех, кто занимался вопросами платонизма и неоплатонизма. Хайдеггера в списке цитируемых нет. Действительно, читая Лосева, трудно избежать впечатления, что перед нами тексты, которые даже Откровение, закреплённое в христианском символе веры, выражают предельно сухим, рациональным способом. Сам Лосев предпочитает именовать его *диалектическим методом*.

Но почему мы должны полагать, что подлинный нерв мысли Алексея Лосева есть *синтез христианской мистики и её теоретического выражения*? Или утверждать, что перед нами – новая, разработанная именно Лосевым *форма соотношения апофатики и катафатики*? Прочитаем заново, под новым углом зрения, некоторые репрезентативные тексты Лосева. Откроем, к примеру, страницы одного из них, который самим Лосевым мыслился как приложение к его «Диалектике мифа», а ныне известен под названием «Миф – развёрнутое магическое имя». «Диалектика мифа, – отмечает Лосев, – может быть в целях простоты и однозначности сведена к диалектическому взаимоотношению Имени и

Сущности»¹. Заметим, что в данном контексте под «Сущностью» Лосев понимает «Первосущность», или – «Триипостасную первосущность», т.е. на языке христианского богословия – Пресвятую Троицу.

В этом же тексте предлагается диалектическая схема теоретических изысканий русского мыслителя. «Триипостасное бытие, – пишет Лосев, – должно иметь при себе своё инобытие, от которого оно отличалось бы как от такового, но необходимо, чтобы это было таким инобытием, которое бы утверждало и полагало саму триипостасность, а не что-нибудь иное, чтобы быть именно её, а не чьим-нибудь ещё утверждением и определением, т.е. быть *тождественным* с нею. Отсюда следует, что кроме триипостасного бытия необходимы ещё два момента – *софийный* и *ономатический*»².

Софиологические мотивы у других представителей русской мысли хорошо известны. Не менее известна и жёсткая критика этих мотивов и сюжетов в русской религиозной философии со стороны представителей ортодоксии. Поэтому Алексей Лосев проявляет мужество духа, предпринимая очередную попытку развития *софийного* момента в своём христианском мировоззрении. Что касается *ономатического* момента, то хорошо известно, какое существенное место он занимает среди других сюжетов лосевской мысли. «*Софийное* начало, – поясняет Лосев, – утверждает и полагает саму триипостасность, а не что-нибудь иное, делает её *субстанцией*, как бы природой и фактом, как бы телом <...> *Ономатическое* начало выявляет и изображает софийно субстанциально утверждённую триипостасность»³. Итак, софийный момент у Лосева не предполагает дополнительную ипостась в Первосущности, зато он предполагает диалектическое соотношение с инобытием первосущности, с её проекцией в тварном космосе.

Каково же соотношение Сущности и Имени? «Диалектическое место имени, – пишет философ, – сразу неясно в учении о пресв. Троице потому, что не было соответствующего догматического закрепления этого места, подобно тому, как нет до сих пор закрепления софийного начала, как не было

до соборов XIV века догматического закрепления Световой Энергии, как не было в своё время, наконец, догматического закрепления места и смысла самого триединства, а был просто Христос, Сын Божий, и очень неясные намёки на долженствующие тут быть диалектические уточнения»⁴.

Но где же и как именно Лосев приходит к осмыслению новой формы соотношения апофатики и катафатики в христиански ориентированной мысли? Ответ не заставляет себя ждать: перед нами вариант знаменитой лосевской *тетрактиды*; вариант, в котором первым, исходным пунктом стоит «Абсолютно-апофатическая стихия», вторым – «Первое и основное триадическое определение», третьим идёт «Софийное определение» и, наконец, четвёртым пунктом – «Ономатическое определение»⁵. В трактате «Философия имени» мы находим и прямую, и обратную последовательность, в которой первым пунктом стоит *меоническое инобытие*, а последним – апофатическая бездна. Медиатором этого вертикального восхождения и нисхождения является не что иное, как *апофатическое имя Первосущности*, которое, в целях диалектического опосредования во взаимоотношении с инобытием, или меоном, выстраивается в своеобразную *лестницу именитства*, или в иерархию *первичных имён*. Именно в трактате «Философия имени» Лосев предлагает название для осуществляемого им нового понимания и толкования соотношения апофатики и катафатики в христианском символе веры. Это – *синтез апофатизма и символизма*.

Алексей Лосев наряду с Павлом Флоренским и Сергеем Булгаковым участвовал в работе по философской расшифровке так называемого *имяславского* движения, пришедшего в Россию с Афона и вызвавшего отрицательную реакцию Священного Синода РПЦ. Итогом этой работы у Лосева является его знаменитая книга «Философия имени», а также менее известная, но важная для понимания лосевского наследия работа «Вещь и имя». В трактате «Самое Само» Алексей Лосев весьма настойчиво, целеустремлённо и теоретически весьма продуктивно вновь рассматривает существо вопроса о соотношении апофатизма и символизма в христиански

ориентированной мысли. *Самое Само* у Лосева есть абсолютное и апофатическое начало всякой вещи и всякого бытия, включая меоническое инобытие.

Выразительность – вот, пожалуй, термин, которым Лосев пытается обосновать диалектику соотношения явного и тайного в бытии. А что может быть выразительнее *символа*? Отсюда и следует синтез апофатизма и символизма. В свою очередь, символы, связующие *тетрактиду А* и *тетрактиду В*, т.е. бытие Первосущности и меоническое инобытие тварного космоса, имеют у Лосева деление на целых четыре порядка. Несущими элементами этой символической лестницы, по которой можно совершать и восхождение, и нисхождение, являются, согласно его точке зрения, *Имя* и *Число*. Имя, число и миф, по собственному признанию русского мыслителя, – центральные мотивы и основные сюжеты всего его творческого пути. Однако подлинным лейтмотивом их смысловой интерпретации является не что иное, как отмеченное мною стремление Лосева дать *новое, теоретически углублённое развитие христианского учения о святой Троице и её соотношении с тварным инобытием*.

Л.А. Гоготишвили, талантливый интерпретатор лосевского творческого наследия, в одной из своих работ предлагает именовать систему Лосева «коммуникативной версией исихазма»⁶. При всей привлекательности этого именованья я должен всё же указать на то обстоятельство, что сам Лосев избегает подобного определения. И хотя его позиция близка позиции Григория Паламы и его последователей, мы обязаны констатировать: Алексей Лосев развивает *вполне самобытное, вполне оригинальное собственное толкование соотношения мистического и концептуально-теоретического начал в христианском символе веры*. Конечно, предложенная философом формулировка своего мировоззрения – «*православно понимаемый неоплатонизм*» – это пример того самого диалектического процесса свёртывания в одну краткую формулу смыслового богатства, которое развито им в своих работах и представляет собою законченное теоретическое целое.

Каждый фрагмент этого целого содержится в себе потенциально все элементы своей системы и, более того, отсылает к ним и требует их диалектической проработки. Попытаемся внимательно вчитаться в «Диалектику числа у Плотина», равно как и в его большую работу по диалектическим основам математики, и мы поймём, почему русский мыслитель столько времени и столько труда положил на смысловую проработку философского понимания природы *Числа*.

Что же удалось и не удалось в реализации своего замысла Алексею Лосеву? Не удалось убедить церковное сообщество в необходимости догматического закрепления в христианском символе веры теоретически проработанные Лосевым *софийный* и *ономатический* моменты в учении о Пресвятой Троице. Удалось обосновать точку зрения, согласно которой для подлинного Богообщения необходимо вернуться от господствующего ныне дискурса сигнификации к языку-символу. Ведь что такое абсолютная мифология Лосева, как не найденная им *форма Богообщения*? Ибо верно отмечено, что символы абсолютной мифологии есть вертикальная ось Богообщения, языковой особенностью которого является семантика и прагматика *первичных Имён*. И что же такое лосевская абсолютная диалектика, как не логика символов абсолютной мифологии? Ибо верно отмечено, что *категории абсолютной диалектики суть символы абсолютной мифологии. Аритмология и диалектика*, т.е. смысловая проработка природы Числа и природы Имени – вот теоретически развитая методология по предложенному Лосевым *синтезу апофатизма и катафатизма*.

Что мы можем узнать о возможности нового понимания соотношения *апофатики* и *катафатики*, читая тексты Мартина Хайдеггера? В отличие от Алексея Лосева немецкий мыслитель почти ничего не пишет о диалектике, а если и упоминает о ней, то всегда в критическом смысле – как о совершенно неадекватном инструментарии философского мышления. Свой собственный метод он предпочитает именовать *герменевтикой*, при этом радикально меняя, по сравнению с принятыми определениями, толкование существа герменевтического. И этот своеобраз-

ный контрапункт тем более показателен, что в средний и поздний периоды своего творческого пути Хайдеггер создаёт философскую мифологию «последнего Бога», для чего ему и потребовались поиски *собственного в языке*. Он начинает свой путь как христианский теолог, а заканчивает его в качестве пророка «*Бога последней глубины*», убеждая своих читателей и почитателей в том, что подготовку к *Ereignis* призваны осуществлять *Грядущие*, к коим он относит прежде всего поэтов и мыслителей – *хранителей языка как дома Бытия*.

Как отмечает один из самых верных и последовательных учеников немецкого мыслителя *Ганс Георг Гадамер*, вопрос о религиозном измерении в мышлении Хайдеггера сродни вызову. По меньшей мере, предупреждает он нас, этот вопрос парадоксален и опасен. И это несмотря на то, что Хайдеггер происходил из католической семьи и получил католическое образование и воспитание. Более того, знаменитый трактат «*Бытие и время*», принесший Хайдеггеру славу великого философа современности, был в своём первоначальном изводе предложен к обсуждению не где-нибудь, а на заседании сообщества марбургских теологов в 1924 г. – за три года до его публикации.

В своей статье «Марбургская теология» (1964) Гадамер вспоминает о том ярком впечатлении, которое он получил, когда впервые познакомился с Хайдеггером и с особенностями его мышления. Это было в начале 20-х гг. XX в., на заседании сообщества марбургских теологов. Тогда Эдвард Турнейсен, вспоминает Гадамер, делал доклад перед сообществом марбургских теологов, который для нас, молодых людей, стал первой вестью о диалектической теологии в Марбурге. Затем прозвучали более или менее робкие «благословения» марбургских теологов. В тех дискуссиях взял слово и молодой Хайдеггер. Он только что приехал в Марбург в качестве экстраординарного профессора, пишет Гадамер, и я до сих пор не могу забыть, как он подытожил доклад Турнейсена своими полемическими соображениями. После упоминания о христианском скептицизме Франца Овербека Хайдеггер сказал, что подлинной задачей теологии, которую она дол-

жна обрести, является поиск слова, способного призвать к вере и сохранить в вере⁷.

В ту пору, продолжает вспоминать Гадамер, когда Хайдеггер сформулировал это положение, оно звучало как постановка задачи перед теологией. Ибо эта эпоха ознаменовалась бурными философско-теологическими дискуссиями, в которых приняли участие такие выдающиеся умы, как Рудольф Отто, Рудольф Бультман, Николай Гартман и молодой Хайдеггер. Но что же означал на самом деле тезис Хайдеггера о необходимости для теологии вести поиск слова, способного «призвать к вере и сохранить в вере»? В ту пору он означал не что иное, как маршруты путей мысли самого Хайдеггера, ибо немецкий мыслитель позиционировал себя в начале 20-х гг. прошлого века отнюдь не философом. Приведу в этой связи только один документ эпистолярного жанра, который можно найти в воспоминаниях Гадамера. О том, пишет Гадамер в статье «Религиозное измерение» (1981), что речь здесь шла не только о философском вызове, свидетельствует частное письмо, которое Хайдеггер написал тогда (1921) Карлу Лёвиту, одному из своих учеников и друзей. Там говорилось, что «главная ошибка заключается в том, что Вы и Бекер меряете меня <...> по масштабу таких мыслителей, как Ницше, Кьеркегор <...> и ещё каких-нибудь креативных философов. Это не запрещено – но тогда нужно сказать, что я не философ и не льщу себя мыслью о том, чтобы сделать хоть что-то им подобное. Ибо я – христианский теолог!»⁸.

Христианский теолог Гадамер в своих воспоминаниях тщательно избегает комментировать тексты Хайдеггера тридцатых и сороковых годов, те рукописи, написанные им «в стол», которые радикально меняют привычные представления и толкования творческого наследия немецкого мыслителя. Об этом неопубликованном при жизни философа рукописном наследии знали ближайшие ученики и его друзья, и они учитывали его в своих комментариях и воспоминаниях об учителе⁹.

Мотивы умолчания Гадамера и других комментаторов, знакомых с этим периодом творчества Хайдеггера не понаслышке, вполне понятны. Ибо эти тексты означают не что

иное, как радикальный разрыв Хайдеггера со своим теологическим – и даже христианским – прошлым. Можно констатировать, что Хайдеггер предстаёт здесь по-прежнему как мыслитель *священного*, вот только позиционирует он себя уже отнюдь не «христианским теологом». Теперь он – пророк и мыслитель *«последнего Бога»*. Поступь и прохождение «последнего Бога» – это онтология *Ereignis*, т.е. события или мгновения, которое не вмещается в тщательно размеренное время метафизического мышления. Это мгновение есть вертикальный срез пространства-времени (*Zein-Raum*), *отзвук* и *подачу* которого способны воспринять лишь *Грядущие* (*Zu-kunftige*).

Алексей Лосев всю свою большую творческую жизнь теоретически углублял христианский символ веры с опорой на «православно понимаемый неоплатонизм». Мартин Хайдеггер также всегда обращался к античной мысли, особенно к Аристотелю и к досократикам. При этом, хотя он и не идёт вслед за Ницше к противопоставлению христианства и *дионисийского* начала, всё же создаёт собственную *неоязыческую мифологию последнего Бога*. Последнего не во времени, а в глубину, как замечает в своём комментарии Биbihин. Того самого Бога, которого в одном из эпиграфов к главам «Beitrage», он характеризует следующим образом: *«Совершенно Иной против уже бывших, особенно христианского»*¹⁰.

Если следовать в трактовке наследия мыслителя творениям его собственной мысли, то они, эти творения, убеждают нас в том, что даже знаменитый *«поворот к языку»*, осуществлённый им во второй половине сороковых годов, реализуется Хайдеггером именно с целью дальнейшего углубления мифологии «последнего Бога». Ибо чем, по сути, является поиск *собственного* в языке, как не способом ухода от языка метафизики, или языка По-става, к «пойэсису» как *мелосу Бытия*? И чем иным является сей *мелос Бытия*, как не той же поступью *последнего Бога*?

А ведь всё начиналось у немецкого философа с того же пункта, что и у Алексея Лосева, а именно: оба мыслителя констатировали неудовлетворительное соотношение *ано-*

фатического и катафатического начал в официальном языке христианской теологии. И для русского, и для немецкого философа было ясно, что сам язык теологии-богословия утратил способность «внушать и держать веру». В итоге оба совершают своеобразный поворот к языку – с целью переосмысления его подлинного существа. И действительно, чем же, по самой сути, являются и апофатика, и катафатика, как не *вопросом о подлинном существе языка?* Однако исихастское «Умное деланье» с его опорой не на рациональную теологию, но на опытное богословие *энергий*, могло стать отправным пунктом размышления для православного мыслителя Алексея Лосева, но никак не могло вдохновлять получившего католическое образование Мартина Хайдеггера. В этом решающем пункте и расходятся их пути.

Немецкий философ тоже приходит к позиции священного молчания, однако тайна *Сверхсущей Пресвятой Троицы* у него становится тайной «последнего Бога», окликающего существо человека из безосновной глубины бытия. Маловероятно, что таким образом Хайдеггер истолковал «Сверхбожество» Дионисия Ареопагита: ведь Дионисий постоянно подчёркивает *христианский смысл* своего богословия. Протестантский теолог *Пауль Тиллих* в своей знаменитой работе «Мужество быть» говорит о необходимости перехода – с целью обретения абсолютной веры для современного человека – от традиционного Бога теизма к «*Богу-над-Богом-теизма*». У Хайдеггера сей *сверхБог* открывается в иной оптике: это не Бог предельной высоты, но Бог предельной глубины, бездны Бытия.

И тогда мы читаем у поэта-мыслителя такие, к примеру, строки из его «*Beitrag*»: «*Грядущие. Те ровные сердцем пришельцы, равно решительные к дарованному им даянию и отказу. Грядущие – это те будущие, которых обращено ожидающих в жертвенной сдержанности, достигает знак и натиск отдаления и приближения последнего Бога*»¹¹.

Я процитировал этот пассаж в переводе Натальи Бросовой. А вот в её же переводе и другой пассаж из параграфа 256 – под на-

именованием «*Последний Бог*». «*Своё бытийствование он имеет в знаке, натиске и терпеливом ожидании как пришествия, так и исхода сущих ранее богов и их скрытого превращения. Последний Бог не есть само Событие, но, пожалуй, востребующий его как то, чему принадлежит основатель Вот*»¹².

Я не могу согласиться здесь с предложенным переводом. Предлагаю перевод в собственном изводе: «*Последний Бог – не само Событие; он Тот, Кто требует готовности к нему от существа здешних*».

То обстоятельство, что немецкий мыслитель в своей мифологии «последнего Бога» решительно расходится с христианством, достаточно определённо вычитывается, к примеру, в следующем пассаже: «*Последний Бог – единственный и беспримерный – и находится вне того рассчитывающего обозначения, которое подразумевает названия “моно-теизм”, “пан-теизм” и “а-теизм”. Монотеизм и все виды «теизма» появляются лишь с иудейско-христианской апологетикой, которая предпосылкой своего мышления имеет “метафизику”. Со смертью этого бога рушатся все теизмы*»¹³.

Апостол Павел, на авторитет которого любил ссылаться молодой Хайдеггер, в своей знаменитой речи в Ареопаге назвал Христа «Неведомым Богом», которого ожидали благочестивые афиняне. Как могло случиться, что Хайдеггер решил, будто Христос перестал быть безосновной тайной Спасения?

Итак, что же удалось и что не удалось в итоге немецкому мыслителю Мартину Хайдеггеру? *Удалось* своей основательной критикой опыта забывания истины Бытия поколебать уверенность в надёжности доктринальной *онто-теологии*. *Не удалось* убедить нас в необходимости принять новый символ веры. Безличный последний Бог Хайдеггера бледнеет перед тайной Трёх Лиц единого Бога христианства и тайной миссии Спасителя – то есть личности *Иисуса Христа*.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.) (проект № 2.1.3./6499).

Примечания

¹ Лосев А.Ф. Миф – развёрнутое магическое имя // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С.218.

² Там же. С.220.

³ Там же. С.220–221.

⁴ Там же. С.221.

⁵ Там же. С.222.

⁶ Гоготшивили Л.А. Коммуникативная версия исихазма // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С.877.

⁷ Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск, 2005. С.38.

⁸ Там же. С.195.

⁹ Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Вейтраге» // Вопр. филос. 2005. № 4. С.114–115.

¹⁰ Хайдеггер М. Очерки философии. О Событии. Часть 7. Последний Бог // Историко-философский ежегодник. М., 2002. С.437.

¹¹ Там же. С.432–433.

¹² Там же. С.440.

¹³ Там же. С.441.

УДК 1(091)

НЕМЕЦКИЙ АКЦЕНТ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.Б. Черноскутова

Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики
E-mail: che-larissa@yandex.ru

Статья посвящена изучению развития историографии русской философии как научной дисциплины. Здесь рассматриваются две противоположные исследовательские точки зрения на характер русской философии: европоцентристская и самобытная. В статье указывается, каким образом европоцентристская традиция стала ведущей парадигмой в момент формирования историографии русской философии.

Ключевые слова: историография, источниковедение, русская философия, самобытная парадигма.

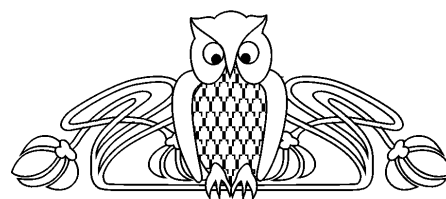
German Pronunciation of the Historiography of Russian Philosophy

L.B. Chernoskutova

This article is devoted to the analysis of development of such scientific discipline as the historiography of Russian philosophy. The text compares two contrary points of view to the character of Russian philosophy: the loan-word one and the original one. The article points out how the loan-word paradigm of the historiography received the preference to the original paradigm in the first period of the historiography's development.

Key words: historiography, source study, Russian philosophy, original paradigm.

Историографии русской философии свойственно то, что, зародившись еще в 40-х гг. XIX в., в момент издания учебника архимандрита Гавриила по истории философии, она только в конце столетия приобрела черты научной дисциплины. В данный период определились два различных направления исследования отечественной истории фило-

софии: «самобытное» и «заимствованное». Различия проявились прежде всего в отношении к древнерусской философии и к определению момента её возникновения, а также в характеристике её сущности. Необходимо сразу отметить, что преобладающим направлением было «заимствованное», представлявшее ведущую научную точку зрения, которая утверждала, что, *во-первых*, русская философия возникла не ранее XVII в. и сформировалась как относительно самостоятельная дисциплина к XIX в., и, *во-вторых*, носила заимствованный, подражательный, «европоцентристский» характер. По методологическим установкам этот период можно назвать «отрицающим».

Импульсом «заимствованного» направления послужила вышедшая в 1890 г. в Санкт-Петербурге книга Ф. Ибервега и М. Гейнце «История новой философии в сжатом очерке», переведённая с седьмого немецкого издания Я. Колубовским (2-е изд. – 1898). Без преувеличения можно сказать, что эта книга (вернее, ее последующая интерпретация) сыграла трагическую роль в судьбе отечественной историографии, так как отрицание значения древнерусской мысли, свойственное «заимствованному» направлению, тор-

мозило ее последующее развитие. Состоит она из четырех разделов, посвященных средневековой, новой, новейшей и современной для авторов философии. Параграф № 52 в четвертом отделе называется «Философия у русских» и, как говорится в предисловии переводчика, написан специально для этого издания. Как уже отмечалось, данный параграф размещен в разделе «Философия современная», поэтому он подробно описывает состояние русской философии XIX в., очень кратко характеризуя её предыдущую историю следующими положениями: старинные русские книжники знали о философии только понаслышке, находясь под духовным влиянием греков, а в более поздний период любая образованность стала восприниматься негативно. «Передовыми умами овладевает какая-то боязнь мысли. Святоши допетровской Руси стали видеть не только в философии, но и в знании вообще подрыв православия»¹. Поэтому возникновение русской философии авторы книги датируют концом XVI в. и связывают его с той политической и идеологической борьбой, «которую деятели юго-западной Руси вели с врагами веры и народности <...> Так в киево-могилянской коллегии, впоследствии преобразованной в академию, появилась схоластика»². Киевскими учёными была написана «Ифика иерополистика», которая авторами данного исследования характеризуется как первая русская философская книга (указываются два её издания – киевское, 1712 г., и четвертое – в Санкт-Петербурге в 1764 г.). В дальнейшем, после петровских реформ, «русская наука идёт по стопам западноевропейской, и не удивительно, если и философия не составляет исключения из этого правила»³.

Авторы характеризуют русскую философию как развивающуюся в русле европейской и, в большей или меньшей степени, испытывающую на себе различные влияния. Сначала, с открытием Московского университета, утверждается вольфианство, в это же время выступают «дилетанты философии» (В. Золотницкий и Я. Козельский). Особо охарактеризованы «Философические предложения» Я. Козельского (СПб., 1768): «Это первая русская система философии. В теоре-

тической философии Козельский следует Баумейстеру, а в практической – Монтеスキё, Гельвецию и особенно Руссо»⁴. Очень значительным признаётся французское влияние. «Французомания сказалась и на философии. Вольтер, Руссо, Гельвеций и др. были предметами какого-то культа <...> Гораздо прочнее и даже плодотворнее оказалось мистическое направление, которому не чужды и многие писатели допетровской Руси, как Нил Сорский и др. Около половины XVIII в. в Россию заносится мартинизм и масонство...»⁵. Отметив время, место и причины появления русской философии, первую философскую книгу, первую русскую систему философии, авторы называют и «первого» русского философа: «Совершенно в стороне от этих течений стоял мистик Сковорода, которого можно считать первым русским философом в настоящем смысле этого слова»⁶. Увлекательно рассказано в этой книге о влиянии Канта, о русских последователях Шеллинга и Гегеля. Отмечается, что именно на них воспиталась историко-философская школа славянофилов, и что «бурные» шестидесятые ознаменованы появлением материализма, говорится о русском позитивизме и его противниках, о духовной философии, о представителях логики и психологии. Таким образом, русская философия представлена как искусная, красочная мозаичная картина, тщательно изготовленная русскими художниками из готовых западноевропейских деталей.

Важно отметить, что это взгляд со стороны, а Ибервег и Гейнце, авторы «*Grundriss der Geschichte der Philosophie*», переведённой на русский язык Я. Колубовским, увидели, что русская философия, при всех её особенностях, является частью европейской и всегда развивалась в неразрывной связи с ней. Эти идеи прочно утвердились в историографии, получая различные толкования. Однако надо четко обозначить тот факт, что эти авторы не характеризовали русскую философию как заимствованную и не отрицали существования древнерусского любомудрия, чего нельзя сказать об их последователях. Поиски «начала» русской философии были неразрывно связаны с тем, как исследователи

решали вопрос о закономерностях её развития и проблему заимствованного характера. Оказалось, что интеллектуальный авторитет европейцев сильно повлиял не только на русскую философию, но и её историографию. Отечественные историографы не просто воспроизводили основные идеи Ибервега и Гейнце, но и игнорировали достижения предыдущего периода. Не создав такой тщательно продуманной методологии историко-философского исследования, как архимандрит Гавриил, они категорично исключали из сферы научного исследования допетровский период и отрицали самостоятельность русской мысли. Анализируя творчество представителей «заимствованного» направления, можно отметить общность основных методологических установок.

Ярким событием в формировании историографической традиции стало выступление А.И. Введенского на первом заседании Петербургского философского общества в 1898 г., опубликованное тогда же. А.И. Введенский утверждал, что хотя философия в России и заимствованная, но все же она не является искусственным насаждением, а развивается, несмотря на различные препятствия, в результате глубокой внутренней потребности и впоследствии должна достичь такой же силы влияния, какую она имеет в наиболее культурных странах. С точки зрения этого историографа, только в современный (для него) период русская философия наконец-то достигла такой ступени развития, когда она может принести плоды одновременно и самобытные, и значимые для всей мировой культуры. Как показала история, надежды А.И. Введенского вполне оправдались, и период конца XIX – начала XX в. оказался очень плодотворным. Введенский парадоксален в оценке русской философии: определив время ее возникновения (1755 г. – открытие Московского университета) и насчитав три периода (подготовительный, господства германского идеализма и вторичного развития), он всё же не признаёт за ней значительных достижений и считает, что именно в будущем она должна достичь результатов.

Можно выделить характерную черту историографии русской философии конца XIX

– начала XX в. – стремление исследовать состояние своего предмета в настоящем или в ближайшем прошлом, избегая углубляться в более ранний период. Из-за недооценки допетровского периода возникает некоторая закрытость, неопределённость, неясность исторической перспективы, которая оказывается уже чем-то вроде методологической предпосылки для формирования историографических концепций начала XX в. Это подтверждают другие представители данного направления – Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет, Б.В. Яковенко, М.Н. Ершов. «Отрицающий» период обращён ко времени с XVIII по начало XX в., причем преобладала точка зрения заимствованного характера русской философии, в которой самобытность еще должна проявиться. Если проанализировать другие монографии этого времени, то данную особенность можно проследить и в них, хотя их авторы придерживались различных методологических принципов и научных убеждений. Так, церковный историк А. Никольский в своей работе «Русская духовно-академическая философия, как предшественница славянофильства и университетской философии в России» посвятил большую ее часть первой половине XIX в., доказывая в противовес не уделившему духовному образованию должного внимания А.И. Введенскому, что развитие русской философии данного периода определяли такие теисты, как Ф. Сидонский, В. Карпов, Ф. Голубинский, О. Новицкий, С. Гогоцкий, П. Юркевич⁸. Представители народнического направления в историографии также обращались к близкому им XIX веку. Например, Р.И. Иванов-Разумник в своей двухтомной книге «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.», применяя метод «имманентного субъективизма» в духе субъективной социологии Н.К. Михайловского, объяснял развитие отечественной философии как историю борьбы за индивидуальность между интеллигенцией и мещанством⁹. В данной работе характерной чертой русской философии также признается ее этико-социальная направленность.

Другой народник, М.М. Филиппов, в свой сборник «Судьбы русской философии»

включил статьи, опубликованные им в конце 1890-х гг. в журналах «Научное обозрение» и «Русское богатство»¹⁰. Проанализировав русскую философию первой половины XIX в., М.М. Филиппов пришел к выводу о последовательном влиянии на нее со стороны английского эмпиризма и немецкого идеализма, причем особую роль сыграли шеллингианство и масонство, так как дух этих учений – сочетание просветительских идей с пренебрежением к эмпирической науке. Самостоятельный характер русской философии реализовался в творчестве В.Г. Белинского (эволюции его философских взглядов автор уделил особое внимание), А.И. Герцена, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, в борьбе западничества и славянофильства. Хотя, с точки зрения М.М. Филиппова, преобладание религиозно-философских тенденций в 80–90-х гг. XIX в. и сковывает развитие русской философии, распространение марксизма дает надежду на дальнейший прогресс.

К современным тогда проблемам отечественной философии обращался также С.О. Грузенберг, автор книги «Очерки современной русской философии. Опыт характеристики современных тенденций русской философии»¹¹. Не исследуя истоки и эволюцию предмета, он лишь кратко характеризовал неблагоприятные условия для его развития. С.О. Грузенберг, анализируя русскую философию, видел в ней актуальные тенденции, непосредственно связанные с наукой или решающие какие-либо научные вопросы, при этом он оставлял в стороне течения, затрагивающие этические, религиозные и социальные проблемы, что являлось не совсем обычной практикой для историографических исследований данного периода.

Параллельно наметилась другая тенденция, «самобытная», в которой утверждалось, как и у архимандрита Гавриила, что существует многовековая историческая традиция русской философии. Данные идеи развивались М.В. Безобразовой, получившей в 1891 г. степень доктора философии Бернского университета за диссертацию «Рукописные материалы к истории философии в России», в которой были изложены результаты её изысканий в Чудовом монастыре, Санкт-

Петербургской, Московской и Киевской духовных академиях, а также рукописных отделах Румянцевского отдела Публичной библиотеки. Зарождение философского сознания М.В. Безобразова так же, как и архимандрит Гавриил, связывает с христианизацией Руси. Выделяя три периода в развитии русской философии (первый – с X по первую половину XVI в., второй – со второй половины XVI до конца XVIII, третий – с конца XVIII до конца XIX в.), в своей диссертации она в основном исследует первый период. Как и Гавриил, она считает, что древнерусская философия получила импульс для своего развития от болгарского экзарха Иоанна, который своими переводами византийских философских трактатов сформировал славянский философский язык, многие термины которого продолжали употребляться в русском языке ещё и в XIX в. Анализируя такие источники, как «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского и его же перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина, «Диоптра» Филиппа Пустынника в списках XIV–XVII вв., «Пчела» в списках XIV–XVIII вв., «Псевдо-Дионисий Ареопагит», «Монастырский устав» Нила Сорского, «Очерк психологии» XVII в., «Великое искусство» Раймонда Луллия, «Тайная тайных мудрого Аристотеля» (6 списков XVI–XVIII вв.), «Этические высказывания» XVIII в., «О языке» XVIII в., «О нравственности» XVIII в., «Правила нравственности» XIX в. и другие, М.В. Безобразова сформулировала общие тенденции, характерные для русской философии: с одной стороны, мистицизм, проявившийся в аскетических течениях Древней Руси, масонстве XVIII в. и теософии конца XIX в.; с другой стороны, склонность к материализму, выразившаяся в мощном влиянии на русскую мысль энциклопедистов в XVIII в. и Бюхнера и Молешотта в XIX в. Общность этих тенденций в том, что они обращены к этическим проблемам, и именно в этом и заключается своеобразие, оригинальность русской философии. «Если нам удалось показать обилие этического материала и склонность к мистицизму и материализму, а также интерес, который издавна имелся в России к философии, то наша цель достигнута»¹².

Таким образом, исследуя дореволюционную историографию русской философии, можно отметить некоторые характерные ее черты. Во-первых, проявилась определенная несогласованность мнений по вопросу о «начале» русской философии и соответственно о самобытном или заимствованном ее характере. Сторонники заимствованной философии – В.В. Чуйко, А.И. Введенский, Э.Л. Радлов – относили ее зарождение к XVI–XVIII вв. и рассматривали этапы ее формирования как различные западноевропейские влияния, причем воспринятые своеобразно и с определенными интерпретациями. История русской философии выглядит в данном случае как трудное обучение, осложненное внутренними условиями, и подлинное раскрытие ее возможностей осуществляется в ближайшем прошлом и настоящем, куда и оказывается направленным внимание большинства исследователей, возлагающих надежды на оригинальное развитие своего предмета в будущем. Парадоксальность этой точки зрения в том, что она занимается прогнозами, в то время как задачей исторической науки всегда была обращенность к прошлому, которая в данном случае так невелика, что не дает представления об историко-философской традиции. Характерно, что эта тенденция в историографии сама является заимствованной и ведет свое начало от работы Ф. Ибервега и М. Гейнце «История новой философии в сжатом очерке». Историческую же перспективу, которая охватывает средневековый период, показывают сторонники другой точки зрения, представленной меньшим количеством работ и утверждающей самобытность русской философии, – архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский) и М.В. Безобразова. Зарождение философского мышления и, соответственно, начало отечественной философии в их работах отнесено ко времени Древней Руси, практически, с момента принятия христианства. По мнению Гавриила, любая национальная философия отражает характер народа, является выражением его духовного творчества, поэтому она не может не быть оригинальной, и заимствования не происходят чисто механически, так как чужие идеи прививаются там, где нахо-

дят живой отклик, соответствующую для них почву. Это гармонизирует внешние и внутренние источники формирования русской философии и позволяет бережно относиться ко всем ее проявлениям, изучая древнерусских авторов наравне с представителями университетской философии.

Во-вторых, в историографии дореволюционного периода, как и в дальнейшем, развитие происходит под влиянием нескольких тенденций. С одной стороны, это появление новых персон или более тщательное изучение ранее недостаточно изученных, с другой же – устойчивая склонность к преемственности методологических концепций, к формированию традиции. Например, очень четко проявилось направление, связанное с работами Ф. Ибервега – М. Гейнце, А.И. Введенского, Э.Л. Радлова, оно получило свое развитие в вышедших сразу после революции исследованиях Г.Г. Шпета, М.Н. Ершова, Б.В. Яковенко («Очерк истории русской философии» Э.Л. Радлова также переиздавался в 1920 г.).

В-третьих, особенностью историографии дореволюционного периода можно назвать то противоречие, которое в будущем приведет к расколу общества и в последующие десятилетия будет представлено официальным «основным вопросом философии». Очевидны различия между народнической тенденцией в историографии (М.М. Филиппов, Р.И. Иванов-Разумник), предпочитающей философов революционных взглядов, и тенденцией, положительно настроенной по отношению к идеализму. В данный период уже видна разобщенность, которая проявится в советской и эмигрантской историографических традициях.

Новая эпоха принесла новые задачи, вслед за политическими изменениями происходят изменения в культурной жизни, в отечественной науке появляются новые методологические установки, а историография русской философии географически и идеологически оказывается разделенной на советскую и эмигрантскую.

Заканчивая рассмотрение данного периода развития историографии русской философии, можно определить тенденцию,

свойственную ей: *каждый следующий период недооценивает или даже отвергает основные идеи и методологические установки предыдущего*. Таким образом, развитию до-революционной историографии русской философии свойственен скорее прерывистый, чем традиционалистский характер.

Примечания

¹ Ибервег Ф., Гейнце М. История новой философии в сжатом очерке. СПб., 1898, С.530.

² Там же. С.529–530.

³ Там же. С.529.

⁴ Там же. С.531.

⁵ Там же. С.531.

⁶ Там же. С.532.

⁷ См.: Введенский А.И. Судьбы философии в России. М., 1898.

⁸ См.: Вера и разум. Харьков, 1907. № 2–5, 9.

⁹ См.: Иванов-Разумник Р.И. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.: В 2 т. СПб., 1907.

¹⁰ См.: Филиппов М.М. Судьбы русской философии. СПб., 1904.

¹¹ См.: Грузенберг С.О. Очерки современной русской философии. Опыт характеристики современных тенденций русской философии. СПб, 1911.

¹² Безобразова М.В. Рукописные материалы к истории философии в России // Ванчугов В. Женщины в философии. М., 1996. С.290. Философская деятельность М.В. Безобразовой была очень активна. Это и издание собственных работ – «Философские этюды» (М., 1892), «Заметка о Диоптре» (СПб., 1893), «Краткий обзор существенных моментов истории философии» (М., 1894), «Публичные лекции» (М., 1901).

УДК 1(410) + 929 Мур

К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФИИ: ДЖ.Э. МУР И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В.В. Шанин

Саратовский государственный университет
E-mail: vincent147@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос актуальности философии для человечества в XXI веке. Роль философии заключается в поиске способов и стилей рассуждения, которые позволяют человеку принимать решения в новых, необычных для него условиях. В работах представителя аналитической философии Дж. Э. Мура осуществляется поиск соотношения между интуицией и разумом как источниками человеческих действий. Актуальность философии Мура заключается в особом методе рассуждения, позволяющем с новой стороны взглянуть на предпосылки человеческих поступков.

Ключевые слова: Д. Э. Мур, аналитическая философия, этика, реализм.

About the Question of Actuality of Philosophy: G. E. Moore and Global Challenges of Modernity

V.V. Shanin

The question of actuality of philosophy for humanity in XXI-th century is examined in the article. The role of philosophy consists in the search of methods and styles of reasoning which allow the man to make decisions in new and unusual for him terms. In works of representative of analytical philosophy G.E. Moore the search for interrelation between intuition and mind as the sources of human actions is carried out. Actuality of Moore's philosophy consists in the special method of reasoning which gives a glance on preconditions of human acts from a new side.

Key words: G. E. Moore, analytical philosophy, ethics, realism, intuition.

Начало XXI в. для человечества, на наш взгляд, можно назвать шоковым: терроризм, мировой экономический кризис, растущая экологическая угроза ставят перед мировым сообществом проблемы, которые ему еще не приходилось решать. Как представляется, в отличие от естественных наук, экономики, медицины, психологии и прочих «двигателей прогресса» перед философией встает проблема ее актуальности. На вопрос, чем конкретно она может помочь людям, современная философия вряд ли сможет ответить просто и однозначно. Возможно, одним из ответов будет следующий: философия старается найти методы, стили, рассуждения, которые позволят принимать адекватные решения в новых для конкретного человека и человечества в целом условиях. Ярким примером здесь служит философия науки, пытающаяся дать ученому ответы на вопросы о методах, целях и ценностях научного исследования. Но проблема заключается в том, что мышление человека не ограничивается научным. В

повседневной жизни при принятии решений люди, как правило, опираются на «здоровый смысл» и «реализм». И здесь философия играет не последнюю роль. Целью данной работы мы ставим рассмотрение на примере работ представителя аналитической философии Джорджа Эдварда Мура возможности философии быть полезной в повседневной жизни человека и при решении более глобальных проблем.

На протяжении веков философия искала причины поведения человека в чувствах, страстях, душе, интуиции, логике, инстинктах. И среди этого моря источников людских поступков здоровый смысл и реализм для многих философов выглядят островками надежности и манят своей кажущейся простотой. Но в самой философии эти понятия не четко определены. Одним из философов, старавшихся прояснить их значение, является Дж. Э. Мур. Историкам философии Мур известен как один из ярких представителей аналитической философии, коллега и единомышленник Б. Рассела, родоначальник «метаэтики» и ниспровергатель «натуралистической ошибки»¹.

Одну из своих лекций, озаглавленную «Достоверность», Мур начал словами: «Как вы можете видеть, в данный момент я нахожусь в комнате, а не на открытом воздухе; я стою, а не сижу или лежу; я одет, а не абсолютно голый <...> в комнате, в которой нахожусь я, находится большое количество других людей; на этой стене есть окна, а на той – дверь. Я высказывал эти утверждения совершенно позитивно, так, как если бы не было сомнения в том, что они являются истинными. Утверждая их именно таким способом, я подразумевал <...> что сам я в каждом случае с достоверностью знаю, что то, что я утверждаю, фактически имеет место в момент моего утверждения»². Еще со времен Античности мыслители утверждали, что существуют первопричины, божественные субстанции, миры идей и т.п. Все эти теории сходятся в том, что окружающая нас действительность содержит больше, чем воспринимают наши органы чувств, другими словами, она *недостоверна*. Апогеем недоверия к действительности, на наш взгляд, стала философия Дж. Беркли, согласно которой нет

вообще ничего реально существующего, кроме принципиально непознаваемой субстанции духа, души и моего Я. Согласно Беркли, существует не больше того, что мы ощущаем³.

В обыденной жизни люди, как правило, не задумываются над подобными проблемами. Наливая в стакан свежее молоко, чтобы выпить, уверен ли человек в достоверности существования стакана и молока? Заметим сразу абсурдность, возникающую при попытке ответить отрицательно. Даже если бы он не верил, то ему пришлось бы действовать так, как будто он верит, если он действительно хочет молока. Данная точка зрения, безусловно, имеет ряд слабостей. Среди них отметим одну, на наш взгляд, самую существенную: проблема, простая и недвусмысленная в отношении молока, превращается в крайне трудную в отношении более сложных феноменов, таких как цвет, и в практически непреодолимую в отношении абстракций, таких, к примеру, как любовь. Одной из причин этого является крайне сложное отношение между восприятием и мышлением человека: граница между ними практически неразличима. Касательно этого вопроса Мур согласен с идеалистами: «...если вообще *esse* есть *percipi*, то *percipi* должно включать не только ощущение, но и другой тип ментальных фактов, который называется «мышлением»⁴. Таким образом, восприятие понимается как сложный, в определенной степени интенциональный акт. Главная трудность возникает при установлении роли этой интенциональности, роли участия мышления в восприятии. От этого отношения напрямую зависит и достоверность последнего. Мур отмечает несколько способов, которыми философы определяют достоверность: во-первых, она трактуется как чувство; во-вторых, как знание субъекта и свойство окружающего.

В первом случае мы имеем дело с восприятием, во втором – с логической возможностью. Например, человек может сказать: «Для меня достоверно (я чувствую), что идет дождь», или «Достоверно, что идет дождь». Между этими двумя утверждениями очень тонкое различие, которое становится заметно при их отрицании: утверждение «Я досто-

верно чувствовал, что идет дождь, но дождь не шел» не является самопротиворечивым, в то время как утверждение «Достоверно, что дождь шел, но дождь не шел» самопротиворечиво. Таким образом, достоверность первого рода не влечет за собой истинности утверждаемого, достоверность же второго рода обязательно подразумевает истинность, иначе оно становится самопротиворечивым. В этом ключе Мур критиковал идеалистов. Согласно точке зрения последних «то, что делает [некий факт] реальным, – не что иное, как его присутствие в качестве неотъемлемого аспекта некоторого ощущения»⁵. Другими словами, если я вижу перед собой стакан молока, то он существует в моем сознании в качестве ощущения. Именно это и наделяет его особым качеством реальности. Чтобы доказать ошибочность этой точки зрения, Мур вводит термин «осведомленность»: «...всегда, когда я имею простое ощущение (или идею), я фактически осведомлен о чем-то, что в равной мере и в том же смысле не является неотъемлемым аспектом моего восприятия»⁶. Следовательно, проблема существования стакана молока вполне разрешима: «Иметь ощущение – значит <...> знать что-то, так же подлинно и реально не являющееся частью моего восприятия, как и все, что я вообще могу знать»⁷. Таким образом, проблема восприятия открывается с новой стороны, ставя вместо вопросов о механизмах и содержании восприятия вопрос об адекватности и последовательности описания процесса и результата восприятия. Здесь стоит, на наш взгляд, отметить два характерных метода Мура: 1) обращение к анализу употребления слов; 2) обращение к логике как своеобразному критерию истинности.

Если первый метод стал фундаментальным и сделал Мура одним из авторитетнейших авторов лингвистической философии, то в истинности метода второго сомневался и сам философ. В то же время в определенном смысле замены ему он не нашел: «...Повсюду я апеллировал к законам логики; и если кто-то будет их отвергать, мне не нужно будет бояться его аргументов. Апелляция к фактам ничего не докажет»⁸.

Итак, здесь мы возвращаемся к основному вопросу нашей работы: как может фи-

лософия помочь человеку? На наш взгляд, философия Мура при должном к ней внимании может помочь нам при определении и, самое главное, описании предпосылок нашего поведения. Другими словами, она помогает ответить на вопрос о причинах конкретного поступка. Мы уже упоминали о логике, но существует еще одна предпосылка человеческого поведения, которую изучал Мур, – интуиция. К примеру, через понятие интуиции им определяется истина, которая «есть простое, не поддающееся анализу, интуитивно понятное свойство, которым обладают одни высказывания и не обладают другие»⁹.

Наиболее четко отношение Мура к интуиции проявляется в его этической теории. С одной стороны, философ признает значение интуиции в этике: «Этический интуитивизм основан на предположении, согласно которому некоторые предписания, устанавливающие, что одни поступки всегда следует совершать, а других – всегда избегать, можно принять в качестве предпосылок, очевидных самих по себе <...> Суждения о том, что является добром самим по себе, очевидны сами по себе; для их обоснования нельзя привести никаких доказательств»¹⁰. Но он также указывает на различие между очевидностью того, что считать добром, и того, как поступать в данной ситуации. В смешении этих понятий Мур и видит ошибку интуитивистов: «...сущность интуитивизма состоит в предположении, согласно которому предписания поступков, устанавливающие не то, что должно быть, а то, что мы должны делать, являются в том же самом значении слова интуитивными»¹¹. Критикуя интуитивистов, философ пишет о том, что когда дело доходит до поступков, на помощь интуиции всегда приходит разум: «Возможно, некоторые наши непосредственные интуитивные убеждения правильны; но поскольку предмет нашей интуиции, содержание того, что говорит нам совесть, заключается в том, что некоторые определенные поступки всегда будут создавать наибольшую сумму добра, возможную в данных условиях, то становится ясно, что здесь могут быть приведены основания, которые покажут либо правильность, либо ошибочность подсказок совести»¹². Безусловно, такие основания рациональны и

исходят из возможных последствий поступков. Если человек не может предугадать всех последствий своих действий, он не может утверждать, что знает, как ему поступать. Но человек может сравнить хотя бы два противоположных поступка по последствиям, которые они повлекут за собой в ближайшем будущем. В этом смысле автор разделяет добро как цель и добро как средство. Если первое неопределимо, и лишь интуитивно постигается само его существование, то второе вполне реально и может быть рационально осмыслено. Именно второй вид добра зачастую используется людьми как предпосылка к поведению: «Правила, которые относятся к тому, чем вы должны быть или к вашей внутренней жизни, – это по большей части всегда «идеальные» правила; тогда как правила, относящиеся к тому, что вы должны делать, или вашим внешним действиям, – это очень часто правила долга»¹³. И с этим, по Муру, связаны две черты любых этических предписаний, которые руководят поступками человека (от заповеди «не убий» до правила не курить в общественных местах):

1) всеобщее соблюдение любых таких предписаний всегда является добром как средством, следовательно, оно может быть оценено и пересмотрено разумом;

2) защищать выбор таких предписаний можно независимо от правильности взглядов на основную проблему этики, т.е. на вопрос о добре как таковом.

Таким образом, если задачей метаэтики, по Муру, является определение основных этических понятий, таких как «добро», то задачей непосредственно этики является нормативное предписание к действиям. Если первая задача решается негативно и при помощи понятия «интуиция», то вторая задача решается позитивно и рационально.

Здесь мы позволим себе выйти за рамки философии Мура, обратившись к другому британскому последователю лингвистической философии Р. М. Хэйру. В работе «Свобода и разум» (1963) он отмечает, что «моральные суждения являются видом предписывающих суждений, и что они отличаются от других суждений этого класса своей универсализуемостью»¹⁴. Помимо этих отличий

от остальных видов суждений, моральные не одинаковы для всех. По словам Хэйра, не возникает проблем, если о морали спорят те, кто разделяет общие моральные принципы¹⁵. Если стакан молока для всех является стаканом молока, то убийство человека может рассматриваться с различных точек зрения. Хэйр пытается найти рациональное решение проблемы – он утверждает, что моральный конфликт можно преодолеть, если обратиться к третьей стороне, примирить интересы, проявлять взаимную терпимость, в том числе по отношению к чужим идеалам. Под третьей стороной Хэйр подразумевает факты действительности. Например, идеал превосходства белой расы не выдержит простой апелляции к фактам. Но, как неоднократно свидетельствует история (вспомним и изречение Мура, приведенное нами ранее), отсылки к фактам часто оказывались недостаточно. На наш взгляд, в подобном доказательстве необходим логический метод Мура, подразумевающий, во-первых, два вида достоверности и, во-вторых, два вида добра. *Если достоверность добра самого по себе можно представить как чисто интуитивное ощущение, то добро как средство можно определить при помощи логической достоверности, осведомленности субъекта.* Другими словами, бесполезно спорить с убеждениями религиозного фанатика, призывающего вступить в секту, но можно апеллировать к логике и его собственной осведомленности о фактах, таких, как долгое время, которое требуется для религиозных исканий человека. Кажущаяся, на первый взгляд, тривиальной и недейственной, эта позиция повсеместно используется, к примеру, в современной международной политике. Так, непримиримые противоречия Израиля и Палестины в той или иной мере сглаживаются необходимостью обеих сторон избегать жертв среди мирного населения. На решение глобальных проблем человечества всегда влияет множество факторов: экономических, политических, военных, личностных и многих других. Именно философия как процесс диалога, поиска истины, постановки вопросов и вариантов ответов на них позволяет создать основу для принятия оптимального

решения. Актуальность философии в целом и философии Мура, в частности, заключается в следующем: она разрабатывает нетривиальные способы мышления, позволяющие решать сложные проблемы, принимать решения в новых ситуациях.

Примечания

- ¹ Нарский И.С., Коновалова Л.В. Вступительная статья // Мур Дж.Э. Принципы этики. М., 1984. С.21.
- ² Мур Дж.Э. Достоверность // Язык, истина, существование / Сост. В.А. Суровцев. Томск, 2002. С.62.
- ³ История философии: Энциклопедия. Минск, 2002. С.106.
- ⁴ Мур Дж.Э. Опровержение идеализма // Историко-философский ежегодник. М., 1987. С.251.

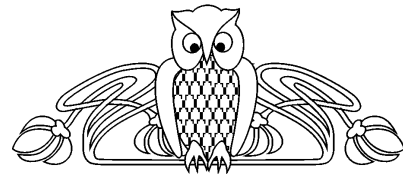
- ⁵ Мур Дж.Э. Опровержение идеализма. С.251.
- ⁶ Там же. С.263.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Цит. по: Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998. С.157.
- ¹⁰ Мур Дж.Э. Принципы этики. М., 1984. С.234.
- ¹¹ Мур Дж.Э. Принципы этики. С.234.
- ¹² Там же.
- ¹³ Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М., 1984. С.334.
- ¹⁴ Цит. по: Корнфорт М. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968. С.249.
- ¹⁵ Корнфорт М. Указ. соч. С.252.

УДК 316.344.42

ПРОБЛЕМА ЭЛИТ В КОНЦЕПТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА: ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОДЫ

А.В. Юдин

Саратовский государственный университет
E-mail: yudinav86@list.ru

В статье ставится проблема общества, связанная с деятельностью политических элит. Подвергается осмыслению механизм деятельности политических элит и реализации их функций как субъектов геополитического риска. Анализируя социальную роль элит, автор приходит к выводу, что их деятельность детерминирована поливариативностью сознания и поливалентностью действий в ситуациях неопределенности.

Ключевые слова: политика, геополитика, элита.

The Problem of the Elite in the Concept of Geopolitical Risk: Activity-Ontological and Socio-Cultural Approaches

A.V. Yudin

The proposed article is a major problem for society, connected with the activities of political elites. The article exposed comprehending the mechanism of their activities and realization of their role as agents of geopolitical risk. By analyzing the role of social elites, the author finds that their activities are determined by polivariability of consciousness and polyvalent of their actions in situations of uncertainty.

Key words: politics, geopolitics, elite.

Критическая рефлексия концепта геополитического риска формулирует философию проблем субъективной составляющей в системе геополитической деятельности глобального социума. Целый комплекс тематизаций

геополитического риска приводит к проблеме феномена элит, предполагающей обсуждение онтологических, антрополого-аксиологических и социальных сюжетов, где активность субъективации центрируется вокруг понятия «элитизации»¹. Выяснение вопроса о роли и механизме деятельности элит в развертывании философской концептуализации геополитического риска составляет цель настоящей статьи.

В жизненном пространстве общества представлена сложная картина взаимоотношения разных элит со своими убеждениями и внутренней структурой. В ситуациях геополитического риска в разной степени участвуют все элиты. Принятие решения быть или не быть геополитическому риску принадлежит властвующей политической элите. Политическая элита глобального социума – это внутренне разбалансированная, составляющая меньшинство социальная общность, обладающая необходимым военно-политическим ресурсным потенциалом, выступающая

субъектом подготовки и принятия важнейших геополитических решений; она характеризуется инвариантностью типов пространственного сознания и мышления, норм поведения и разделяемых ценностей. Национальная политическая элита – это внутренне сплоченная, составляющая организованное меньшинство социальная общность, обладающая социально-политическим статусом в системе властных структур и необходимым военно-политическим ресурсом, кроме того, она характеризуется близостью установок, стереотипов и норм поведения, относительным единством разделяемых ценностей.

Политическая элита – активная доминирующая часть в структуре субъекта геополитического риска. На уровне семантики латинское слово «subject» включает в себя «sub» (под, до) и «ject» (акт, акция, действие). И если последнее имеет неразложимое значение, то в слове «sub» выделяются два сопряженных смысла: первый – еще «до» и «вне» действия, что предполагает некий источник, некий ресурс действия; второй сопряжен с этим возможным действием, а значит, в отношении к нему ресурсы должны быть каким-то образом самоорганизованы, предположительно, каким-то потенциалом. Таким образом, политическая элита – это и ресурс, и потенциал, и действие. Думается, что ресурсом выступает сознание политических элит, ибо способность сознания реконструировать жизненное пространство является концептуальным основанием геополитического риска, а ее потенциалом – культурно-исторические универсалии общества, которые наделяют элиту властными полномочиями и силовыми характеристиками. Действие – это деятельность политической элиты в общей системе сложившейся геополитической практики. При развертывании философской концептуализации геополитического риска открывается возможность для выдвижения двух концептов: поливариативности сознания политических элит (ресурс) и их поливалентности (потенциал), а также положения о деятельностных категориях как необходимых онтологических основаниях в производстве и актуализации геополитического риска.

Феномен геополитического сознания властвующих элит делает само сознание «нагруженным» и многовекторным. Концепт поливариативности складывается из единства и одновременной разобщенности разных типов сознания. В геополитическом риске актуализацию получают имперское, националистическое, мифологическое, мессианское типы сознаний. Политические элиты, носители геополитического сознания, центрируются в структуре сознания на оппозициях: «мы» (свое пространство) и «они» (чужое пространство). Носители националистического типа сознания оправдывают ограничение или ликвидацию прав и свобод индивидов, принадлежащих к «чужим» нациям, в отличие от своих, которые наделяются особыми правами.

Для мифологического сознания характерна предельная самоотдача, жертвенность. В период геополитической активности оно наиболее подвижно, востребовано и дифференцировано, индивидуально по происхождению, исходит от того или иного лица (лидера государства). Мифологическое сознание воздействует на ментальные структуры геополитического риска, формируя его специфическую субъектность и управляя геополитическим поведением. Миф глубоко укореняется в структурах сознания элит в качестве эффективного иррационального средства для решения рациональных пространственных проблем. В. Парето в «Трактате по общей социологии» рассматривает миф как результат добросовестного заблуждения, как инструмент обмана, с помощью которого элиты осуществляют свое господство. Проблема мифологического сознания элит состоит еще и в том, что утрачивается способность критической оценки собственного содержания и выработки новых идей для обеспечения выхода из ситуации геополитического риска. Сочетание национального сознания с пространственным составляет сложную проблему, так как первое по природе своей относится к ценностям консервативной элиты, а второе является динамическим, способным к реконструкции. Избежать опасного единовластия одного из них можно лишь при взаимопроникновении. Сохраняя собствен-

ную идентичность, каждое встраивает в свою структуру элемент противостоящей стороны в качестве внутреннего ограничителя. Это ставит оба типа сознания в определенные рамки, где предусматривается минимальный внутренний самоконтроль. В ситуациях геополитического риска этот самоконтроль перестает функционировать. Имперско-экспансионистский тип сознания – обостренные националистические, мифологические, мессианские сознания вкупе, беспредельная радикализация «пространственного инстинкта и чувства» (Хаусхофер). Поливариативность приводит к кризису рационального сознания – неспособности действовать рационально и адекватно требованиям жизни, что порождает пространственную неопределенность.

В плане организации геополитический риск основан на доминировании силы власти, опирающейся преимущественно на военное, а в современную эпоху – на интеллектуальное, «символическое насилие». Потенциал элит заключается в обладании и управлении «силовым полем» власти. Концепт поливалентности властвующим политическим элит понимается как «схватывание» множественности смыслов силового поля, которым обладают элиты. Конструктивно-смысловое понятие «силовое поле власти» означает концентрацию потенциальных силовых возможностей политических элит, необходимых ей для исполнения своих функциональных обязанностей, и определяется множественными уровнями структурной организации, выражаемыми силой их функциональной значимости, социального статуса, интеллектуального превосходства, силой институциональных выражений и антропогенного духа. Значимость элит представлена исполнением их функций, монополизацией власти, управлением сферами жизни общества, осуществлением властного контроля над жизненным пространством и природными ресурсами.

Высокий социальный статус политических элит состоит в том, что приобретение чужого жизненного пространства, овладение им, распоряжение и пользование фактически становится их частной собственностью. Приобретенное пространство не обобществляется и не социализируется. Только политиче-

ские элиты принимают решения по присвоению или отчуждению пространства, присваивая себе функции права владения, что повышает их статус в качестве «распорядителя» пространства, придавая силовые полномочия. Обретение, удержание политическими элитами силового поля легитимизирует право на распоряжение им, а также применение и использование силовых методов и доводов в решении пространственных проблем. Это поле становится для них инструментом и средством в конструировании ситуации геополитического риска. Институциональный уровень – это те силовые основы, которые предполагают адаптацию к организованным международным нормам, ролевым правилам, ограничивающим рискоспособность проявления геополитической деятельности. Многоуровневая валентность составляет содержание силового поля, что легитимизирует силовую составляющую властной элиты.

В современную эпоху институциональный уровень решения пространственных проблем перестает играть решающую роль в действиях и поведении элит. Они, исходя из своих ценностных ориентаций, типа мышления и формы сознания, «нащупывают» точки пересечения пространственных проблем, действуют конъюнктурно, сообразуясь с собственными интересами. А. Кожев вводит понятие «антропогенный риск», определяя его как «осознанную волю и действующее сознание, явленное как желание признания»². На практике антропогенная сила складывается из желаний, воли, запросов и потребностей политических элит, что конституирует антропогенную силу в качестве доминирующей во внутренней структуре силового поля власти. Антропогенная сила берет верх над институциональной и рациональной силами.

Власть на всем протяжении пространственных преобразований проявляла полную неготовность и неспособность к самоограничению. Более того, она вообще не позволяла обществу самому думать об общественных делах, в том числе и пространственных проблемах. По мнению А. Панарина, элита современности «мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связавшая

свои интересы и судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда она в обход этого народа стремится попасть»³. Политические элиты, «пристраиваясь» к существующей геополитической деятельности, сами активно создают и преобразуют ее, пренебрегая мнением национального сообщества.

Развертывание «субъективного» в концепте геополитического риска можно осуществить в методологическом ключе теории деятельности. Деятельность элит – это производство геополитических идей и стратегий, где предполагается свободное целеполагание (социокультурный аспект); это процесс преодоления трудностей в поиске способов решения пространственных проблем (социо-геополитический аспект); это всеобщая геополитическая практика (культурно-историческая развертка). Проблема политических элит конституируется и раскрывается через категории «деятельность», «действие», «действие», где они выступают не в качестве мыслительных абстракций, а в качестве фактов бытия элиты, с мотивами, используемыми средствами и технологиями, эмоциями, ценностными ориентациями, волей и свободой.

Процесс пространственного реформирования включает в себя проблематизацию (необходимость расширения жизненного пространства); инверсию (желание поменять пространственную конфигурацию); преобразование содержания геополитического опыта (изменить его объем за счет включения дополнительных форм геополитических действий). Геополитическое присвоение или отчуждение обеспечивает преемственность в геополитическом развитии культурного целого, что интерпретируется как воспроизводящая межпоколенная связь. В этом содержится источник развития геополитической деятельности, которая, в конечном итоге, приобретает черты саморазвития. Политическая элита является тем, кто осуществляет особые действия по развитию целостных систем, направленные, прежде всего, на расширенное воспроизводство ее смысловой основы; она поддерживает пространство-строительство в форме постоянной целостной структуры, не допуская разрывов в дви-

жении. Условно говоря, элиты – это та инстанция в концепте геополитического риска, на уровне которой происходит переход из режима развития в режим его саморазвития. Различные формы такого перехода следует искать в генетических, культурологических кодах. Таким кодом может являться категория «память прошлого». Элиты апеллируют к памяти прошлого и как к знаку, и как к возможному инструменту для конструирования ситуации геополитического риска. Но субъект геополитической деятельности не довольствуется только стереотипами поведенческой практики, он ищет новые формы, более продвинутые и изощренные (типичный пример инверсионного действия – переход от военных действий к «холодной» войне). Создание такой инверсии требует от политических элит не меньшей силы воображения и влияния, чем традиционные средства для удержания и сохранения власти. Поскольку носитель традиционного геополитического действия является субъектом, инициирующим геополитический риск, такая инверсия изначально имеет для субъекта, принимающего риск, коммуникативный смысл. Попытка перейти эту грань сопровождается манипулированием общественным сознанием, это по своей сути скрытый инверсионный риск.

В рамках антропологической парадигмы смысл деятельности элит сводится к их способности к осознанному пространственному преобразованию. Не только способность сознания конструировать пространственный мир, но и благодаря деятельности преобразовывать его, выступают концептуальными основаниями геополитического риска, открывающими возможность последнему актуализироваться в разных видах и формах пространственной деятельности. И пальма первенства в этих способностях принадлежит элитам, но они живут в системе реально-практических социальных связей с обществом и другими элитами. Отношения национальных элит представляют собой способ геополитической деятельности, аккумулятивной конкретными субъектами геополитики и реализуемой ими. Поэтому геополитическая деятельность захватывает политические элиты, осуществляя свою собственную,

они сталкиваются с уже сложившейся вокруг нее и рядом с ней геополитической деятельностью других национальных элит и противопоставляют себя последней. Поэтому деятельность элиты есть социально-онтологическая категория геополитической реальности, а не частная форма ее активности.

Настоящая деятельность национальных элит разворачивается в существующем жизненном пространстве и подчиняется неким объективным условиям. Эти базовые характеристики задают простую всеобщую формулу геополитической практики: национальная элита государства, иницирующего риск, – деятельность, действие – национальная элита государства, принимающего риск. Эта формула хотя и очевидна, но далеко не однозначна в своем содержании, состав и строение которого необходимо выявить.

Поскольку геополитический риск – это, в первую очередь, деятельность, предполагается, что она всегда есть. Более того, между ней и политическими элитами субъектов риска существуют специфические отношения. С одной стороны, элиты государства, иницирующего риск, могут к ней «прикрепиться» в качестве какого-либо элемента и встретиться с противостоящими ей элитами государства, принимающего риск; с другой стороны, собственное строение элиты государства, иницирующего риск, таково, что позволяет ей быть обладателем и полновластным распорядителем геополитической деятельности и с ее помощью строить и преобразовывать элиты государства, принимающего риск. Важным в данном анализе будет обращение к существующим теориям деятельности А. Леонтьева (психологической) и Г. Щедровицкого (методологической). В первой элита государства – инициатора риска оказывается полностью растворенной в общественных потребностях и собственных мотивах, а государства, принимающего риск, – живет в представлениях о цели и условиях геополитической реальности. В другой – элита иницирующего государства за-

местилась целями и задачами производства и наращивания геополитической деятельности, где собственное государство и нация становятся для нее одним из условий производства ситуаций геополитического риска, а элиты принимающего государства – ее материалами и продуктами. Эти теории выявляют и понятийно оформляют наиболее важные деятельностные категории, необходимые и активно используемые элитами в ситуации геополитического риска: способ, средство, цели, задачи, мотивы, условия. С другой стороны, выявленные в философско-методологическом и психологическом ключе деятельностные категории концепции оказываются некими монтажными блоками, из которых выстраиваются различные конструкты деятельного бытия политических элит – субъектов геополитического риска – для разных социально-прагматических целей.

В заключение можно сделать следующий вывод: в системе развертывания философской концептуализации геополитического риска роль политических элит, механизм их деятельности доктринируются через утверждение концептов поливариативности сознания элит и поливалентности их действия в ситуациях неопределенности; определяются системой взаимодействия национальных элит – участников геополитического риска – и их деятельностными категориями, активно используемыми в конструировании ситуаций такого риска.

Примечания

¹ Классическая система взглядов теории элит была разработана в начале XX в. итальянскими мыслителями Г. Моска, В. Парето и немецким социологом Р. Михельсом. Во второй половине XX в. сформировались современные концепции элитизма, концентрируясь в несколько подходов: макиавеллистский (Дж. Бернхэм), ценностный (Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев), структурно-функциональный (Г. Лассуэл, С. Липсет), либеральный (Й. Шумпетер и Ч. Миллс).

² Кожев А. Источник права: антропогенное желание как итог идеи Справедливости // *Вопр. филос.* 2002. №12. С.162.

³ Панарин А. Народ без элиты. М., 2006. С.175.

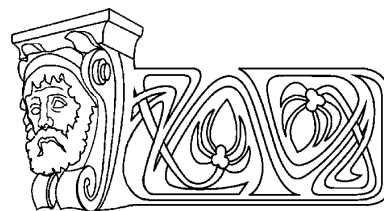

УДК 1(470)(09)+929 Ланц

ПРОБЛЕМА МОРАЛИ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Г. ЛАНЦА

О.А. Попова

Саратовский государственный университет
E-mail: popovaolga24@mail.ru

В статье рассматривается этическая составляющая философской концепции Генриха Ланца. Являясь представителем «младшего» поколения русского неокантианства, Ланц рассматривает проблему бессмертия как имеющую свое обоснование в этике и вкладывает в понятие бессмертия неокантианскую дуальность.

Ключевые слова: Ланц, неокантианство, этика, бессмертие, культура, наука, религия, дуальность, мораль.

The Problem of Morality in the Philosophical Conception of H. Lanz

O.A. Popova

In the article the ethical component of the philosophical concept of Henry Lanz is considered. Being the representative of the «young» generation of the Russian Neo-Kantianism, Lanz contemplates an immortality problem as a problem that has the substantiation in ethics and he incorporates Neo-Kantian duality into the concept of immortality.

Key words: Lanz, Neo-Kantianism, ethics, immortality, culture, science, religion, duality, morality.

Русское неокантианство стало важным философским направлением Серебряного века, формировавшимся в процессе интегрирования неокантианских идей в различные области русской культуры. Оно было представлено достаточно широким спектром русских мыслителей, в связи с чем философы, синтезировавшие в своем творчестве опыт русского философствования в западную неокантианскую традицию, заслуживают особого внимания. Одним из них по праву можно назвать Генриха Эрнестовича Ланца (1886–1945 гг.).

Философия Генриха Ланца, являясь отражением синтеза личностных, политических, экономических предпосылок формирования новой культурной эпохи, предопределяет в историко-философской ретроспективе многие пути философского знания XX–XXI вв. Однако в силу того, что работы Ланца были опубликованы в основном в периодических изданиях, может сложиться впечатление, что мыслитель не смог создать целостной философской концепции, ограничившись отдельными статьями на ту или

иную тему. Поэтому для доказательства цельности его философской концепции первоочередной исследовательской задачей становится аналитико-систематическое изучение его научных текстов. Обозначим здесь, по крайней мере, одно из возможных направлений в решении этого вопроса, обратившись к этическим представлениям Ланца и их особенностям.

В проблемном поле неокантианства этика, бесспорно, играла важную роль. Общую для многих русских мыслителей той эпохи проблему самостоятельности русской философской мысли и синтеза различных форм познания неокантианцы решали в этическом ключе. Таков, например, призыв Н. Грота к созданию «самостоятельной философии», в которой доминировала бы этика, идея добра в синтезе «цельного знания». Подобным образом русское неокантианство делало акцент на нравственном содержании мысли великого немецкого философа. При помощи этики неокантианцы пытались решить задачи синтеза различных философских систем, а также примирения противоречий между знанием и верой, наукой и искусством и т.д. Влияние неокантианцев на этику и традиции ее преподавания очевидны, однако этот вопрос в настоящее время еще малоизучен, хотя и представляет несомненный интерес в контексте современных проблем этического знания и педагогической деятельности.

С первой половины XIX в. российское неокантианство увлекалось больше исследованием метафизического идеализма Фихте, Шеллинга и Гегеля, преодолевших феноменализм Канта. В этом же ключе работал и Генрих Ланц, который только за один 1914 г. написал четыре статьи, посвященных немецкому гению, в журналы «Логос» и «Вопросы философии и психологии»¹. В «Фихтеане» реализовалась первая задача русского нео-

кантианства, сформулированная Б.В. Яковенко, – задача по изучению источников философской мысли и написанию собственных трудов о мыслителях-классиках. Некоторые исследователи утверждают, что обращение русских неокантианцев к философии Фихте шло в русле «скрытой или явной полемики с ортодоксальной русской религиозно-православной философией» и «вполне определенной ориентации на некоторые идеи современной им западной философии»².

Одним из первых, кто наметил это исследовательское направление в русской «Неокантиане», был Б.П. Вышеславцев, вслед за Когеном рассматривавший взгляд Фихте на социальный вопрос как на вопрос этический. Ланц занимает в русской «Фихтеане» особое место и по количеству его статей и по обстоятельности его исследований. Он проводит подробный анализ биографии Фихте, связывая ее с проблемами, поднимаемыми философом, и особенностью их решения. Главным образом, в философии Фихте Ланц рассматривает проблему свободы, где, по его мнению, особенно важным представляется то обстоятельство, что идея моральной революции, совершенной Фихте, была заложена Кантом. Поэтому Фихте является кантианцем не только как завершитель и продолжатель теоретического воззрения Канта, не только потому, что «его исходный пункт, как обычно выражаются историки, лежит в трансцендентальной апперцепции», но преимущественно потому, что основа и цель его системы совпадают с кантовской. Обоснование этической свободы делает его «историческим преемником Канта»³.

Этический план своей философской концепции Г. Ланц раскрывает в статье «Вопросы и проблемы бессмертия», вышедшей в 1913 г. в журнале «Логос». В этой работе мыслитель обращается к трагедии современного человека, которая выражается в противоречии между его религиозно-этической и научно-логической сущностью. Философ считает, что данная проблема остра только для тех, кто отказался от ограниченности: будь то ограниченность в пользу науки или в пользу религии. Поэтому Ланц называет ее трагедией тех людей, «чья душа полна религиозных исканий и чей разум, однако, не мо-

жет отречься от истины»⁴. Особенно существенной эта проблема становится, когда рассматривается сквозь призму значения смерти и бессмертия для субъективного духа.

Трагедия культурного сознания, по мнению Ланца, скрыта в противоречии между истинной религией и логическим разумом и имеет глубокие корни: «...мистика всегда давала отрицательную оценку самому принципу объективного познания», в свою очередь, логика лишает истинную религию «самостоятельности для утверждения монархического абсолютизма “истины”»⁵. По сути, в данном положении выражается кантовское противоречие между законами теоретического и практического разума, нарушающими его единство. Ланц считает необходимым отойти от «жизненной ценности разума и от биологической извращенности мистики»⁶ и таким способом решить извечное противоречие, порождающее трагедию человека, – религиозное отчаяние, которое наступает в результате религиозно-логической борьбы, обнаруживаемой в антитезе Смерти и Бога. Только устранив ее, можно «спасти единство культурного сознания».

Причиной религиозного отчаяния Ланц называет трагическую волю человека – «волю к бессмертию». Для этого философ ставит под вопрос этичность и религиозность бессмертия. Автор считает потребностью культурного сознания отнять у бессмертия приписываемые ему этичность и ценность и попытаться оправдать смерть в ее этическом и религиозном, а не только физиологическом элементе.

Вслед за Кантом, полагавшим, что наше собственное Я дано нам во времени, неокантианец Ланц соотносит понятие бессмертия со временем: «Я – это маленькое обстоятельство в жизни мира, кусочек его бесконечной реальности. Если уничтожить... ту эпоху времени, которая меня окружает, то я потеряю самого себя, потеряю бесследно, без всякого субстанционального остатка»⁷. Я, таким образом, понимается Ланцем как отрезок времени, имеющий и начало и конец – отрезок бесконечной прямой: «...не только нелогично, но и противоречиво было бы принять бессмертие только для будущего, отказавшись от него в прошлом... Этого тре-

бует логика и диалектика бесконечности, которая не может примириться с бесконечностью однобокой, с такой уродливой бесконечностью, которая обладает одним концом...»⁸. Для того чтобы перевести тему в этический контекст, Ланц обосновывает необходимость существования понятия смерти через понятия бесконечности и процессуальности. Философ обосновывает необходимость существования понятия смерти, для того чтобы перевести тему в этический контекст.

Важно помнить, что Кант разделял Я, данное во времени, и Я как вещь саму по себе; то есть, Я как феномен отличается у Канта от Я как ноумена. Человек, таким образом, по Канту, представляется как житель двух миров: чувственно воспринимаемого, где он подчинен законам природы, т.е. пространственным и временным определениям, и сверхчувственного, где он свободно подчиняет себя умопостигаемому нравственному закону, над которым не властно время. Принцип мира природного гласит: никакое явление не может быть причиной самого себя, оно всегда имеет свою причину в другом (другом явлении) и тем самым подчинено ходу времени. Напротив, принцип мира свободы гласит: разумное существо есть цель сама по себе и может выступать в качестве свободно действующей причины – свободной воли, для которой не существует определения во времени. Сверхчувственный, умопостигаемый мир Кант мыслит в качестве «совокупности разумных существ как вещей самих по себе»⁹. Как четко сформулировала П.П. Гайденко, «такое отделение оказалось необычайно важным именно потому, что оно только и может быть гарантом онтологической реальности мира свободы»¹⁰. Основывается оно на противоречии естественной необходимости и свободы, которое в философии неокантианства разовьется до противоречия природы и культуры соответственно.

Для Ланца принципиальным становится противоречие между личным бессмертием, которое есть, по сути, объективная ирония над самой жизнью, и этическим бессмертием, которое может проявляться в человеческой деятельности. Культуру Ланц называет системой «дел» – она, по мнению философа,

и является бессмертной: «Лишь в делах своих, в системе “дел” своих он [человек] имеет свое специфическое, человеческое бытие. “Дело” же всегда остается задачей, проблемой, идеей; оно по своему принципу, “по определению”, как говорят математики, не может исчезнуть и умереть в своем результате; ибо результат всегда есть новая задача, новое “дело”»¹¹. Таким образом, мысль Ланца о проблеме бессмертия абсолютно логично развивается в рамках философской системы Канта: философ говорит о невозможности бессмертия с точки зрения причинности как необходимости, то есть о нелогичности ее в природе, и в то же время он утверждает наличие бессмертия с точки зрения причинности как свободы, то есть возможности ее в культуре.

В культуре – царстве Свободы – нет безнравственности, смерти и зла: «Безнравственной деятельности нет, – говорит Ланц в своей статье «Свобода и сознание», – так как безнравственности вообще не существует; только потеря времени есть абсолютная безнравственность, в которую проваливаются все поступки, совершаемые по эгоистическим, чувственным побуждениям; они не оставляют никакого следа в жизни, не имеют будущего и потому абсолютно и бесследно исчезают... Зла нет; не в том софистическом смысле, что все злое является с какой-то высшей точки зрения добром, а в том, что оно не имеет жизни будущего, что оно питается только временностью и косностью»¹².

Кант выявляет априорные формы трех основных измерений деятельной сущности человека: совершенствование способности познания – интеллектуальное, способности желания доброй воли и деяния – этическое и эстетическое – способности вкуса. Человек как свободно действующее существо, таким образом, уже в такой перспективе собственной природной самоорганизации обладает априори трансцендентальной целью, заложенной в предельном основании человеческого разума – бесконечном стремлении познать, каким может стать человек в результате совершенствования собственных усилий свободной воли. Целевая причинность как телеологический принцип рассматривается в этом смысле не просто как причинно-

следственная связь, но как представление субъекта, имеющее основанием его свободу. «Лишь потому, что человек свободен, т.е. разумен и способен сам ставить себе цели и определять ими свое поведение, – лишь потому он способен мыслить организмы природы, произведения искусства и историю как целесообразные»¹³.

В этом смысле утверждать, что человек по природе своей есть существо практически трансцендентальное, т.е. как моральная сущность, значит дать определение человека как существа, действующего сообразно цели, существа, практически полагающего в своем действии разумную цель, раскрывающую модусы изначального идеального целеполагания, различающего практически добро и зло.

Этика Ланца также глубоко телеологична, поскольку, рассматривая смерть в данном контексте, философ заявляет, что логическая сущность добра конституируется целью, которая возможна только в деятельности, прогрессе и преодолении. Если же предположить, что в мире царствует бессмертие, то мораль перестает существовать, ибо не может быть добра там, где все бесконечно и однообразно, где нет работы: «единственная абсолютная безнравственность в мире есть косность, бездеятельность, пустая потеря времени»¹⁴. Таким образом, Ланц отрицает абсолютное добро, предполагающее отсутствие процессуальности и смерти человечества. Для него неприемлема буддийская этика как попытка преодоления смерти и предпочтительна протестантская этика как этика дела.

Проблема бессмертия для Ланца – это не онтологическая, а «чисто этическая проблема и потому строго философская, которая как таковая, свободна от всех мистически-религиозных верований»¹⁵. Более того, бытие вещи у философа обосновывается через ее предназначение. Истинное бытие вещь получает только в момент своей смерти, когда реализуется вся полнота ее назначений. Говоря о человеке, Ланц подчеркивает, что его этико-телеологическое настоящее всегда строится исходя из будущего. Если лишить человека будущего, вырвать его из исторического контекста, то он перестает быть личностью, а становится лишь биологической единицей.

Подводя итог сказанному, необходимо обратить внимание на то, что логика рассмотрения проблемы бессмертия Ланца встраивается в логику неокантианскую, которая в отечественной философии до него была представлена достаточно слабо, ибо исследователи проблемы бессмертия опирались на идеи либо сциентистского, либо религиозного толка. В данном случае важно отметить, что Ланц вкладывает в понятие бессмертия неокантианскую дуальность. В связи с этим неоспоримым выводом является необходимость более подробного изучения данной проблематики в отечественной философской традиции.

Работа выполнена при финансовой поддержке аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.). Проект №2.1.3/6499.

Примечания

¹ См.: Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122, № 2. С.227–282; Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122. С.65–119; Памяти Фихте // Русская мысль. 1914. Кн.6. С.42–51; Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. 1914. Т.1, вып.1. С.1–23.

² Философия Фихте в России / Ред.-сост. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.

³ Ланц Г.Э. Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте). С.4.

⁴ Ланц Г.Э. Вопросы и проблемы бессмертия // Логос. 1913. Кн.3, №4. С.250.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.250–251.

⁷ Там же. С.253.

⁸ Там же.

⁹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т.4, ч.1. М., 1965. С.304.

¹⁰ Гайденко П.П. Кант о природе времени, о вневременности ноуменов и о бессмертии души // Иммануил Кант: наследие и проект / Под ред. В.С. Степина, Н.В. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С.178.

¹¹ Ланц Г.Э. Вопросы и проблемы бессмертия. С.260.

¹² Ланц Г.Э. Свобода и сознание. С.20–21.

¹³ Чернов С.А. Телеология свободы // Кантовский сборник. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 1993. Вып.17. С.24.

¹⁴ Ланц Г.Э. Вопросы и проблемы бессмертия. С.256.

¹⁵ Там же. С.260.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:331.101.3

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

И.В. Арендачук

Саратовский государственный университет
E-mail: arend-irina@ya.ru

Рассмотрение профессиональных компетенций как характеристик деятельностного уровня профессионализма позволило выделить три группы компетенций преподавателей высшей школы – индивидуально-личностные, предметно-деятельностные и социально-коммуникативные. Они исследованы во взаимосвязи с индивидуально-личностными свойствами преподавателей в зависимости от уровня их профессиональной успешности.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, уровни профессионализма, преподаватели высшей школы, индивидуально-личностные свойства, профессиональная успешность.

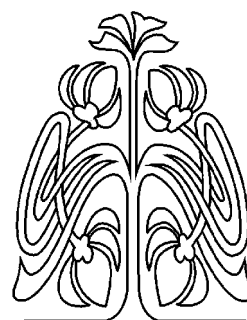
Professional Competences in the Structure of Professionalism of Teachers of the Higher School

I.V. Arendachuk

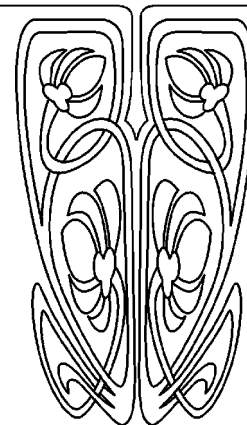
The examination of professional competences as characteristics of the activity level of professionalism has allowed allocating three groups competences of teachers of the higher school – individually-personal, objectively-activity and socially-communicative. Data of competences have investigated in interrelation with individually-personal properties of teachers depending from the level of their professional success.

Key words: professional competences, level of professionalism, teachers of the higher school, individually-personal properties, professional success

Необходимым компонентом профессионализма личности является ее профессиональная компетентность. Изучение современных подходов к профессиональной компетентности в работах отечественных и зарубежных ученых показывает, что это понятие не имеет достаточно четкого определения и семантически используется наравне с понятием профессионализма. Так, с точки зрения С.А. Дружилова, профессиональная компетентность представляет собой многофакторную качественную характеристику личности специалиста, которая включает систему научно-теоретических знаний в предметной области и способов их применения в конкретных ситуациях, ценностные ориентации специалиста, а также интегративные показатели его культуры¹. В. Байденко определяет эту категорию, с одной стороны, как овладение знаниями, умениями и способностями, необходимыми для работы по специальности при одновременной автономности и гибкости в решении профессиональных проблем; развитое сотрудничество с коллегами и профессиональной межличностной средой, с другой – как готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически органи-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

зованно и самостоятельно решать поставленные задачи, а также самооценивать результаты своей деятельности².

На наш взгляд, данные определения очень схожи по своему смыслу с суждениями некоторых авторов о профессионализме. Например, Ю.Н. Кулюткин полагает, что профессионализм – это система знаний и умений, проявляющаяся при решении возникающих в практике профессиональных задач³. Н.В. Кузьмина также определяет профессионализм как наличие у специалиста знаний, умений и навыков, позволяющих ему осуществлять свою деятельность на уровне современных требований науки и техники, как умение видеть и формулировать задачи, применять методологию и методы специальных наук для установки диагноза и прогноза при их решении, оценивать и выбирать наиболее подходящие для решения методы⁴.

Некоторые исследователи отмечают интегральность понятия профессиональной компетентности. Так, М. Розенова выделяет следующие виды компетентности: предметную как хорошее знание специалистом предмета своей непосредственной деятельности (которое формируется в ходе учебно-профессиональной подготовки); социально-коммуникативную как знания и умения, связанные с осуществлением социальных и профессиональных контактов, и личностно-индивидуальную, представленную совокупностью знаний и представлений человека о самом себе в контексте профессиональной роли⁵. Близкую точку зрения высказывает Н.В. Матяш, согласно которой профессиональная компетентность представляет собой уровень мастерства, достигаемый человеком на пути профессионального становления и включающий в себя такие компоненты, как потребностно-мотивационный, операционально-технический и самосознание⁶.

А.К. Маркова также выделяет виды профессиональной компетентности – специальную, или деятельностьную, характеризующую владение деятельностью на высоком профессиональном уровне, наличие специальных знаний и умение применить их на практике; социальную, обусловленную владением способами совместной деятельности и сотруд-

ничества, принятыми в профессиональном сообществе приемами профессионального общения; личностную, включающую в себя владение способами самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональной деформации, способность планировать профессиональную деятельность, видеть проблему и самостоятельно принимать решения; индивидуальную, трактуемую как владение приемами саморегуляции, готовность к профессиональному росту, неподверженность профессиональному старению, наличие устойчивой профессиональной мотивации⁷.

Полагая, что рассмотренные описания профессиональной компетентности очень близки по своему содержанию к характеристике различных составляющих профессионализма и не дают четкого представления об этой категории профессиональной деятельности, считаем возможным сформулировать собственное мнение, согласно которому *профессиональная компетентность* может быть определена как *интегративное свойство, включающее в себя совокупность профессиональных и социокультурных знаний, умений и навыков, позволяющих человеку на высоком уровне планировать и осуществлять профессиональную деятельность с целью достижения социально и личностно значимых результатов*. Именно в таком контексте, на наш взгляд, профессиональная компетентность может быть включена в структуру профессионализма личности, поскольку понятие «профессионализм» является более широким, чем «профессиональная компетентность». Профессионализм характеризуется таким уровнем развития профессиональной компетентности, на котором она полностью интегрирована в поведение человека, поэтому многие действия, ведущие к эффективному результату, выполняются на интуитивном уровне.

Таким образом, мы рассматриваем профессиональную компетентность как показатель того, насколько успешно человек овладел профессиональными знаниями, умениями и навыками, профессиональной культурой и реализует их в различных ситуациях профессиональной деятельности. Вместе с

тем, рассматривая профессиональную компетентность как личностную характеристику профессионала, мы выделяем и профессиональные компетенции – как показатели профессионализма его деятельности. По нашему мнению, профессиональные компетенции являются некими критериями, которые используются для внутренней и внешней оценки качества профессиональной деятельности и являются общими для всех специалистов в том или ином виде профессиональной деятельности, стремящихся к высокому уровню профессионализма. Иными словами, компетентность – это свойство личности, а компетенции – это то, что должен усвоить и проявлять в деятельности человек, чтобы быть компетентным. Именно с этих позиций мы и рассматриваем компетенции как детерминанты деятельностного уровня профессионализма личности.

Теоретическое обобщение по проблеме профессиональной компетентности личности с опорой на исследования процесса управления психолого-педагогическими компетенциями преподавателя высшей школы⁸ позволило нам выделить в структуре его профессиональной деятельности три группы основных компетенций:

1) *индивидуально-личностные компетенции*, проявляющиеся в познавательной активности преподавателя при реализации целей как научной, так и педагогической деятельности, в соответствии с индивидуально-психологическими свойствами, общим уровнем интеллекта и его структурными особенностями. Показателями этой группы компетенций являются:

владение специальными знаниями;

исследовательская активность при разработке научных и педагогических проблем и инноваций;

развитость навыков построения образовательного процесса (моделирование, проектирование);

способность к саморазвитию, стремление к повышению своей специальной и психолого-педагогической квалификации;

2) *предметно-деятельностные компетенции*, включающие эмоционально-волевое управление предметным (специальным и пе-

дагогическим) содержанием профессиональной деятельности, реализуемые с учетом уровня притязаний и мотивов деятельности субъекта. К компетенциям этой группы относятся:

сформированность навыков эмоциональной саморегуляции профессионального поведения и деятельности;

умение управлять познавательной деятельностью и мотивацией обучаемых, распознавать их потребности и оказывать им индивидуальную помощь; гибко реагировать на изменения условий деятельности;

умение создавать творческий настрой в научно-исследовательском коллективе и на учебных занятиях;

самоанализ и оценка результатов деятельности;

3) *социально-коммуникативные компетенции*, характеризующие умения и навыки субъекта в построении отношений и взаимодействия с окружающими в поле профессионально обусловленной среды. К ним относятся:

общекультурные умения и навыки общения и взаимодействия;

умение убеждать, понимать других;

ориентация на формирование средств научной дисциплины, морали, этики, мировоззрения, установок на профессионально-личностное развитие у субъектов научно-педагогического процесса;

сформированность личностных позиций в области целей и норм деятельности;

навыки установления эффективных коммуникаций с обучаемыми и коллегами;

дисциплинарная ответственность.

Содержательные аспекты выделенных нами профессиональных компетенций были эмпирически изучены как детерминанты деятельностного уровня профессионализма. Исследовательской процедурой стала экспертная оценка компетентностей представителями вузовской администрации (40 человек) и самими преподавателями (119 человек) по следующим направлениям: владение системой профессиональных умений и навыков, проектирование образовательного процесса, осуществление учебно-педагогического взаимодействия с обучаемыми, осуществление

деятельности по профессионально-личностному развитию. По результатам опроса были выделены группы «успешных» и «неуспешных» преподавателей, а предложенные для оценки компетентности были объединены в три группы – индивидуально-личностные, предметно-деятельностные и социально-коммуникативные.

Исследование показало, что степень выраженности профессиональных компетенций в группе «успешных» преподавателей статистически значимо выше, чем у «неуспешных».

Построение корреляционных матриц как для общего блока профессиональных компетенций, так и отдельно – для групп индивидуально-личностных, предметно-деятельностных и социально-коммуникативных компетенций – позволило выявить высокую интегрированность их структуры (в группах «успешных» и «неуспешных» преподавателей значимые корреляционные связи ($p < 0,05$) составляют соответственно 78,1% и 63,9% от общего числа). При этом группы компетенций тесно коррелируют между собой, а их структура отличается устойчивостью, особенно внутри группы индивидуально-личностных компетенций.

Факторный анализ при четырехфакторном решении позволил выделить параметры профессиональной компетентности преподавателей, образующие факторную структуру с высокими коэффициентами факторных нагрузок и показал различия в структуре детерминантов профессионализма в зависимости от профессиональной успешности личности. Так, высокий уровень профессионализма у «успешных» преподавателей оказался обусловленным:

их направленностью на профессионально-личностное развитие (экспертная оценка компетенций по 10-балльной шкале в среднем по фактору – 8,07);

высоким уровнем проявления научно-исследовательской активности и деятельности по внедрению результатов научного поиска в практическую деятельность (7,98);

ориентацией педагогического взаимодействия на формирование мировоззренческих установок у учащихся на основе собственной четкой гражданской позиции (7,81);

способностью оказывать личностное воздействие на окружающих, формировать у них потребность в самопознании и саморазвитии (7,90).

Пониженный уровень профессиональной компетентности у «неуспешных» преподавателей оказался обусловлен:

невысоким уровнем познавательной и профессионально-личностной активности (3,88);

ориентацией в деятельности на управление педагогическим процессом при слабой развитости умений и навыков творческого, продуктивного взаимодействия с обучаемыми (3,76);

низким уровнем научно-исследовательской активности, недостаточным использованием современных научных знаний в учебном процессе (3,98);

регулятивно-поведенческой некомпетентностью, обусловленной невысоким уровнем развитости процессов произвольной саморегуляции профессионального поведения, особенно при анализе и адекватной оценке результатов как собственной деятельности, так и учебно-познавательной деятельности учащихся (3,94).

Исследование также показало, что в группе «успешных» преподавателей не было выявлено статистически значимых связей между компетенциями и индивидуально-личностными особенностями, но были обнаружены корреляционные связи между компетенциями и некоторыми условиями, выделенными самими преподавателями в качестве значимых для успешного выполнения научно-педагогической деятельности ($p < 0,05$). Так, способность решать различные задачи оказалась связанной с такими компетенциями, как способность к исследованию и разработке научных проблем и инноваций, направленность на повышение психолого-педагогической квалификации, развитость умений и навыков организации процесса обучения на основе единства учебной и научно-исследовательской деятельности обучаемых, использование результатов научного поиска в учебном процессе, умение анализировать и критически оценивать полученные результаты профессиональной деятельности. Креа-

тивность как профессионально важное качество оказалась связанной с высоким уровнем владения специальными знаниями, общекультурными умениями и навыками преподавателя и его умением гибко реагировать на изменение условий совместной деятельности с обучаемыми. Способность к самомотивации обуславливала степень проявления исследовательской активности. Умение устанавливать педагогически целесообразные взаимоотношения с обучаемыми связано с системой внутренних стандартов личности преподавателя, со способностью принимать себя и других.

В группе «неуспешных» преподавателей обнаружались корреляционные связи между профессиональными компетенциями и некоторыми индивидуально-личностными свойствами ($p < 0,05$). Например, степень проявления исследовательской активности оказалась обусловленной общим уровнем саморегуляции и, особенно, регуляторным процессом моделирования. Умение распознавать потребности обучаемых и оказывать им индивидуальную помощь связано со способностью личности к моделированию, с общим уровнем саморегуляции, регуляторной гибкостью и агрессивностью. Способность к обеспечению информационной емкости занятий имеет обратную связь с ригидностью и спонтанностью. Умения и навыки эмоциональной саморегуляции профессионального поведения обратно коррелируют со спонтанностью. Способность видеть общее в поступающей противоречивой информации определяет выраженность таких компетенций, как владение специальными знаниями, осуществление итогового и текущего контроля, общекультурные умения и навыки преподавателя. Креативность определяет умения использовать результаты научного поиска в учебном процессе. Исследование и разработка научных проблем и инноваций связаны со способностью решать задачи.

Таким образом, корреляционный анализ не выявил связей профессиональных компетенций с индивидуально-личностными особенностями в группе «успешных» преподавателей, но обнаружил достоверные связи ($p < 0,05$) между некоторыми компетенциями

и условиями, выделенными самими преподавателями в качестве значимых для успешного выполнения научно-педагогической деятельности. Среди них выделились «способность решать различные задачи» (5 связей), «креативность» (3), «способность к самомотивации», «система внутренних стандартов личности», «способность принимать себя, других и их природу» (по 2 связи).

В группе «неуспешных» преподавателей ряд профессиональных компетенций оказались взаимосвязанными с индивидуально-личностными свойствами – «агрессивностью», «ригидностью» и «спонтанностью», выраженность которых негативно сказывается на проявлении таких компетенций, как «умение распознавать потребности обучаемых и оказывать им индивидуальную помощь», «способность к обеспечению информационной емкости занятий», «умения и навыки эмоциональной саморегуляции профессионального поведения». Кроме того, исследование показало обусловленность профессиональных компетенций «неуспешных» преподавателей общим уровнем саморегуляции и, особенно, регуляторной гибкостью и процессом моделирования.

В целом, исследование профессиональных компетенций преподавателей высшей школы позволило заключить, что высокий уровень их профессионализма обусловлен развитостью:

- а) профессионально-личностных компетенций, характеризующих направленность личности на профессиональное развитие;
- б) научно-исследовательских, обуславливающих высокий уровень проявления научно-исследовательской активности и деятельности по внедрению результатов научного поиска в практику и учебный процесс;
- в) мировоззренческих, проявляющихся в четкой гражданской позиции и ориентации на формирование мировоззренческих и профессионально-этических установок у учащихся;
- г) социально-поведенческих, выражающихся в способности преподавателя оказывать личностное воздействие на обучаемых, формировать у них потребность в самопознании и саморазвитии, проявлять дисципли-

линарную ответственность в профессиональных взаимодействиях.

Развитость профессиональных компетенций преподавателей высшей школы в основном зависит от структуры субъективно значимых для личности условий деятельности, входящих в подсистему профессионально обусловленных свойств. Индивидуально-психические особенности оказывают влияние на выраженность компетенций только в случае недостаточного развития у личности процессов саморегуляции поведения и деятельности.

Примечания

¹ Дружилов С.А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход // Сибирь. Философия. Образование. Новокузнецк, 2005. Вып.8. С.26–44.

² Байденко В. Компетенции в профессиональном образовании (К освоению компетентного подхода) // Высшее образование в России. 2004. №11. С.3–13.

³ Кулоткин Ю.Н. Творческое мышление в профессиональной деятельности учителя // Вопр. психологии. 1986. №2. С.21–30.

⁴ Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М., 1990.

⁵ Розенова М. Профессиональная компетентность и гуманитарные дисциплины // Высшее образование в России. 2004. №11. С.169–170.

⁶ Матяш Н.В. Самовоспитание профессиональной компетентности будущего учителя: Дис. ... канд. пед. наук. Брянск, 1994.

⁷ Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

⁸ Скокк Г.Б., Зотова Е.А., Сурнина Т.Ю. Управление психолого-педагогическим блоком компетенций современного преподавателя университета // Университетское управление: практика и анализ. 2006. №2. С.51–56.

УДК [316.6:159.923]

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И КАРЬЕРНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Т.В. Бескова

Институт социального образования (филиал)
Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: tatbeskova@yandex.ru

В статье приводятся результаты эмпирического исследования по выявлению межфункциональных связей между ценностными ориентациями и карьерными предпочтениями; изучаются структуры ценностных ориентаций учащихся старших классов, проживающих в городской и сельской местностях; выделяются общие и частные системообразующие ценности, а также рассматриваются особенности карьерных ориентаций в данных выборках.

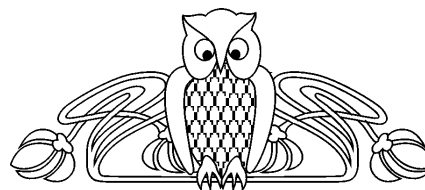
Ключевые слова: ценностные ориентации, структура ценностей, карьера, карьерные ориентации, старший школьный возраст.

Intercommunication of the Value Orientations and the Career Preferences of the Cities' and Countries' Pupils

T.V. Beskova

The article contains the results of empirical research in revealing of inter-functional communications between the value orientations and the career preferences; explores the structures of the value orientations of the seniors, leaving in the cities' and countries' districts; points out the general and the particular system forming values; examines the peculiarities of the career orientations in such excerpts.

Key words: value orientations, the structures of the values, career, career orientations, senior age at school.

В современной ситуации весьма актуальной для социальной психологии становится проблема, связанная с построением субъектом деятельности карьерной стратегии, ведь именно этот процесс позволяет ему в полной мере реализовать свои способности, возможности и потребности. В.А. Чикер подчеркивает, что для любого человека характерны личностная концепция, побуждения, мотивы и ценности, которыми он не может поступиться, осуществляя выбор карьеры. Прошлый жизненный опыт формирует определенную систему ценностных ориентаций, социальных установок по отношению к карьере, поэтому в профессиональном плане субъект деятельности рассматривается и описывается через систему его диспозиций, ценностных ориентаций, социальных установок, интересов и тому подобных социально обусловленных побуждений к деятельности¹.

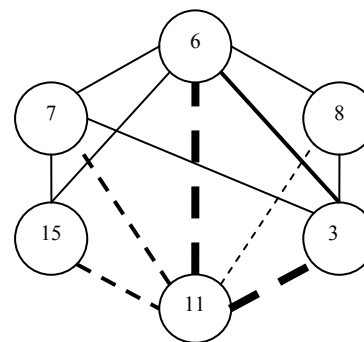
Иерархия карьерных так же, как и ценностных ориентаций формируется у человека на протяжении многих лет. Данные структурные изменения происходят не сразу и зависят от множества макро- и микросоциальных факторов, уровня образования, социально-демографических и от собственно психологических факторов. В диссертационном исследовании О.П. Терновской представлена психологическая составляющая, которая определяет выбор карьерной ориентации, в ней выделяются: адекватная «Я-концепция», личностная зрелость, индивидуальные способности, высокий уровень саморегуляции, гендерные характеристики, мотивация достижения, особенности эмоционально-волевой сферы², но характер влияния структуры ценностей на карьерные ориентации человека не исследуется.

Цель настоящей работы – выявление межфункциональных связей между ценностными ориентациями и карьерными предпочтениями.

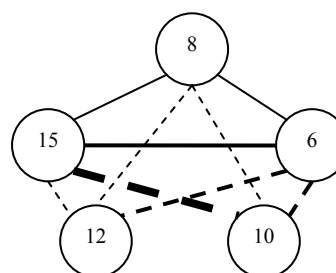
В качестве инструментария использовались методика М. Рокича и опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна. Статистическая обработка результатов исследования производилась при помощи t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа. Выборка состояла из учащихся 11 классов сельских и городских школ. Всего в исследовании приняли участие 127 человек, из них 61 – обучающихся в сельских школах (34 девушки и 27 юношей) и 66 – в городских (39 девушек и 27 юношей).

В структурах ценностей сельских и городских старшеклассников системообразующими являются различные ценности (рис. 1).

Наиболее многочисленная плеяда ценностей обнаруживается у городских школьников. Ядро структуры образуют ценности «любовь» и «продуктивная жизнь», которые имеют по пять статистически значимых связей. Причем ценность «любовь» имеет четыре положительных связи с ценностями: «здоровье» ($r = 0,36$), «материально обеспеченная жизнь» ($r = 0,25$), «наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,3$), «счастливая семейная жизнь» ($r = 0,28$) и лишь одну отрицательную

а) Город

б) Село

Рис. 1. Ядерные компоненты структуры ценностных ориентаций городских и сельских старшеклассников: 3 – здоровье, 6 – любовь, 7 – материально обеспеченная жизнь, 8 – наличие хороших и верных друзей, 10 – познание, 11 – продуктивная жизнь, 12 – развитие, 15 – счастливая семейная жизнь

с ценностью «продуктивная жизнь» ($r = -0,42$). Что касается ценности «продуктивная жизнь», то стоит отметить, что все связи с ней имеют отрицательный характер. Данная ценность коррелирует с ценностями «здоровье» ($r = -0,46$), «любовь» ($r = -0,42$), «материально обеспеченная жизнь» ($r = -0,34$), «наличие хороших и верных друзей» ($r = -0,25$), «счастливая семейная жизнь» ($r = -0,32$).

У сельских старшеклассников также обнаруживается большое число корреляционных связей. Основную их часть составляют ценности «любовь», «наличие хороших и верных друзей», «счастливая семейная жизнь», которые связаны попарно положительной связью. Данные ценности имеют по четыре статистически значимых связи и из них две являются положительными, а две – отрицательными. Отрицательные связи во всех случаях обнаруживаются с ценностями «познание» и «развитие».

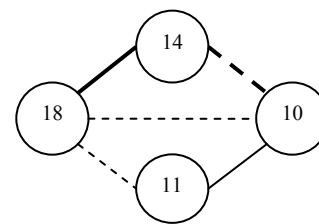
Таким образом, можно констатировать, что в структурах ценностей сельских и городских старшеклассников системообразующими являются как общие («любовь», «наличие хороших и верных друзей», «счастливая семейная жизнь»), так и частные. У городских школьников кроме вышеперечисленных системообразующими являются «здоровье», «материально обеспеченная жизнь» и «продуктивная жизнь», а у сельских – «познание» и «развитие».

Анализ полученных результатов ставит вопрос: имеются ли гендерные особенности в структуре ценностных ориентаций сельских и городских школьников? Чтобы ответить на него, рассмотрим структуры ценностей девушек и юношей, проживающих в городской и сельской местностях (рис. 2).

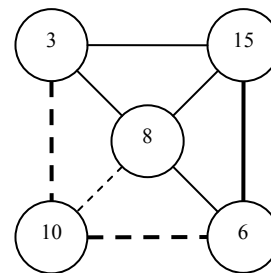
У юношей, проживающих в селе, ценности образуют в основном парные связи, что свидетельствует о слабости структуры и несогласованности ценностей. Выделенные нами ядерные компоненты ценностных ориентаций показывают, что системообразующими в данном случае являются ценности «уверенность в себе» и «познание». Причем положительные связи образуются только в двух парах: «уверенность в себе» – «свобода» и «познание» – «продуктивная жизнь».

Рассматривая структуру терминальных ценностей сельских девушек, мы видим, что ядро ценностной структуры образует ценность «наличие хороших и верных друзей», которая и является венцом плеяды из четырех других: «здоровье», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «познание».

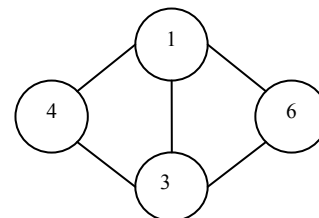
Таким образом, если для девушек-старшеклассниц, проживающих в селе, системообразующими являются ценности межличностных отношений, общечеловеческие ценности личного счастья, то для юношей характерна слабая согласованность ценностной структуры. «Уверенность в себе» у них коррелирует с ценностью «свобода», «познание» – с ценностью «продуктивная жизнь», а между собой эти пары связаны отрицательной связью, т.е. можно предположить, что одна пара ценностей противопоставляется другой.

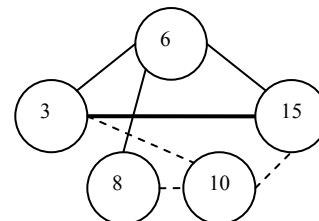
а) Село (юноши)

б) Село (девушки)

в) Город (юноши)

г) Город (девушки)

Рис. 2. Ядерные компоненты структуры ценностных ориентаций сельских и городских юношей и девушек: 1 – активная деятельная жизнь, 3 – здоровье, 4 – интересная работа, 6 – любовь, 8 – наличие хороших и верных друзей, 10 – познание, 11 – продуктивная жизнь, 14 – свобода, 15 – счастливая семейная жизнь, 18 – уверенность в себе

В процессе анализа группы ценностей городских девушек было выявлено, что у них системообразующими выступают те же ценности, что и у сельских сверстниц, с той лишь разницей, что наблюдается меньшее количество связей с ядерной ценностью «наличие хороших и верных друзей», т.е. и в

данном случае ценности межличностных отношений являются определяющими.

Что касается юношей, проживающих в городе, то основная часть корреляций в плеяде приходится на ценности «активная деятельная жизнь» и «здоровье», которые связаны в свою очередь с ценностями «интересная работа» и «любовь». Можно сказать, что ядро структуры занимают два класса ценностей: практические ценности «делового человека» и ценности отношений. Представляется необходимым отметить, что ценность «счастливая семейная жизнь» у городских старшеклассников не имеет ни одной корреляционной связи, тогда как ценность «любовь» является системообразующей.

Таким образом, максимальные различия в структуре ценностных ориентаций выявлены у сельских и городских юношей. Как уже отмечалось, юноши, проживающие в селе, демонстрируют слабо структурированные ценности. Немногочисленные взаимосвязи, образующие ядерные компоненты, являются в основном отрицательными, что в целом затрудняет выявление действительно значимого центра. Совсем иначе обстоит дело со структурой ценностей у городских старшеклассников, «ценностное ядро» которых построено по принципу «прямой значимости».

Анализ рангов ценностных ориентаций позволяет говорить о существовании универсальных ценностей, значимость которых высока во всех рассматриваемых группах. Ими являются ценности «здоровье», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей». Выделяются и общие ценности, находящиеся в «основании» иерархических структур, – «красота природы и искусства», «творчество», «счастье других». В целом в выборках наблюдается небольшое количество различий рангов. Статистически значимые различия рангов обнаружены у ценностей «творчество», «продуктивная жизнь», «свобода» и «уверенность в себе». Первая более значима у сельских юношей, а менее – у сельских девушек. Ценности «продуктивная жизнь» и «свобода» наиболее значимы в выборке городских девушек, а менее значимы у городских юношей. И, наконец, ценность «уверенность в себе» в целом у сельских школьников (неза-

висимо от пола) имеет более высокий ранг, нежели чем у городских.

Далее перейдем к рассмотрению особенностей карьерных ориентаций в выборках сельских и городских старшеклассников. Ранжирование «якорей карьеры» показало, что максимальный показатель как у городских, так и у сельских старшеклассников принадлежит карьерной ориентации «стабильность места жительства». Можно сказать, что школьники в будущем связывают себя с определенным географическим регионом, «пуская корни» в определенном месте, и готовы искать другую работу, если стабильность места жительства ставится под угрозу. Минимальный показатель имеет карьерная ориентация «стабильность места работы». Соответственно, для школьников не является важным поиск работы в такой организации, которая гарантирует определенный срок службы, имеет хорошую репутацию. Таким образом, они готовы взять на себя ответственность за управление карьерой, а не перекладывать ее на работодателя.

Выпускники городских школ ориентированы также на «служение» (8,04). Основными ценностями при данной ориентации являются «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям». Человек, ориентированный таким образом, не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям. У сельских же школьников данная ориентация находится на четвертом месте (6,77), а более предпочтительным для них являются «интеграция стилей жизни» (7,03) и «менеджмент» (6,97). Таким образом, выпускники сельских школ, стремясь к стабильности места жительства, не хотят, чтобы в их жизни доминировала либо семья, либо работа, а предпочитают сбалансированность (данная ориентация в городской выборке находится на третьем месте). Особого внимания заслуживает тот факт, что карьерная ориентация «профессиональная компетентность» занимает лишь предпоследнее место в ранжированных рядах как у городских, так и у сельских выпускников.

Стоит отметить, что показатели всех без исключения карьерных ориентаций у городских школьников выше. Городские старше-

классники статистически значимо превосходят сельских по следующим карьерным ориентациям: «профессиональная компетентность» ($t = 2,64, p < 0,01$), «автономия (независимость)» ($t = 2,51, p < 0,05$), «стабильность места работы» ($t = 2,52, p < 0,05$), «стабильность места жительства» ($t = 2,79, p < 0,01$), «служение» ($t = 3,68, p < 0,001$) и «интеграция стилей жизни» ($t = 2,71, p < 0,01$).

Данные различия имеют и гендерные особенности. Показатели девушек, проживающих в городе, превосходят показатели своих сельских сверстниц лишь по карьерной ориентации «стабильность места жительства» ($t=3,1, p<0,01$). Высокий уровень значимости различий по данной ориентации объясняется ситуацией, сложившейся в российских деревнях. Большинство сельских девушек в настоящее время стремятся «вырваться» из деревни в город, получить образование, найти работу по специальности, выйти замуж, и, ставя перед собой все перечисленные цели, они смену места жительства воспринимают как должное и необходимое.

Показатели юношей, обучающихся в городских школах, более высокие по семи из девяти карьерных ориентаций: «профессиональная компетентность» ($t = 3,78, p < 0,001$), «менеджмент» ($t = 2,15, p < 0,05$), «автономия» ($t = 2,34, p < 0,05$), «стабильность места работы» ($t = 2,8, p < 0,01$), «служение» ($t = 4,81, p < 0,001$), «вызов» ($t = 2,77, p < 0,01$) и «интеграция стилей жизни» ($t = 2,98, p < 0,01$).

Привлекает внимание тот факт, что существуют лишь незначительные различия в выраженности карьерных ориентаций юношей и девушек, проживающих в одной среде (городе или селе). Так, показатели сельских девушек превосходят показатели юношей, живущих в селе только по стремлению к профессиональной компетентности ($t = 2,77, p < 0,01$) и интеграции стилей жизни ($t = 2,09, p < 0,05$). В городской же выборке различий в карьерных ориентациях у юношей и девушек вовсе не обнаружено. Таким образом, различия в выборе карьерных ориентаций в большей степени зависят от условий социализации (в частности среды проживания) и проявляются больше в юношеской выборке.

Корреляционное исследование взаимосвязи ценностных и карьерных ориентаций позволило нам выявить глубинные связи между ними. Для девушек, проживающих в городе, определяющими становятся две ценности: «свобода», которая положительно связана с выбором карьерных ориентаций «профессиональная компетентность» ($0,42, p < 0,01$), «вызов» ($0,47, p < 0,01$), «интеграция стилей жизни» ($0,46, p < 0,01$) и «предпринимательство» ($0,47, p < 0,01$), и «развлечение», имеющая положительную связь с ориентациями «служение» ($0,51, p < 0,001$), «вызов» ($0,32, p < 0,05$), «предпринимательство» ($0,37, p < 0,05$). Необходимо отметить, что структура межфункциональных связей интегрирована, что позволяет говорить об ее устойчивости и целостности. Опираясь на полученные данные, представляется возможным утверждать, что для городских девушек более значимыми с точки зрения будущей карьеры являются их свобода, предполагающая полную самостоятельность, независимость в суждениях и поступках, а также развлечение и отсутствие любых обязанностей.

В выборке юношей, проживающих в городе, структура межфункциональных связей разрозненна и в ней представлены только три парные корреляции, две из которых отрицательные, т.е. в данном случае можно говорить об отсутствии какой-либо структуры.

В группе девушек, проживающих в сельской местности, также имеется большое число лишь парных корреляций, в основном отрицательных. Можно выделить две ценности в качестве значимых для выбора карьерных ориентаций: «творчество» является значимой для карьерной ориентации «стабильность места жительства» ($0,372, p < 0,05$) и «предпринимательство» ($0,4, p < 0,05$); а «уверенность в себе» отрицательно связана с карьерными ориентациями «служение» ($-0,41, p < 0,05$) и «вызов» ($-0,38, p < 0,05$).

В группе сельских юношей определяющей различные виды карьерных ориентаций является ценность «познание». Ее значимость в данной выборке имеет достоверную положительную связь с карьерными ориентациями «менеджмент» ($0,44, p < 0,05$) и «автономия» ($0,43, p < 0,05$), а отрицательную –

с карьерными ориентациями «профессиональная компетентность» ($-0,38, p < 0,05$) и «служение» ($-0,42, p < 0,05$). Еще три ценности можно рассматривать как определяющие для выбора карьерных ориентаций: «интересная работа» положительно связана с «автономией» ($0,4, p < 0,05$) и «интеграцией стилей жизни» ($0,41, p < 0,05$); «продуктивная жизнь» – с «менеджментом» ($0,41, p < 0,05$) и «автономией» ($0,43, p < 0,05$), а «свобода» – с «профессиональной компетентностью» ($0,47, p < 0,05$) и «служением» ($0,59, p < 0,01$). Таким образом, с точки зрения будущей карьеры для сельских юношей являются значимыми *познание*, выражающееся, скорее всего, в желании получить высшее образование; *максимальное использование своих возможностей* как в жизни вообще, так и при построении своей карьеры, и что немаловажно – *свобода*, выражающаяся в желании быть самостоятельными и не зависеть от родителей.

Таким образом, в рассматриваемых группах одинаковые карьерные ориентации имеют связи с различными ценностями. В этом и могут проявляться дифференцирующие признаки при построении карьеры юношами и девушками, проживающими в сельской и городской местностях.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

структуры ценностей у представителей городской и сельской молодежи имеют различия по критериям содержания, тесноты и объема. Ядерные компоненты включают как общие, так и частные ценности. К общим относятся «любовь», «наличие хороших и верных друзей», «счастливая семейная жизнь». У городских школьников системообразующими являются также ценности «здоровье», «материально обеспеченная жизнь» и «продуктивная жизнь», а у сельских – «познание» и «развитие»;

максимальные различия в структуре ценностей выявлены у сельских и городских юношей. Юноши, проживающие в селе, демонстрируют слабо структурированные ценностные ориентации. У городских старше-

классников ядро структуры занимают два класса ценностей: практические ценности «делового человека» и отношений. У девушек, проживающих в городе, системообразующими являются те же ценности, что и у сельских;

универсальными ценностями, значимость которых высока во всех группах, являются «здоровье», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей». Значимые различия рангов обнаруживаются по отношению к ценностям «творчество», «продуктивная жизнь», «свобода» и «уверенность в себе»;

средний балл карьерных ориентаций «профессиональная компетентность», «автономия», «стабильность места работы», «стабильность места жительства», «служение» и «интеграция стилей жизни» у городских школьников статистически значимо выше, чем у сельских;

различия в выборе карьерных ориентаций в большей степени зависят от условий социализации (в частности, среды проживания) и сильнее проявляются в юношеской выборке. Гендерный аспект в выборе карьерных ориентаций для старшеклассников, проживающих в одной среде, имеет меньшее значение;

в рассматриваемых группах одинаковые карьерные ориентации имеют связи с различными ценностями: у городских девушек системными факторами карьеры являются ценности «свобода» и «развлечения»; у сельских девушек – «творчество» и «уверенность в себе»; у сельских юношей – «познание», «интересная работа», «продуктивная жизнь» и «свобода»; в выборке юношей, проживающих в городе, структура межфункциональных связей разрознена.

Примечания

¹ Чикер В.А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб., 2004. С.86.

² Терновская О.П. Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе вузовского обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. С.10.

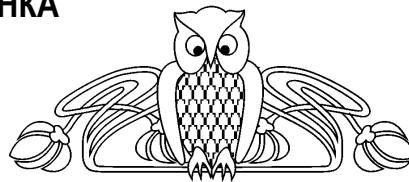

УДК 373.2

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗА «Я» РЕБЕНКА В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

М.В. Корепанова

Волгоградский педагогический университет
E-mail mariko57@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы развития у ребенка-дошкольника образа Я. Потребность в познании себя является одной из фундаментальных для человека. Это знание создает основу, фундамент для запуска механизмов саморазвития и самореализации. На основе анализа исследований отечественных и зарубежных психологов образ Я рассматривается в статье как стержневой компонент в структуре личности. Подчеркивается, что необходимыми условиями его формирования в дошкольном возрасте являются общение и деятельность.

Ключевые слова: образ Я, самосознание, самопознание, чувствительность, внутренний мир ребенка, общение, идентификация, социализация, возрастные новообразования.

The Peculiarities of the «I-Image» Development of the Child in His Preschool Age

М.В. Корепанова

The issues of the development of the «I-image» of the child in his preschool age are being considered in this article. The demand of the self awareness is considered to be one of the fundamental demands of the human being. This knowledge constructs the basis, the foundation for launching the self-development and self-realization mechanisms. Based on the analyses of the Russian and foreign psychologists' researches the «I-image» is considered as the bar component in the structure of the personality. It is emphasized that communication and activity are the necessary conditions of its formation in the preschool age.

Key words: I-image, self-awareness, self-conscious, child's interworld, association, identification, socialization, newformations of different ages.

В настоящее время понятие «образ Я» стало неотъемлемой частью наших взглядов на развитие человека и его место в жизни. Тем не менее эта категория до сих пор не обрела своего места в системе других, не имеет своего строго определенного содержания, для нее характерна размытая множественность интерпретаций.

Господствующей концептуально-мировоззренческой основой всего многообразия научных представлений о развитии образа Я личности (Я-концепции) провозглашается возрастной принцип. Появление и накопление человеком новых знаний о себе происходит на протяжении всей его жизни. При-

чем каждый возрастной этап характеризуется появлением свойственных именно ему определенных жизненных новообразований. Это – процесс прогрессирующих изменений некоей системы (ее созревание, дифференциация, усложнение, совершенствование) под воздействием внешних и внутренних условий, сохраняющей в главном и до определенного уровня свою самоидентичность. Всякое кардинальное её изменение предполагает переход на другой уровень организации и новый уровень самоидентичности.

Сложившиеся в научном знании направления исследования проблемы развития образа Я личности базируются на определенных философских концепциях происхождения, развития и становления человека. Их осмысление позволяет констатировать многообразие форм и способов самопознания, характеризующих человека с точки зрения природного, социокультурного и духовного индивида одновременно. В качестве ведущего положения, определяющего исследовательскую позицию, нами рассматриваются идеи гуманистической философии, признающей человека активным творцом собственного Я, субъектом, несущим в себе самореализующее начало. В ее рамках становление образа Я предполагает наличие у человека не просто сознания, а самосознания, трансформируемого по мере развития в жизненную позицию.

Анализ психологических работ отечественных и зарубежных исследователей выявил неоднозначность трактовок в определении образа Я. Среди наиболее часто используемых такие генетически родственные термины как «самосознание», «самопознание», «самоотношение», «самооценка», «Я», «Я-концепция», «идентичность». Хотя все они взаимосвязаны, их соотношение и значимость у разных авторов неодинаковы.

В зарубежной гуманистической психологии в качестве основного определения «Я-концепции», «образа Я» рассматривается совокупность представлений индивида о себе. Она формируется в процессе взаимоотношений человека с другими людьми, имеет тенденцию к изменению в результате приобретения нового опыта (К. Роджерс, Р. Бернс, Т. Шибутани), возрастных новообразований (Г. Олпорт, Б.Ф. Скиннер, Э. Эриксон).

В отечественной психологии образ Я соотносится с понятием «личность». Одними исследователями выдвигается и обосновывается тезис об образе Я как компоненте в структуре личности (А.Г. Ковалев, К.К. Платонов, В.Н. Мясищев); другие (С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, В.А. Петровский) полагают, что образ Я – это личность в целом.

Многообразие точек зрения на сущность и структуру образа Я позволило сформулировать второе положение в разработке научной концепции: образ себя является центральным звеном в целостной структуре личности, имеет сложную архитектуру, в которой есть центральное, или ядерное, образование, на него накладываются новые впечатления и сведения, приобретаемые индивидом. Кроме того, существует «периферия», ассимилирующая новые сведения человека о себе. На «периферию» поступают, главным образом, конкретные, частные знания, источником которых является деятельность и общение личности. Они преломляются через призму центрального образования, эмоционально-оценочную сферу и выражаются в самопредставлении, самосознании и самоотношении. Следовательно, сложная архитектура образа Я обуславливает его динамизм и постоянное развитие, которое не сводится к накоплению новых деталей, а ведет к перестройке, качественному преобразованию всего образа в целом.

Следуя философско-психологическим воззрениям на сущность «Я», представленную знаниями человека о себе и его способностью к осмыслению себя и своей роли в отношениях с миром в целом и отдельными индивидами, а также учитывая отраженный характер процесса самопознания, мы рас-

сматриваем образ Я ребенка как стержневой компонент личности, включающий совокупность развивающихся представлений ребенка о себе, сопряженную с их самооценкой и определяющую выбор способов взаимодействия с социумом.

Закономерность процесса самопознания выражается в том, что человек познает себя теми же путями, что и объективный мир: его деятельность направлена на приобретение и обогащение знаний не только об окружающем, но и, прежде всего, о самом себе, своих возможностях, потребностях. Основы этих знаний наиболее продуктивно осваиваются личностью в онтогенезе, периоде, характеризующимся сензитивностью и открытостью миру. Самосознание в онтогенетическом плане можно рассматривать как постепенно развертывающийся во времени интегративный психический процесс, в основе которого лежит все более усложняющаяся деятельность самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе и способность регулировать свое поведение. Тезис о сензитивности периода дошкольного детства как благоприятного и открытого для самопознания выдвигается нами в качестве третьего положения концепции образа Я.

Анализ современных теорий и концепций дошкольного образования позволяет констатировать, что разработка проблемы становления образа Я ребенка в педагогической науке и практике получила свое развитие сравнительно недавно. Долгое время главным ориентиром и критерием успешности педагогической работы с ребенком была мера продвинутости его в знаниях, умениях, навыках, которые должны пригодиться потом, на этапе школьного обучения. Однако социальные процессы, происходящие в современном обществе, создают предпосылки для выработки новых целей образования, центром которого становится личность и ее внутренний мир. Базисные основы, определяющие успешность личностного становления и развития, закладываются в дошкольном детстве. Этот самоценный период жизни делает детей полноценными личностями и в данный момент, и в будущем рождает такие качества, которые помогают человеку опре-

делиться в жизни, найти в ней свое достойное место. Необходимо отметить, что наряду со знаниевым подходом характерной особенностью образования дошкольников выступала его ярко выраженная социальная направленность. Воспитывая с ранних лет в ребенке коллективиста, мы тем самым пытались противостоять естественным процессам вызревания психики, концентрации сознания ребенка на собственных нуждах и потребностях. Противоречия между биологическим и социальным началами в человеке порождают движущие силы для его развития. По мере освоения человеком социальной действительности, накопления социального опыта происходит становление его субъектности.

На ранних онтогенетических этапах приоритетной целью развития ребенка является становление его самости. Дети по своей природе эгоцентристы, и не учитывать это в воспитании нельзя. Результатом противодействия природной сути ребенка может стать ее подавление, но не изменение, поэтому педагог должен строить воспитательный процесс не вопреки возрастным особенностям детей, а с их учетом. Это понимание в определенной мере и явилось предпосылкой для развития у ребенка представления о себе, своем сущностном Я.

Теоретические исследования и практический опыт показывают, что положительное отношение к себе не только не препятствует положительному отношению к другим людям, но и является его необходимым условием. Только в человеке с развитым самоуважением оптимально выражены вера в свои силы и возможности, доверие к себе и миру, независимость, честное отношение к себе, стремление к искренности в проявлении своих чувств. Одновременно у такого ребенка менее выражены страх и тревожность, боязнь неуспеха, негативные оценки, чувство вины, ощущение себя пренебрегаемым, незащищенным. Открытие внутреннего мира в себе приводит ребенка к осознанию и принятию внутреннего мира в других людях. Известный отечественный психолог Д.И. Фельдштейн указывает, что в дошкольном возрасте ребенок осваивает две важные позиции. В первой, где акцент делается на себя, отражается

стремление ребенка понять свое Я – что такое Я и что я могу делать. Вторая касается осознания себя субъектом общественных отношений¹. Научившись видеть в себе индивидуальность, распознавать свои чувства и состояния, ребенок окажется способным с пониманием и уважением относиться к окружающим. Чтобы воспринимать другого человека как безусловную ценность, как уникальную личность, необходимо, прежде всего, принимать так самого себя².

Развитие образа Я – это отраженный процесс. С.Л. Рубинштейн утверждал, что человек осознает свою самость лишь через отношения с окружающими его людьми. Задачи познания окружающего мира и познания себя должны решаться в дошкольном возрасте, взаимодополняя и взаимообогащая друг друга³. В соответствии с этим подходом изменения, происходящие во внутреннем мире ребенка, служат главными ориентирами в педагогической деятельности. Самость как отражение внутреннего плана развития личности, прежде всего психофизического, характеризует глубину индивидуальности. Она обуславливает развитие личности от элементарных моментов ее жизнедеятельности до сложных психических состояний, которые осуществляются с помощью самопознания, саморегуляции и самоорганизации.

Целостное развитие образа Я ребенка мы видим в условиях, создающих прецедент межличностного общения со взрослым. Выступая по отношению к ребенку носителем социального опыта, взрослый включает дошкольника в пространство общения. Гуманное отношение к ребенку выражается в принятии его как полноправного субъекта. Собственная активность ребенка есть необходимое условие процесса самопознания. Особенности понимания ребенком своих личностных качеств обусловлены не только оценочным отношением к нему взрослых, но и внутренними детерминантами, следствием которых является формирование личностной рефлексии. Уже в дошкольном возрасте, по мнению многих отечественных и зарубежных психологов, развивается такой механизм социальной перцепции, как эмпатия. Ребенок приобщается к переживаниям других людей,

накапливая и обобщая опыт взаимодействия, что позволяет ему на определенном этапе воспринимать другого человека как обособленного индивида и представлять мир переживаний другого как отличный от его собственного. Умение встать на позицию другого развивается у него в процессе направленного формирования взрослыми просоциальной мотивации.

Именно в дошкольный период происходит зарождение и развитие способности к пониманию своей личности, которая включает не только умение оценивать свои личностные качества, но и предположить, что думают и как оценивают его окружающие. Общение со взрослым является для ребенка, во-первых, источником не сравнимых ни с чем другим ярких, изменчивых и лично адресованных ему воздействий, без которых он может испытывать недостаток впечатлений.

Во-вторых, это путь обогащения когнитивного опыта. Общение со взрослым дает возможность открыть для себя радость взаимопонимания, удовлетворение от сопереживания, от чувства общности, совпадения своих мнений и оценок со взглядами взрослого.

В-третьих, в общении взрослый подкрепляет усилия ребенка, поддерживает и корректирует их. Можно сказать, что значимый для ребенка взрослый своим одобрением подкрепляет его успешные действия, способствует их закреплению, а упрек взрослого играет для него роль дифференцированного, отрицательного сигнала и ведет к тому, что он отказывается от неодобряемого действия, затормаживает его. В-четвертых, ребенок в контактах с взрослым наблюдает его деятельность и черпает в ней образцы для подражания. Взаимодействие с педагогом способствует формированию у дошкольника опыта общения со взрослым миром.

Общение ребенка со сверстниками выполняет приоритетную роль в процессе идентификации. Реализуемое в пространстве детской субкультуры, оно представляет особое психологическое пространство, внутри которого ребенок приобретает «социальную компетентность в группе равных»⁴. Исследования подтвердили, что ребенок особенно чувствителен к разным признакам отношения к

себе со стороны других детей. В общении возникает феномен «невидимого зеркала»: в сверстнике дошкольник видит себя и видит преимущественно положительно. Позже, на шестом году жизни, он начинает видеть и сверстников, но, прежде всего, недостатки последних. Такая особенность восприятия сочетается с пристальным интересом ко всем их действиям, поступкам, оценкам. Это в значительной мере усиливает потребность ребенка в самопознании. В детском сообществе дошкольник обретает позицию субъекта, включаясь в разнообразные виды деятельности и общения со сверстниками.

Особенностью самопознавательной деятельности является стремление ребенка «объективироваться» в отношении самого себя, т.е. выступить в качестве предмета самопознания, с одной стороны, с другой – субъекта, исследователя собственной самости. Такой характер позиционирования помогает глубже осознать собственную уникальность, понять и признать уникальность другого. Важным мотивом общения старших дошкольников выступает потребность в признании и уважении сверстников. При проведении исследовательской работы нами было замечено, что чем старше становится ребенок, тем настойчивей он пытается выступать как самостоятельный и дееспособный субъект. Но, даже стремясь быть независимым, ребенок нуждается в позитивной поддержке со стороны и сверстников, и взрослых. Взрослый выступает для него в качестве важнейшего ориентира в выборе способов построения отношений с социумом. В основе общения со взрослым лежит потребность в эмоциональной поддержке. Понимание и рефлексивная оценка своих чувств и состояний позволяет дошкольнику с уважением и терпимостью относиться к внутреннему миру других детей, строить с ними конструктивные отношения. Таким образом, опыт отношений со взрослыми и сверстниками обретает для ребенка личностный смысл, так как его содержательную основу составляет процесс познания себя.

В выделении приоритетов на разных уровнях формирования образа Я мы руководствовались, прежде всего, положением о

возрастных психологических новообразованиях, роли предметной деятельности, которая создает базу продуктивного взаимодействия с социальным окружением.

Совокупность опыта отношений ребенка со взрослыми и другими детьми, подкрепленного участием в совместных видах деятельности, составляет специфический вид опыта, который трактуется нами как опыт самопознания. Значение самопознания становится все сложнее и глубже по мере того, как обогащается душевная жизнь ребенка, расширяются его связи с миром и раскрываются все новые его способности.

Однако, как свидетельствует практика, формирование опыта самопознания во многих случаях малопродуктивно. Содержание общения взрослого с ребенком ориентировано, в основном, на уточнение его физического состояния, уровень удовлетворения физиологических потребностей, хотя в дошкольном детстве ребенок нуждается во взаимодействии другого уровня – личностном, когда предметом обсуждения выступают эмоциональные состояния и проблемы поиска своего места в социуме. Вербализация чувственного восприятия происходит раньше и легче, чем вербализация чувств, что является закономерным явлением в младшем дошкольном возрасте. Однако, по нашим наблюдениям и результатам исследований, даже к концу дошкольного возраста многие дети испытывают серьезные трудности в описании своих чувств и переживаний. Основной причиной является недостаточный опыт ребенка в чувственной сфере. Это не является парадоксальным фактом, так как физический дискомфорт ребенка всегда находит ответную реакцию у взрослого, стремящегося избавить ребенка от неприятных ощущений. На состояние психологического дискомфорта, выражающегося обычно в негативном поведении, взрослые реагируют иначе. Если в первом случае усилия родителей, воспитателей направлены на облегчение состояния ребенка путем выяснения источника физической боли, то во втором случае отношение к ребенку строится адекватно наблюдаемой реакции: капризы и упрямство расцениваются как нарушение дисциплины.

Дошкольнику трудно объяснить свое эмоционально-психологическое состояние в силу возрастных особенностей. Воспитатель в большинстве случаев не способен вести с ребенком диалог по поводу его переживаний.

В связи с этим актуальна идея развития образа Я дошкольника на основе ситуаций, проектируемых в педагогическом пространстве дошкольного учреждения и учитывающих возрастные новообразования ребенка при переходе от проективного (отраженного) представления о себе к личностному уровню образа Я. Каждый из этих уровней имеет свою непреходящую ценность и должен получить свое полное развитие, чтобы стать основанием, базисом для последующего становления личности. Осознание этого дает возможность учитывать приобретаемые уровневые новообразования ребенка при моделировании ситуаций общения и совместной деятельности.

Таким образом, уровни развития образа Я дошкольника являются базовыми основаниями для развития гармоничной личности. Содержательно это означает, что на определенном уровне развития образа Я ребенка требуется специфическая, адекватная его опыту, организация воспитания как процесса формирования потребностей в творческом самопознании, эмоционально-ценностном отношении к себе, а также трансляции своего позитивного образа Я на отношения со взрослыми и сверстниками. Такой подход базируется на следующих принципах:

1) значимость сензитивных периодов развития, т.е. периодов, наиболее пригодных для осознания, усвоения знаний о себе и реализации их в построении отношений со взрослыми, сверстниками;

2) взаимодействие взрослых и детей как движущая сила развития ребенка;

3) амплификация (расширение) детского развития в детской субкультуре как условие свободного поиска и нахождения ребенком себя в той или иной деятельности и общении;

4) опыт самопознания как компонент содержания образования, направленный на развитие образа Я дошкольников.

Специально подчеркнем значение переживаний в развитии у дошкольника образа Я.

Л.С. Выготский указывал на то, что ребенка как активного участника социальной жизни невозможно познать лишь за счет изучения чисто внешних условий и обстоятельств его жизни, так как они почти не меняются в течение детства. Поэтому гораздо важнее анализировать внутренний план отражения этой среды и обстоятельств жизни. Но для этого необходим, с его точки зрения, поиск «ведущих единиц», в которых были бы отражены свойства единства личности ребенка и среды. «Переживания ребенка и есть такая простейшая единица, относительно которой нельзя сказать, что она собой представляет – средовое влияние на ребенка или его особенность. Переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности»⁵.

Потребность в познании себя является одной из фундаментальных для человека. Это знание создает основу, фундамент для запуска механизмов саморазвития и самореализации. Очевидно значение научного осмысления формирования образа Я личнос-

ти как управляемого процесса, позволяющего ребенку успешно преодолеть психологический переход от эгоцентризма к децентрации. Способность к децентрации и рефлексии важна для полноценного становления образа Я. Рефлексия усиливает самоконтроль и делает более возможным приспособление к социально разделяемой системе моральных правил. Замена внешнего контроля на внутренний дает ребенку большую самостоятельность, учит видеть мир с точки зрения другого человека.

Примечания

¹ См.: *Фельдштейн Д.И.* Социальное развитие в пространстве-времени детства. М., 1997.

² См.: *Галигузова Л.Н., Смирнова Е.О.* Ступени общения: от года до шести. М., 1996.

³ См.: *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1998.

⁴ См.: *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.; Воронеж, 1999.

⁵ См.: *Выготский Л.С.* Развитие личности и мировоззрение ребенка // *Выготский Л.С.* Психология личности: В 2 т. Самара, 1999. Т.2.

УДК 316.61

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ

А.Ф. Пантелеев

Саратовский государственный университет
E-mail: AFP45@mail.ru

В статье изложены результаты сравнения двух проведенных с интервалом в 21 год (1985 и 2006 гг.) исследований восприятия изображений неопределенной формы. Полученные данные свидетельствуют о характерных изменениях психологии на перцептивном уровне, которые автор связывает с социально-экономическими переменами в России и рассматривает как эмпирическое подтверждение концепции Л.С. Выготского.

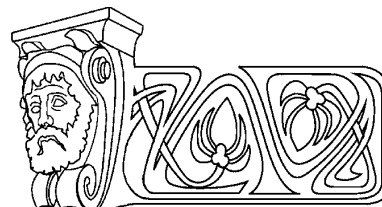
Ключевые слова: концепция Л.С. Выготского, перцепция, социально-экономические изменения.

Temporal Aspect of Perception

A.F. Panteleev

The article includes the comparative results of 2 researches at 21-year interval (1985 and 2006) on getting a perception of a vague picture. The results proved the existence of typical changes in psychology at the stage of perception that were connected with the social and economic reforms, taken place in Russia, and were considered by the author to be the empirical confirmations of L.S. Vygotsky's concept.

Key words: L.S. Vygotsky's concept, perception, social and economic reforms.

Проблема исторического развития психики была и остается одной из актуальных. В отечественной психологии она разрабатывалась в основном в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и нашла свое продолжение в трудах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.Г. Асмолова и других. Одно из положений этой концепции заключается в том, что социальная среда оказывает перво-степенное влияние на развитие психики человека, изменения социальной среды создают условия для изменения психики. По мнению А.Р. Лурия, исторически складывающиеся формы психической жизни человека испытывают все большее влияние со стороны общественной практики, «опосредуются системой орудий, с помощью которых чело-

век воздействует на среду, и вещей, которые являются продуктом жизни прежних поколений»¹.

С.Л. Рубинштейн² утверждал, что человеческое восприятие исторично и на данной ступени развития вырастает на основе опосредования его всей прошлой общественной практикой, которая направляет и формирует восприятие, и констатировал зависимость образа рецепции от образа действия. Последнее и выступает в виде зависимости специфически человеческого восприятия и его развития от развития общественной практики.

Б.Г. Ананьев, обсуждая проблему исторического развития психики, отметил: «объективное, социально-экономическое различие между событиями в ходе исторического развития определяет различия между поколениями людей, живущих в одной и той же общественной среде, но проходивших и проходящих одну и ту же возрастную фазу в изменяющихся обстоятельствах общественного развития»³.

Требование учета всех обстоятельств жизни, обуславливающих перцептивный процесс, остается необходимым при изучении восприятия и в настоящее время. К примеру, в работах В.А. Барабанщикова⁴, В.Н. Носулленко оно выступает как необходимость внимания к «экологичности» объекта восприятия.

Одним из важных каналов воздействия общественной практики на психику является культура как совокупность материальных и духовных достижений, накопленных обществом и служащих его дальнейшему прогрессу.

Л.Н. Гумилев подметил важное в психологическом смысле свойство культуры – поддержку её существования действием: «Культура существует, но не живет, ибо без введения в нее творческой энергии людей она может либо сохраняться, либо разрушаться. Но эта “нежить” влияет на сознание своих создателей, лепит из него причудливые формы и затем штампует их до тех пор, пока потомки не перестают ее воспринимать»⁵.

Основными исторически сложившимися средствами передачи опыта от одного поколения к другому служат воспитание и обучение. Заботу о содержании сознания человека

в России в разные исторические эпохи брали на себя государство, церковь, в советское время – политическая партия. М.К. Мамардашвили в связи с проблемой формирования «нового человека» отметил, что при ее решении кто-то другой знает, что человеку хорошо, а что – плохо, «и этот “знающий” может перенести свое знание решительными действиями в жизнь другого, кроить и перекраивать её»⁶. Критически относящийся к формированию «нового человека» и отстаивающий «человека психологического», В.П. Зинченко отметил, что в послереволюционной России «заместившая сознание идеология формировала не “нового человека” по М. Горькому, а “серого человека” по М. Зощенко»⁷. Тем не менее проекты идеологического воздействия на сознание постоянно обновляются и в той или иной мере реализуются. Характерными признаками этого в настоящем служат доминирование идеологии одной политической партии, стимулированное государством расширение зоны влияния церкви, организационные предпосылки в виде разного рода ограничений в избирательном законодательстве и другие. В то же время период замены одной идеологической системы другой, имевший место в 1990-е гг., создал условия «идеологического безвременья», своеобразного вакуума, быстро заполненного ценностями общества потребления, массовой культуры.

Изменения социально-экономических условий жизни инициируют изменения в культурной жизни, системе ценностей, в итоге – изменения в рамках модальной (по Р.Ф. Бенедикт) личности. Понятие модальной личности использовано нами вне связи с решением задачи межэтнических различий, а в качестве фундаментального свидетельства воздействия социальных условий жизни на личность в целом. При этом нужно учесть работы Т. Шварца⁸ о «распределительной модели культуры», отражающей неравномерность в распределении культуры среди населения.

Культура, рассмотренная как условие социального взаимодействия, становясь достоянием субъекта, оказывает влияние на сознание и тем самым создает условия для ког-

нитивных изменений личности. Психологический механизм этих изменений, на наш взгляд, связан с двумя существенными моментами в познании. Первый из них заключен в способности человека к раскрытию все новых свойств и особенностей познаваемого объекта, второй – в коллективном характере познания.

В опубликованных в 2001 г. материалах бесед Ж. Пиаже с Ж. Брангье Пиаже заметил: «Объект, в который мы верим и которым можем овладеть, есть лишь то, что представлено в сознании и интегрируется интеллектом субъекта <...> Вы всегда приближаетесь и никогда не достигаете объекта потому, что для того, чтобы достичь его, вы обязательно должны схватить бесконечное число его свойств...»⁹.

Второй связан с социальным характером познания. Например, А.А. Митькин, излагая свою позицию по проблеме субъектности, отмечает её связь с решением социальных задач: «"Мыслящий субъект" никогда не мыслит строго индивидуально, изолированно <...> Его мыслительный процесс фактически всегда включен в совместный интеллектуальный анализ»¹⁰.

Н.Д. Павлова¹¹ при исследовании понимания предвыборных выступлений политиков столкнулась с тем, что респонденты (ими были студенты) часто отражали в своих отчетах то, что не наличествовало в выступлении политика. Они называли как воспринятые ими интенции, которых не было в реальном политическом дискурсе: стремление к личной выгоде, желание скрыть от избирателей личные мотивы, стремление победить на выборах.

В реальности подобной атрибуции мы убедились, например, в ходе проведенной нами в сентябре 2008 г. фокус-группы в г. Ртищево Саратовской области. При ведении группы был затронут вопрос об отношении к власти разного уровня. Основные претензии участников были обращены к местной власти: «Всё в свои ручки-то местная власть к себе гребет. Областная им что-то там надает, а они все жим-жим себе», «Слабый контроль верхов», «Местная власть организывает все под себя», «У нас если к власти придет

человек, не угодный Санинскому (А.П. Санинский – руководитель района), он работать здесь не будет. Он уберет депутата», «Санинский здесь непререкаемый авторитет», «Деньги он миллиардами ворочает. Авторитет!». Все попытки модератора найти объективные основания оценки оказались нерезультативными. Участники группы руководствовались генерализованными представлениями о местной власти, возникшими, судя по содержанию, в постсоветское время.

Раскрытие новых сторон и свойств объекта инициируется реалиями новой культуры, в частности или/и изменением социальной ситуации жизни и развития в целом. Ранее скрытые от восприятия стороны познаваемого оказываются доступными и даже доминирующими, что, на наш взгляд, нуждается в эмпирическом подтверждении. Постановка прямого эксперимента в данном случае невозможна, так как нельзя рандомизировать условия эксперимента из-за необходимости включения в число испытуемых людей одного и того же возраста, этнической, историко-культурной и региональной принадлежности, жизненный путь и формирование личности которых при этом одновременно проходил в разных социально-экономических ситуациях.

Исследовательской целью данной работы послужило сравнение особенностей восприятия молодых людей, формирование личности которых проходило в принципиально разных социально-экономических условиях. Обращение к восприятию как объекту исследования обусловлено относительной независимостью результатов перцепции от непосредственного влияния социально-нормативной базы. Актуальность исследования состоит в необходимости пополнения экспериментальных данных, подтверждающих положение культурно-исторической концепции.

Логика исследования заключалась в сравнении результатов двух одинаковых практически по всем параметрам исследований восприятия, проведенных с разрывом в 21 год – в 1985 и в 2006 г., испытуемыми в обоих случаях были студенты физфака СГУ (возраст – 20–21 год, 200 испытуемых), не просто принадлежавшие к разным поколениям, а сформировавшиеся как личности в

принципиально различных социально-экономических условиях. Стимульный материал – 147 карточек одного размера с монохромными контурными неопределенными (не изображающими конкретный предмет) изображениями (подготовлен с учетом работы Е.Ю. Артемьевой)¹². Отбор стимульного материала был произведен из более чем 1000 изображений, которые были сделаны 300 студентами физического факультета СГУ в 1984 г. с инструкцией сделать одноцветный рисунок замкнутого контурного характера, без штриховки и полутонов, не изображая конкретный объект.

Цель исследований – выявить различия в оценке изображений неопределенной формы у испытуемых, относящихся к разным поколениям. В 2006 г. были воссозданы внешние условия исследования 1985 г.

Выбор специальности, по которой обучались испытуемые, обусловлен тем, что представленность в учебном плане факультета обществоведческих дисциплин значительно меньше, чем на гуманитарных факультетах, учебные и профессиональные интересы студентов, как правило, мало связаны с политикой, идеологией.

При разработке методики учитывались представления Л. Заде¹³ о нечетких множествах. По мнению Л. Заде, введение лингвистической переменной дает возможность эффективного отображения неточностей и неопределенностей реального мира. В нашем случае детальная измерительная процедура породила бы обилие значений зависимой переменной, не связанных столь же определенно с результатами восприятия настолько, насколько субъективный образ неопределенного по форме изображения связан с воспринимаемым.

Инструкция испытуемому: «Какие из данных изображений, на Ваш взгляд, являются приятными, а какие – неприятными?». Карточки предъявлялись в случайной последовательности.

Для краткости дальнейшего изложения исследование 1985 г. далее будет называться первым, 2006 г. – вторым. В проведении второго исследования принимала участие О.В. Захаренко. По результатам оценивания

по выборке в целом каждое изображение было классифицировано как «хорошее» (если положительные оценки доминировали над отрицательными), «плохое» (если преобладали отрицательные оценки) или «нейтральное» (при равном количестве положительных и отрицательных оценок).

Во втором исследовании из 147 изображений «хорошими» оказались 65 (44%), «плохими» – 79 (54%), «нейтральными» – всего 3 (2%), в первом исследовании: «хорошие» изображения – 31 из 147 (21%), «плохие» – 112 (77%), «нейтральные» – 3 (2%). Налицо значительное увеличение числа положительных оценок во втором исследовании по сравнению с первым.

Далее, приписав каждому случаю положительной оценки весовой коэффициент, равный единице, отрицательной – 0, получим возможность измерить степень приятности изображений X . Для «хороших» изображений $X > 50$ (при $X \geq 75$ – «очень хорошие»), для «плохих» изображений $X < 50$ (при $X < 25$ – «очень плохие»), для «нейтральных» – $X = 50$.

Так, во втором исследовании из 65 «хороших» изображений «очень хорошими» оказались 12, из 79 «плохих» изображений – 8 «очень плохих». В первом исследовании «очень плохих» изображений оказалось 54 (т.е. почти в 7 раз больше, чем во втором исследовании).

Характерно, что «очень хороших» изображений ($X \geq 75$) в первом исследовании не оказалось вовсе. Однако большинство изображений, получивших статус «очень хороших» во втором исследовании, и в первом были оценены сравнительно высоко ($X \geq 60$). Во втором исследовании, по сравнению с первым, оценка 38 изображений изменилась с отрицательной на положительную, с положительной на отрицательную – всего двух.

Особый интерес представляют изображения, оценки которых во втором исследовании отличаются от оценок, которые наблюдались в первом исследовании не более чем на 5 (т.е. обе группы испытуемых оценили их приблизительно одинаково). Таковых оказалось 20, и в их числе всего 7 «хороших» изображений, причем ни одного «очень хо-

рошего», остальные 13 – «плохие» (в частности, 5 изображений из 8 «очень плохих»). Т.е. представление о том, какое изображение является «плохим», оказывается более четким и устойчивым, чем то, какое является «хорошим».

Эмоциональное оценивание, по мнению Е.Ю. Артемьевой, проходит две стадии, на первой из которых выясняется отношение субъекта и объекта, на второй стадии происходит поаспектное анализирование объекта классифицирующими системами. М.Б. Арнольд¹⁴, которая ввела понятие оценки в академическую психологию, показала, что интуитивная спонтанная оценка подкрепляется у взрослых продуманным ценностным суждением. В связи со сказанным эмоциональное оценивание не может быть сведено к отношению субъекта и объекта и имеет две стороны, одна из которых связана с рациональным компонентом. Рациональное суждение возможно лишь по отношению к реальному или виртуальному объекту, в этом случае оно становится именно суждением. Если неопределенный объект обозначается, то выявление соотношения между степенью сходства неопределенного по исходному замыслу изображения с конкретным предметом, с одной стороны, и его эмоциональной оценкой – с другой открывает возможность получения сведений о причинах тех различий, которые нам удалось выявить при сравнении результатов двух исследований. Следует отметить, что при исследовании 1985 г. наблюдалось, что большинство «очень хороших» изображений вызывают выраженную ассоциацию (сходство) с каким-либо предметом. Для эмпирической проверки этого наблюдения было проведено дополнительное исследование, при котором те же изображения оценивались с точки зрения их «похожести» и «непохожести» на конкретный предмет. Исследование проводилось с теми же условиями, что и основное.

Как показала обработка, из 147 изображений в группу «похожих» на предмет попали 93 (63%), в группу «непохожих» на предмет – 53 (36%).

Статистическая обработка выявила сильную взаимосвязь между степенью при-

ятности изображений (данные 2006 г.) и их «степенью похожести» (коэффициент равен 0,987719), что дает основание считать, что зависимость между оценкой изображения как приятного и его оценкой как «похожего» на предмет существует. В 1985 г. исследование на выявление «похожести» изображений не проводилось, поэтому нельзя утверждать, каким было её влияние на оценку. В то же время статистический анализ показал, что существует сильная взаимосвязь между оценками приятности изображений в первом и втором исследованиях (коэффициент 0,9). То есть, несмотря на существенное увеличение числа положительных оценок, сохранилась общая структура массива оценок, в связи с чем можно допустить, что и в первом исследовании могла быть обнаружена та же зависимость оценки изображения как приятного или неприятного от его «похожести» или «непохожести» на предмет. Судя по результатам второго исследования, произошло расширение перцептивного поля, т.е. испытуемые стали «видеть» предметы там, где раньше их «не видели». Можно утверждать, что произошла своего рода прагматизация восприятия (ведь даже в бессмысленных фигурах испытуемые стали искать и находить предметы).

Подводя итоги, можно утверждать следующее.

В результате исследований 1985 и 2006 гг. выявлено, что существует характерное различие в оценках неопределенных изображений. В частности, при исследовании 2006 г. общее количество положительных оценок увеличилось более чем в 2 раза; структура массива оценок по сравнению с более ранним исследованием изменилась незначительно; выявлена значимая корреляция между их похожестью на конкретный предмет и оценкой этих изображений как приятных; констатируется увеличение разброса оценок, что, на наш взгляд, свидетельствует об усилении роли индивидуально-психологических факторов оценки в сравнении с нормативными; оценки стали более прагматичными.

Наиболее вероятным объяснением экспериментально выявленных сдвигов в оценках использованных при исследовании изо-

бражений служит влияние на перцептивную сферу личности изменений, произошедших в общественной и социально-политической жизни. Эти изменения связаны с проявлением большей свободы, демократичности, толерантности, индивидуализма испытуемых 2006 г., три четверти жизни которых пришлось на период начала становления демократии в стране.

Выявленный нами факт удвоения количества положительных эмоциональных оценок современными студентами по сравнению со студентами 1985 г. с учетом высокой роли предметности изображений указывает на то, что современные студенты являются также в значительно большей степени прагматиками. Это объясняется тем, что влияние массовой культуры, доминирование материальных факторов в современной жизни, приоритет материальных ценностей над духовными как основа жизни современного человека ставит его перед необходимостью перцептивного поиска предметной основы и в случае неопределенных ситуаций. У поколения конца XX – начала XXI в. произошло повышение толерантности к неопределенности, причем компенсирующим неопределенность фактором служит приписывание свойства быть предметом чему-то объективно неопределенному, своего рода «опредмечивание» непонятной ситуации. При этом, как показали исследования, чем более успешно происходит это приписывание, тем более вероятно положительная эмоциональная оценка воспринятого.

В одной из работ А.Н. Леонтьева дана формула взаимодействия человека с миром: «Деятельность необходимо вступает в практические контакты с сопротивляющимися человеку предметами, которые отклоняют, изменяют, обогащают её <...> Именно во внешней деятельности происходит размыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру, властно врывающемуся в этот круг»¹⁵.

Можно утверждать, что поколение XXI в. более динамично во взаимодействии с миром, что создает соответствующие условия при определении предмета собственных потребностей. Принадлежащие к этому поко-

лению молодые люди имеют возможность быстрее, чем их сверстники 1980-х гг., конкретизировать жизненные цели. В то же время у нового поколения конкретизация этих целей происходит не столь основательно и с беспристрастной, осторожной оценкой ситуации, что было характерно для предыдущего поколения.

Можно допустить также, что удалось выявить психологические изменения, которые произошли под влиянием изменения условий общественной жизни человека, получить данные в пользу культурно-исторической концепции развития психики.

Примечания

¹ Лурья А.Р. Об изменчивости психических функций в процессе развития ребенка // Вопр. психол. 1962. №3. С.8.

² См.: Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.

³ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. С.131.

⁴ См.: Барабанчиков В.А. Восприятие и событие. СПб., 2002.

⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2006. С.171.

⁶ Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. С.68.

⁷ Зинченко В.П. Общество на пути к человеку психологическому // Вопр. психол. 2008. №3. С.4.

⁸ Schwartz T. Anthropology and Psychology: an Unrequited Relationship. Is Psychoanalysis relevant for Anthropology // Schwartz T., White G.M., Lutz C.A. New Direction in Psychological Anthropology. Cambridge, 1992.

⁹ Брандье Ж.К. Беседы с Жаном Пиаже // Психол. журн. 2001. Т.22. С.122.

¹⁰ Митькин А.А. Субъектность человека: грани и границы: В 2 ч. Часть 2 // Психол. журн. 2008. Т.22, №4. С.42.

¹¹ Павлова Н.Н. Предвыборные выступления и понимание интенций политиков избирателями // Вопр. психол. 2008. №1.

¹² Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.

¹³ Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976.

¹⁴ Арнольд М.Б. Чувства и эмоции как динамические факторы интеграции личности // Психология эмоций: Хрестоматия / Авт.-сост. В. Вилюнас. СПб., 2006.

¹⁵ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С.92.

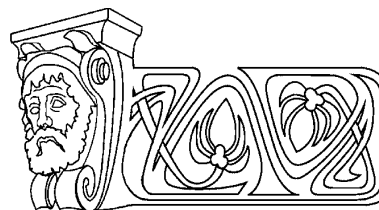

УДК 159.94 + 316.6

РЕЧЕЖАНРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

К.Ф. Седов

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: sedovkf@mail.ru.

Статья посвящена рассмотрению проблемы обусловленности речевого мышления принадлежностью личности к социальным группам. Автор вводит в научный оборот термин «речежанровая идентичность» – идентификация своего/чужого по критерию владения/невладения нормами речевого поведения в типичных ситуациях социального взаимодействия, которые приняты в разных социальных объединениях людей. На основе анализа лингвокогнитивных особенностей речевого жанра «разговор» показаны некоторые этнопсихолингвистические закономерности функционирования языкового сознания личности.

Ключевые слова: социальная идентичность, речевой жанр, коммуникативная компетенция, межличностное общение, этнопсихолингвистика.

Genre Identity in Language and Socialization of a Person

K.F. Sedov

This article is concerned with the problem of discourse thinking dependence on belonging of a person to social groups. The author of the article introduces the term "genre identity in language" i.e. identification of a friend/stranger according to criteria of competent/not competent language behavior in typical situation of social interacting, which are accustomed in different social communities. Some ethno psycholinguistic appropriacies of a person language consciousness functioning are shown on the analysis basis of language genre «small talk» lingvocognitive features.

Key words: social identity, language genre, communicative competence, interpersonal communication, ethno psycholinguistic.

Вектор формирования отечественной социальной психологии в значительной степени определяется достижениями западной науки. Подобная ситуация, как известно, объясняется особенностями становления гуманитарного знания в нашей стране, которые обусловили ее оторванность от мировой традиции. Однако нашей науке не следует забывать о своих национальных интеллектуальных ресурсах, которые могут стать питательной почвой для появления новых оригинальных идей и концепций. К числу подобных ресурсов можно отнести философию культуры крупного российского философа XX в. М.М. Бахтина. Одну из ее граней составляет учение о жанрах речи, которое как нельзя более созвучно теоретическим поискам со-

временных психологов и лингвистов. Развитие его идей привело к возникновению в междисциплинарном пространстве особого перспективного научного направления, которое чаще называют жанроведением, или генеристикой¹.

Речевые жанры – модели вербально-знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей – Бахтин считал категорией, которая позволяет связать социальную реальность с реальностью языковой. Жанры речи он называл «приводными ремнями от истории общества к истории языка»².

Важно понять, что жанры общения не являются лишь внешним условием коммуникации, которое говорящий/пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании человека в виде фреймов, сценариев, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом в ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения (следующей после появления мотива речи) происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию (болтовни или разговора по душам, комплимента или ссоры, светского общения или публичного выступления и т.д.), ту или иную модальность общения (конфликтную, центрированную, кооперативную). Именно на этом этапе у говорящего появляется, пока еще смутная, общая семантическая программа (интенция, иллюция) высказывания, которая влияет на выбор одной из типических моделей порождения речи. Воздействие речевых жанров проявляется не только в процессе формирования высказывания. Жанровая составляющая общения в меньшей степени предопределяет особенности смыслового восприятия речи. С первых секунд

общения слушатель противопоставляет мысли говорящего свою встречную мыслительную активность, направленную на постижение замысла и цели речевого произведения. И в этом постижении замысла огромную роль играет установка на конкретную коммуникативную ситуацию, на определенную модель речевого жанра, которая присутствует в сознании адресата³.

Универсальность категории «речевой жанр», ее инструментально-методологический потенциал позволяют говорить о жанровом пространстве повседневной коммуникации как о зоне самопрезентации и самораскрытия индивидуальных особенностей коммуникативной компетенции личности. Жанры общения предписывают его участнику определенные нормы речевого поведения. Овладение ими – одна из составляющих процесса социализации индивида. При этом в ходе своего социального становления личность «вращается» в систему жанровых норм. В свою очередь, эта система «вращается» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной (жанровой) компетенции, влияя на характер его речевого мышления.

Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра проявляется в тактиках и стратегиях речевого поведения. Внутрижанровые тактики представляют собой минимальную единицу дискурса; это речевой акт, обслуживающий одну транзакцию (в монологическом жанре это сверхфразовое единство, выступающее в роли минимальной текстовой единицы – микротекста), который обозначает сюжетный поворот в рамках внутрижанровой интеракции. В том случае, когда тактика существует в общении самостоятельно, она становится микрожанровым образованием – субжанром. Стратегии внутрижанрового поведения определяют общую тональность внутрижанрового общения. Они зависят от индивидуальных особенностей личностей, вступающих в общение, и влияют на тактические предпочтения говорящего⁴.

Изучение речежанрового мышления в аспекте социализации личности образует

комплекс проблем, в числе которых наиболее важные можно обозначить как «речевой жанр и социальная группа» и «речевой жанр и индивид». Первая из названных проблем чаще затрагивает область этнопсихолингвистики, определяющей круг задач генристики поисками этнолингвистических отличий в структуре и семантике одноименных жанров речи. В этой связи чрезвычайно важной и продуктивной представляется мысль о том, что разные культуры оказывают разные предпочтения разным жанрам, структурирующим коммуникативное пространство этноса. Идентификацию своего/чужого по жанровому признаку можно назвать чувством речежанровой идентичности.

Этнокультурная идентичность речежанрового мышления ярче всего выражается в нейтральных жанрах повседневного общения и прежде всего в жанре **разговор** (иногда его называют термином **беседа**).

Польско-австралийский когнитолог А. Вежбицка для описания речевых жанров предлагает метод дескриптивного изучения когнитивно-коммуникативных явлений при помощи особого языка семантических примитивов – элементарных смысловых единиц⁵.

Описание жанра **разговор** на языке семантических примитивов выглядит следующим образом:

«говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу»⁶.

Разговор представляет собой родовое обозначение нескольких его разновидностей; его следует рассматривать в виде инварианта следующих жанровых форм: *бытового разговора (болтовни), разговора по душам, разговора в компании (дружеской беседы) и светского разговора (светской беседы)*. Все названные жанры объединяет общность коммуникативного намерения – стремление к коммуникативному контакту. В этом, если так можно выразиться, состоит общая цель их внутрижанровой интеракции. Отличия между жанрами затрагивают иные уровни

коммуникации: во-первых, характер коммуникативной ситуации, во-вторых, тематическое наполнение дискурса, в-третьих, тактические повороты в разворачивании сюжета, наконец, разное концептуальное наполнение общения. Говоря о концептуальном наполнении, мы имеем в виду то, что общая семантика речевого жанра зависит от той модальности, которая в коллективном этнокультурном сознании нормативно закреплена за той или иной типической ситуацией социального взаимодействия и представлена в виде концепта, т.е. «дискретного ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека»⁷. Так, например, в основе жанра *ссора* лежит концепт «агрессия», или «враждебность»; жанра анекдот – концепт «юмор», или «комизм» и т.п.⁸

Бытовой разговор (болтовню) от других родственных жанров отличает особая прагматингвистическая установка: участники общения обмениваются информацией, при этом в значительной степени коммуникация осуществляется ими ради самой коммуникации. Социально-психологический фон, на котором протекает болтовня, настраивает говорящих на легкое, поверхностное, скользящее по ассоциативному принципу дискурсивное поведение. Правила игры, которыми руководствуются коммуниканты, владеющие этим жанром, заключаются в том, чтобы не углубляться в намечаемые темы, а, легко коснувшись их, перескакивать на другие. Основной принцип тематического движения определяется принципиальной тематической и концептуальной незаданностью общения.

Принципы разворачивания болтовни становятся строительным материалом для формирования законов этикетного светского общения. Термин *светский разговор* используется нами за неимением другого. Феномен, обозначаемый этим термином, сейчас только нарождается на наших глазах. Он нуждается в исследовании, результаты которого имеют практическое значение. Сюда можно с той или иной долей спорности отнести кулуарное общение на научной конференции, неофициальный разговор на разного рода презентациях и торжественных собраниях и т.п. К праг-

матическим параметрам этого жанра нужно отнести полуофициальный и публичный характер общения. Публичность понимается обычно как присутствие массового адресата речи. Владение нормами светского разговора требует специального обучения, результатом которого становится некоторая искусственность в использовании языковых средств (сюда мы отнесем знание ортологических, стилистических и этикетных норм, умение использовать в интеракции тропы, элементы языковой игры, шутки и т.п.). Важной социолингвистической чертой светского разговора является то, что это общение личностей, которые принадлежат к образованным слоям социума. Нормы этого речевого жанра предполагают то, что говорящие должны осознанно контролировать свою речь на уровне тематического отбора (исключаются скабрёзные, интимные, профессиональные и т.п. темы). Основную семантику светского разговора определяет концепт «вежливость», которая проявляется в установке на демонстрацию уважения к партнеру по коммуникации, доброжелательного отношения к нему и обращения, соответствующего его личностным и статусным позициям.

От светского разговора по концептуальным признакам отличается дружеская беседа, или *разговор в компании*. Это, как правило, полилог, в котором принимают участие более двух коммуникантов. Разговор в компании – обычно неофициальное, но публичное коммуникативное взаимодействие людей, достаточно хорошо друг с другом знакомых. Этот жанр чрезвычайно распространен в нашем российском социуме; он оформляет и нормативно упорядочивает обширное пространство повседневной коммуникации, куда входит неофициальное общение и людей, объединенных одной профессией (например, разговор в школьной учительской или на кафедре в вузе), и индивидов, связанных общим увлечением (автомобилистов, рыбаков, любителей бани и т.п.). Сюда же следует отнести многие формы речевого взаимодействия родственников и друзей (например, застольное общение). Тематические ограничения здесь не так строги, как в общении свет-

ском. Более того, допускается умеренная конфликтность, но исключаются проявления прямой агрессии (можно спорить, но нельзя переходить на личности; можно говорить колкости и подшучивать, но нельзя оскорблять). Общую семантику разговора в компании воплощает концепт «дружелюбие».

Особую жанровую инвариантную форму рассматриваемого речевого жанра являет собой *разговор по душам*. Основные характеристики коммуникативной ситуации, в которой происходит его реализация, – неофициальность и непубличность, в целом соответствуют ситуации болтовни. Однако любой носитель языка укажет на различия в смысловой и эмоциональной природе протекания интеракции в рамках этих форм повседневной коммуникации. Разговор по душам – это исповедальное общение, где разрешаются вопросы, судьбоносные для его участников. Такого типа коммуникации часто становятся предметом изображения в русской классической литературе. Их можно проиллюстрировать словами героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Шатова, которые он обращает к Ставрогину: «Мы два существа и сошлись в беспредельности <...> в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий»⁹. Центральным концептом, отражающим семантику русского разговора по душам, будет концепт «искренность».

Обращение к лингвокультурной практике представителей разных этносов, основанное на существующих в науке сведениях, и собственный опыт общения автора позволяют говорить о несовпадениях в речевом жанровой идентичности (таблица).

Этносы	Варианты речевого жанра разговор			
	Р бытов-	Р в компа-	Р светский	Р по душам
Русские	+	+	–	+
Поляки	+	+	+	–
Немцы	–	+	–	+
Англичане	–	+	+	–

Отличия в эмоционально-концептуальном наполнении жанровой лингвокультурной картины мира Г.Г. Слышкин предлагает называть концептуальным диссонансом¹⁰. Он

влияет на формирование этнического сознания представителей и проявляется в оценках поведения представителей чужого этноса. Так, англичане считают русских или грубыми (–) в жанре *бытовой разговор*, или навязчивыми (–) в жанре *разговор по душам*; поляки приписывают нашим соотечественникам неумение строить «вежливое общение» и излишнюю откровенность (–) в жанре *разговор по душам*; немцы считают нас излишне легкомысленными (–) в жанре *бытовой разговор*. Соответственно, англичане кажутся нам отчужденными и фальшивыми, поляки – неискренними и хитроватыми, немцы – мнительными и ригидными.

Развивая мысль о воздействии социума на речевом жанровое сознание, мы приходим к выводу о том, что в рамках одного этноса разные социальные образования также способны поддерживать/не поддерживать разные речевые жанры или их варианты. Так, прежде всего необходимо поставить проблему территориальной и региональной жанровой идентичности языкового сознания. В докторской диссертации В.Е. Гольдина¹¹ впервые была высказана мысль об отличии жанрово-речевых картин мира села и города. Любой уроженец крупного областного центра испытывает некоторую неловкость в общении с деревенскими жителями. Специфика жанрового мышления обитателей деревни относится к числу белых пятен науки. В еще большей степени это относится к жанровой картине небольших городков – районных центров, бывших уездных городов и т.п., речевом жанровой идентичности которых определяет своеобразие языкового сознания их жителей.

Больше других социальных сфер, определяющих жанровую идентичность сознания, в генристике повезло профессиональным большим и малым социальным группам. Так, довольно подробно изучены жанровые предпочтения политического, медицинского, юридического, педагогического дискурсов¹². Другие профессиональные сферы ждут своих исследователей.

К числу неисследованных пространств речевого жанра относится и комплекс проблем

онтогенеза речежанровой компетенции. Если говорить об истоках жанрового мышления, то их следует искать уже в младенческом возрасте, в самом начале жизни человека. Повторяющиеся ситуации взаимодействия ребенка со взрослыми уже закладывают протожанровую основу коммуникативной компетенции языковой личности, которая станет базой для формирования ее дискурсивного мышления. При этом каждый возраст имеет свою жанровую идентичность: речежанровые предпочтения демонстрируют дошкольники, подростки и т.д.¹³

Логика приведенных выше рассуждений предполагает все большее сужение социального пространства обитания человека до таких малых социальных групп как неформальные объединения по интересам (рыбалка, охота, фитнес, огородничество, баня и т.п.). Здесь мы тоже можем встретить речежанровую идентичность. Предпоследней ступенью в выделении критериев дифференциации коммуникативного пространства будет семья, семейная коммуникация, которая также уникальна по жанровым признакам.

Наконец, последним звеном в цепи проблем изучения жанровой компетенции будет индивидуальный человек, его сознание, где жанровый слой выступает в виде «приводных ремней», соединяющих глубинный концептуальный подвал, где хранится социальный опыт, с верхним уровнем языковых сетей, где знания репрезентируются в вербальный дискурс. В этом случае речеведение вторгается в недавно сформировавшуюся область антропологической лингвистики, которая получила название лингвоперсонологии, или лингвистики индивидуальных различий. Для моделирования жанровой компетенции индивидуального человека нами введено понятие «личностный комплекс», где в качестве критериев для создания речевого портрета личности через призму жанровой компетенции используются стратегические особенности речевого поведения, жанровые и тактические предпочтения в построении дискурса¹⁴. Разные по коммуникативным чертам характера

личности в сходных ситуациях социального взаимодействия будут демонстрировать различия в речежанровой идентичности.

Размышления, представленные в настоящей публикации, не исчерпывают проблему речежанровой идентичности, они лишь намечают некоторые перспективы ее изучения, возможность реализации которых предполагает совместные усилия психологов и лингвистов.

Примечания

¹ Подробнее о теории речевых жанров см.: Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. М., 2007.

² Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т.5. С.165.

³ О своеобразии речевого мышления см.: Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2008.

⁴ Более подробно о тактиках и стратегиях речевого поведения см.: Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С.7–38.

⁵ Вежбицка А. Речевые жанры // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. М., 2007. С.241–242.

⁶ Вежбицка А. Указ. соч. С.244.

⁷ Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С.24.

⁸ О разных подходах к концепту см.: Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1977. Т.7. С.260.

¹⁰ Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып.4. С.53.

¹¹ Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997.

¹² См., например: Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001; Варнавских Н.В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004; Загоруйко Ж.С. Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999; Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003; Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.

¹³ Подробнее см.: Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика. М., 2008.

¹⁴ См.: Седов К.Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии // Вопр. психолингвистики. 2008. №7. С.12–24.

УДК 316.6+159.923

РЕГУЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЗА В СТАНОВЛЕНИИ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ЭМИГРАЦИИ

С.В. Фролова

Саратовский государственный университет
E-mail: frolovasv71@mail.ru

Статья посвящена изучению регулирующего влияния образной сферы личности на формирование отношения к эмиграции. Образная сфера личности понимается как многомерная динамическая система вторичных психических образов. Образы представления способны вызывать различные по силе и содержанию окраске переживания, а также побуждать к различного рода действиям и поведенческой активности. Автор приводит результаты формирующего эксперимента, показавшего, что психотехническое погружение в образы родной природы и катарсическое, психодраматическое переживание сказочно-мифологических образов родной культуры может влиять на отношение личности к эмиграции.

Ключевые слова: отношение личности к эмиграции, эмиграционные намерения, образная сфера личности, регулирующая функция образа, этноинтегрирующая функция.

Regulatory Function of Mental Image in the Formation of Individual Attitude to Emigration

S.V. Frolova

The subject of this article is regulatory influence of a person's sphere of mental images on the formation of individual attitude to emigration. Mental image sphere is considered to be a multidimensional dynamical system of secondary mental images. Image representation may evoke emotions of different intensity and content as well as induce different actions and behavioral activity. The author presents the results of a shaping experiment, which show that psychotechnical immersion into the images of the native nature and cathartic psychodramatic concern with mythological images of native culture may influence person's attitude to emigration.

Key words: individual attitude to emigration, emigratory intentions, sphere of mental images, regulatory function of mental image, ethnointegrating function.

Жизнь современного человека протекает в условиях стремительно ускоряющихся изменений в сторону все большей глобализации социальных, политических и экономических отношений и усложнения информационного пространства. Эти процессы сопровождаются одновременно уходом в прошлое многих традиционных институтов социализации, таких как народные сказки, дворовые игры, традиции семьи и т.д., и появлением новых искусственных потребностей, новых виртуальных форм общения. Стремительные перемены в современном обществе порождают, как замечает Э. Тоффлер, новое поко-

ление людей, не привязывающихся к каким-либо ценностям и постоянно мигрирующих в поисках будущей лучшей жизни¹. Как отмечает Д.И. Фельдштейн, нарастание опасности «деструктивования всей системы культурно-исторического наследования» в современности может сказываться на формировании идентичности и идентификации себя как представителя определенной группы, региона, этноса, страны² и на построении жизненной стратегии через эмиграцию. Усвоение культурного наследия личностью происходит посредством образов, являющихся формой субъективного существования внутреннего мира и окружающей действительности.

Категория образа имеет длительную историю, уходящую корнями еще в античную философию, и, по всей видимости, будет еще долго оставаться одной из определяющих в психологии. Исследование психического образа подчинено идее многоуровневости, и предметом высшего плана его анализа становится система социальных представлений человека³. Для осмысления совокупности вторичных образов, т.е. «внутренних образов», переживаемых в отсутствии непосредственно воздействующего стимула в качестве их прообраза, А.А. Гостев вводит понятие «образной сферы личности» как многомерной, многоуровневой динамической подсистемы психики, «образы-элементы» которой выполняют специфические функции в психическом отражении-регулировании в соответствии с актуальными жизненными обстоятельствами⁴. Образная сфера человека имеет большое значение в познании окружающего мира, постижении духовных смыслов жизни, тесно связана с мотивационной и эмоционально-волевой сферами, соединяет прошлый опыт с настоящим и будущим, во многом определяя развитие личности и ее жизненные перспективы. В формирование

образной сферы может быть вовлечена любая информация, ее трансляторами будут образовательная среда, средства массовой информации, близкое социальное окружение и т.д.

Категория образа становится одной из ведущих в этнофункциональной парадигме психологического знания, включающей влияние этнической функции каждого элемента «этнокультурно мозаичного» мира на развитие личности современного человека⁵. Этнической функцией обладают и элементы образной сферы личности. Эта функция может быть этноинтегрирующей или этнодифференцирующей, объединяющей или разъединяющей человека с идеальным прообразом конкретной этносреды, обладающей своими специфическими природно-климатическими, антропо-биологическими и социокультурными этническими признаками.

Психический образ осуществляет регулируемую функцию⁶ и способен вызывать различные по силе и содержательной окраске переживания, а также побуждать к различного рода действиям и поведенческой активности. Согласно психологии образа действия П. Жане, в само желание, чувство, мысль о действии уже включена регуляция будущего поведения, способ подготовки или проба действия⁷. Эмиграционное намерение можно понимать как способ подготовки будущей жизни за пределами своей страны, тесно связанный с образами, созданными чаще всего на основе просмотренных фильмов, услышанных рассказов. Процесс построения таких образов не всегда осознается и очень редко опирается на реальный опыт восприятия. Психологическим механизмом, регулирующим возникновение эмиграционных намерений, на наш взгляд, может являться усиление или ослабление этноинтегрирующей функции образной сферы личности.

Целью настоящего исследования является анализ динамики эмиграционных намерений в условиях изменения этнической функции образной сферы личности. Теоретико-методологической основой исследования послужили этнофункциональный подход в понимании становления, развития и адаптации личности А.В. Сухарева⁸, психологи-

ческая теория отношений личности А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясищева⁹, концепция образной сферы личности А.А. Гостева¹⁰. Опираясь на методологический принцип единства трех сторон отношений личности – когнитивной, эмоциональной и конативной (от лат. *conatus* – усилие, стремление; термин, относящийся к интрапсихическим и интерпсихическим процессам регуляции поведения, введенный В.Н. Мясищевым), в системе отношений личности к эмиграции можно выделить три соответствующие стороны. Когнитивная сторона может быть представлена сложившимися убеждениями и различной силой интереса к тем или иным аспектам жизни своей страны и зарубежья; эмоциональная – содержанием и силой чувств, переживаемых в связи с реальными или представляемыми особенностями жизни родной страны и за ее пределами; конативная – планируемой стратегией жизни, в частности, эмиграционным намерением или желанием реализовать свои возможности внутри страны.

В качестве гипотезы выступило предположение о том, что отношение личности к эмиграции может регулироваться этноинтегрирующей функцией образной сферы. В частности, эмоциональное погружение в образы родной природы и психодраматическое переживание этнофункционально согласованных сказочно-мифологических образов способствует снижению вероятности возникновения эмиграционных намерений. Для проверки данной гипотезы нами был проведен формирующий эксперимент, направленный на повышение степени этнофункциональной согласованности образной сферы личности посредством использования психотехник погружения в образы родной природы и их кататимного переживания, а также психодраматического вживания в сказочно-мифологические образы родной культуры. Разработка методики формирующего эксперимента опиралась на метод кататимного переживания образов Х. Лейнера, исследования которого показали особую психодиагностическую функцию представления образов природы¹¹. Формирующий эксперимент проводился в течение 3,5 месяцев. В нем приня-

Таблица 1

Чувства, сопровождающие образы представления родной и экзотической природы

Этнофункционально согласованные образы		Этнофункционально рассогласованные образы	
Положительные чувства и их частота встречаемости в группе	Отрицательные чувства и их частота встречаемости в группе	Положительные чувства и их частота встречаемости в группе	Отрицательные чувства и их частота встречаемости в группе
53 * ^(экз)	4 * ^(экз)	28 * ^(р)	22 * ^(р)

Примечание: *^(экз) – обозначены показатели, достоверно различающиеся с образами экзотической природы; *^(р) – обозначены показатели, достоверно различающиеся с образами родной природы; уровень достоверности $p \leq 0,01$ по χ^2 -критерию Пирсона.

ли участие 65 человек (34 человека в контрольной и 31 – в экспериментальной группе). Возраст участников – от 19 до 23 лет. На начальном и заключительном этапах формирующего эксперимента нами было предпринято психодиагностическое обследование лиц с различным отношением к эмиграции в экспериментальной и контрольной группах при помощи психодиагностического интервью, выявляющего структуру эмиграционных отношений. Для осуществления математико-статистического анализа полученных данных применялись следующие методы: ϕ^* -критерий углового преобразования Фишера; χ^2 -критерий Пирсона.

Образы представления способны вызывать целостные переживания, имеющие когнитивную, эмоциональную и конативную стороны. Они характеризуются содержанием, формой, перцептивными модальностями (и субмодальностями), валентностью (отрицательной или положительной), эмоциональной заряженностью, силой переживания, субъективной значимостью. Образ может быть приятен или неприятен и вызывать различные чувства. Сила переживания может варьироваться от образа к образу и субъективно оцениваться личностью. Положительно значимое переживание, вызываемое образом, может давать ощущение *прилива сил*. В этой связи *образ представления* можно определить как *один из энергетических источников психики человека, способный принимать активное участие в регуляции его состояний и деятельности*. Погружение в образы родной и экзотической природы завершалось рефлексией вызываемых ими чувств, а также дифференцированным анализом субмодальностей, в которых они возникали. Участникам эксперимента предлагалось сравнить содержание и силу чувств, которые вызывали образы представления. В результате такой интроспективной процедуры нами были получены достоверные различия в содержании переживаемых чувств, вызываемых образами представления родной и экзотической природы (табл. 1).

Как оказалось, этнофункционально согласованные образы родной природы вызывают более позитивные эмоциональные переживания самого широкого спектра: ра-

дость, спокойствие, восхищение, восторг, счастье, уверенность, бодрость, интерес и др. Образы экзотической природы нередко сопровождаются тревогой, грустью, тоской, раздражением, апатией, отчужденностью. Следует отметить, что результаты интроспективного анализа своих чувств были часто неожиданными для самих участников эксперимента и обнаруживали их предварительную прямо противоположную когнитивную установку в отношении экзотических образов природы. Экзотическая природа до чувственного погружения в ее образ часто мыслилась как более радужная, радостная, праздничная. Проведение подобной психотехнической процедуры способствовало снятию такой неоправданной когнитивной установки и более глубокому пониманию возможности использования образов в регуляции психических состояний.

Кроме того, нами были обнаружены различия этнофункционально согласованных и рассогласованных образов по таким их формальным характеристикам, как степень освещенности, величина, экстенсивность движений, ассоциированность / диссоциированность и т.д. Когда человек ассоциирован, он представляет образ происходящего, как бы находясь «внутри своего тела» и глядя вовне. В этот момент человек может видеть, двигаться и знать, что он чувствует. Когда он диссоциирован, он находится «вне своего тела» и может видеть его со стороны, но доступ к собственным ощущениям в этом случае резко снижен или почти невозможен¹². Этнофункционально согласованные образы ча-

ще возникают как ассоциированные ($p \leq 0,05$), что свидетельствует об их высокой значимости и доступности для переживания, а вследствие положительно окрашенного чувственного содержания – и об их большом психотерапевтическом потенциале. Образы родной природы бессознательно кодируются как более светлые, крупные, динамичные и вызывают ощущение большего прилива сил по сравнению с образами экзотическими.

В ходе формирующего эксперимента нами использовались также психодраматические техники, материалом для которых становились русские народные сказки, былины, мифологические сюжеты и персонажи. В результате сравнения данных первичной и завершающей психодиагностики при помощи психодиагностического интервью нами были получены различия в отношении к эмиграции в контрольной и экспериментальной группах до и после эксперимента (табл. 2, рисунок). Желание строить свою дальнейшую судьбу за пределами родной страны у 33,9% участников экспериментальной группы сменилось активным поиском возможностей реализации жизненных смыслов, находясь в своей стране. Формирующий эксперимент с использованием кататимного, психодраматического переживания этнофункционально согласованных образов способствовал изменению отношения к окружающей реальности и самоидентичности.

Таблица 2

Отношение к эмиграции до и после эксперимента

Отношение к эмиграции	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	1. До эксперимента	2. После эксперимента	3. До эксперимента	4. После эксперимента
Желание эмигрировать навсегда	33,4%	14,3%	25,8%	22,2%
Хотят постоянно жить в России	18,5%** ⁽²⁾	52,4%** ^(1,3,4)	15,8%** ⁽²⁾	16,7%** ⁽²⁾
Желание временно эмигрировать	48,1%	33,3%** ^(3,4)	58,4%** ⁽²⁾	60,1%** ⁽²⁾

Примечание. Знаком ** отмечены показатели, достоверно различающиеся (с уровнем достоверности $p \leq 0,01$ по F^* -критерию Фишера и с уровнем достоверности $p \leq 0,05$ по χ^2 -критерию Пирсона); ⁽¹⁾, ⁽²⁾, ⁽³⁾, ⁽⁴⁾ – обозначены группы, с которыми установлены достоверные различия.

Соотношение групп студентов с различным отношением к эмиграции до и после эксперимента, %: ▨ – намерение эмигрировать навсегда, ■ – намерение эмигрировать временно, □ – отсутствие эмиграционных намерений

Исследование субъективных параметров образов природы способствует более глубокому и дифференцированному отношению к родной и экзотической природе как источникам личностных сил или стрессоров. Понимание этого факта, в свою очередь, позволяет сформировать более осознанное отношение к эмиграции. Драматическое переживание этнофункционально согласованных сказочно-мифологических образов и образов природы способствует восстановлению целостного гармоничного взаимодействия личности с этносредой, снижает эмиграционные тенденции молодежи, обогащая образную сферу личности и создавая более широкие возможности для построения образов будущей жизни в пределах родной страны. Воспринимаемые и значимо переживаемые образы могут участвовать в регулировании таких внутриличностных процессов как построение жизненных перспектив и становление отношения личности к различным сторонам действительности.

Примечания

- ¹ См.: Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М., 2002. С.89.
- ² Фельдштейн Д.И. О развитии фундаментальных психологических исследований. М.; Воронеж, 2006. С.6.
- ³ См.: Гостев А.А. Психология вторичного образа. М., 2007; Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. №1. С.3–18; Шухерев П.Н. Современная социальная психология. М., 1998.
- ⁴ Гостев А.А. Указ. соч. С.10.
- ⁵ См.: Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М., 2008.
- ⁶ См.: Гостев А.А. Указ. соч.; Lusebrink V.B. Levels of imagery and visual expression // Mental imagery. N.Y.; L., 1991. P.35–43.

⁷ См.: Жане П. Неврозы. М., 1911.

⁸ См.: Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М., 2008.

⁹ См.: Мясцев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М.; Воронеж, 2003.

¹⁰ См.: Гостев А.А. Указ. соч. М., 2007.

¹¹ См.: Лейнер Х. Кататимное переживание образов. М., 1996.

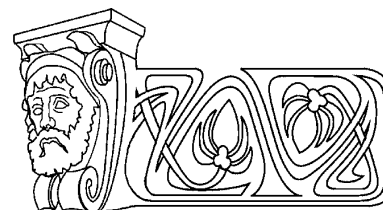
¹² См.: Грундер М. Модель «благополучия» // Технология программирования судьбы (Теория и практика НЛП): Хрестоматия. Минск, 1999. С.325–346.

УДК 316.6.

«ЛЮБОВЬ И РАБОТА»: АКТУАЛЬНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

Т.В. Черникова

Волгоградский государственный педагогический университет
E-mail: tamara@vspsu.ru

Представлен систематизированный обзор выполненных будущими психологами учебно-исследовательских работ. Они посвящены двум жизненно важным проблемам, актуальным для студенческого возраста: а) привлекательность сверстника противоположного пола и выбор брачного партнера: б) выбор и планирование профессиональной карьеры.

Ключевые слова: учебно-исследовательская работа студентов, аттракция, семейные и профессиональные установки и ценности, феномен деловой удачи.

«Lieben und Arbeiten» («Love and Work»): Resent Vital Problems in Students' Scientific Research

T.V. Chernikova

Presented a systematic view at the results of scientific researches supplemented by future psychologists. They devoted to the two vital problems of university student: A. young people's attraction (as potential bride partners). B. professional attitudes and projects.

Key words: students' scientific research, attraction, family and professional attitudes and evaluations, business luck phenomenon.

Основной контингент российского студенчества находится во временных границах жизни от 17 до 22 лет, тогда как на Западе только 20% получающих высшее образование лиц входят в этот возрастной диапазон. Это возраст установления интимно-личностных отношений на фоне учебной активности и параллельной с ней трудовой занятости, зачастую не имеющей отношения к получаемой специальности. Получать высшее образование по психологии приходят в большинстве своем вчерашние школьники, представители раннего юношеского возраста с романтическими устремлениями и незрелостью представлений о будущем.

Однако само содержание учебных предметов по психологии и исследовательский характер их изучения открывают дополнительные возможности для осуществления ранней профессионализации. Эти возможности содержатся, прежде всего, в вузовской системе учебно-исследовательской работы. Будучи, с одной стороны, включенными в жизненную ситуацию студенчества, а с другой – выступая в роли ее исследователей, молодые люди получают синтезированный опыт осмысленного изучения переживаемых событий и явлений, прогнозируя их дальнейшее развитие и упреждая, по возможности, нежелательные последствия для себя и респондентов-сверстников.

Опыт руководства исследовательскими работами у будущих психологов показал, что выбор студентами близких им тем для исследования не только помогает понять закономерности тех явлений, которые выглядят уникальными (любовь, корысть в браке, сексуальные отношения ради карьеры и др.). Молодые люди получают возможность косвенной проработки собственных проблем и вероятностного построения отношений в том наступающем важнейшем периоде их жизни, который З. Фрейд обозначил как время «любить и работать». Освоение студентами ситуации делает их популяризаторами полученного знания среди сверстников, и зачастую процедуры защиты курсовых работ пре-

вращаются в заседания дискуссионных молодежных клубов¹.

В данной публикации проведен краткий обзор проблематики двух групп исследований, выполненных студентами под нашим руководством: «Любовь и брак» и «Профессия и карьера».

Группа исследований «Любовь и брак» объединена проблематикой привлекательности сверстников противоположного пола как будущих партнеров по браку, вопросами корысти в браке, психологического климата студенческих семей, в том числе ожидающих или имеющих ребенка.

Привлекательность сверстников противоположного пола для лиц студенческого возраста первоначально исследовалась автором совместно со студентами-психологами в рамках лекционного изучения проблем социальной перцепции, в частности, явления аттракции (от англ. *attract* – притягивать). Первый же экспресс-опрос по проблеме позволил обнаружить, что внешность как главный фактор привлекательности, обычно занимающая первое место в выборках, иначе оценивается студентами-психологами. У них внешность находится на втором месте по предпочтительности, а на первом – коммуникативно-интеллектуальные характеристики (готовность делиться познаниями, чувство юмора).

Более широкое исследование, выполненное студентами к практическому занятию по изучению социально-психологического метода опроса, показало, что уже на первых курсах наряду с внешностью привлекательность молодым людям обоего пола обеспечивают ум, интеллект, чувство юмора. Юноши-выпускники более терпимы к вредным привычкам девушек (курению, употреблению пива), чем, например, второкурсники. К моменту окончания вуза юноши считают привлекательными «домовитых» студенток с высоким уровнем коммуникативности, деловитых и уверенных в себе. Однако обучающиеся в военном вузе юноши почти совсем не указывают в качестве привлекательных деловые и партнерские качества девушек.

Межличностное явление «любовь», социально-психологическому содержанию ко-

торого у студентов 1–3 курсов было посвящено специальное исследование, выявило абсолютное преобладание эмоционально-ценностной составляющей (доверие, верность, привязанность, счастье) перед когнитивной (рационализация или отрицание чувства) и поведенческой (забота и взаимопомощь). Сравнительное исследование социально-перцептивного эталона спутницы жизни у юношей педагогического и технического университетов выявило различие выбора приоритетных характеристик. Если первые рейтинговые места у юношей педагогического вуза занимают так называемые «совместные» показатели – «сходство интересов» (31,3%) и «взаимное эмоциональное чувство» (16,9%), то у юношей технического вуза показатели касаются только девушки – её «эмоционально-личностные качества» (20,5%) и «внешность» (18,9%).

Проблема корысти в контексте выбора брачного партнера была косвенно обнаружена нами в процессе изучения метода опроса на практических занятиях по социальной психологии со студентами второго курса (на примере предъявляемых к будущему брачному партнеру ожиданий). Психологически явление корысти означает извлечение выгоды из меркантильных или узколичных соображений, и в этом смысле словарное определение понятия «корысть» соотносимо с понятиями «зависть», «эгоизм», «жадность». Из 200 опрошенных студентов различных вузов (юношей и девушек было примерно поровну) половина тех и других открыто выражали свое намерение с помощью брачного партнера решить имущественные, жилищные, материальные проблемы. Некоторые из текстов опросных листов были откровенно циничны, например: «Любая старая страхолюдина, только чтобы с квартирой и тачкой!»

Полученные в ходе опроса результаты дали повод для углубленного изучения полоролевых особенностей проявления корысти. Исследование было проведено на материале двух с лишним тысяч газетных объявлений о знакомстве, авторами которых являлись лица студенческого возраста. Максимальное количество объявлений корыстной направленности приходилось на возраст 20–26 лет. В

среднем каждое пятое объявление содержало в себе корысть, в зимние месяцы таких объявлений бывало в два раза больше. В них содержались предложения о выгодном заключении брачного союза, об интимной близости за деньги, использовании потенциально партнера в продвижении по служебной лестнице. Мужские и женские объявления находились в соотношении 7:10. Большинство авторов женских объявлений имели корыстную цель на всю жизненную перспективу: создать семью с состоятельным человеком, обеспечить будущее детям, а также – войти в элиту, обрести новый статус, гарантирующий им социально-экономическую защищенность. Корыстные цели мужчин ограничивались получением ситуативного результата: вступить в оплачиваемые интимные отношения с молоденькими девушками с целью развлечения или завязать более длительные отношения со зрелой женщиной в обмен на материальную поддержку с её стороны.

Психологический климат студенческих семей (пять, не имеющих детей, и пять, ожидающих или имеющих ребенка) с согласия обоих супругов исследовался с помощью проективной методики на протяжении полутора месяцев. Было обнаружено, что увеличение стажа семейной жизни (в данном случае – от 0 до 4 лет) обуславливает минимизацию перепадов в настроении супругов и стабилизирует эмоциональную атмосферу семьи. Наличие или ожидание ребенка повышает чувство удовлетворенности браком и в целом психологической атмосферой семейных отношений.

Специальное исследование уровня психологической готовности к материнству 30-ти молодых женщин (находящихся на 8–9-м месяце беременности) и определение типа материнского поведения (этих же женщин в послеродовой период) было выполнено студенткой-психологом во время её пребывания в декретном отпуске. По результатам исследования выявлено, что качество материнского ухода за родившимся младенцем напрямую связано с уровнем готовности молодой женщины к материнству. Известные по другим исследованиям закономерности, подкрепленные личным опытом и объекти-

вированными переживаниями исследователя, воспринимаются сверстниками-студентами как более достоверные.

Исследования «Профессия и карьера» последних двадцати лет неизменно показывают, что, несмотря на низкий уровень оплаты работников интеллектуального труда, ценности получения образования, следования эталонам профессионализма и проектирования деловой карьеры занимают по-прежнему одно из приоритетных мест в социальной жизни страны.

Исследование профессиональных ценностей молодых людей в контексте их общих жизненных устремлений проводилось у 157 студентов (61 юноша и 96 девушек второго и выпускного курсов всех факультетов) Волгоградского государственного педагогического университета. Прежде всего отмечено, что ценности у студентов различных факультетов, имеющих и не имеющих трудовой и армейский стажи, не различаются. Это свидетельствует об общей социокультурной природе жизненных ценностей. Обнаружились, однако, полоролевые различия в динамике ценностей за время обучения в вузе.

Юноши второго курса в качестве приоритетных называли рядом стоящие в рейтинговой иерархии «материальное благополучие» и «получение профессии». Такая ценность, как «служебная карьера», занимала четвертое место в их рейтинге из десяти возможных. Юноши выпускного курса ценности материального характера продолжали называть первыми, а ценности получения профессионального образования – последними. При этом на том же месте оставались ценности карьерных достижений. Таким образом, стремясь зарабатывать деньги и продвигаться по службе, молодые люди поставили на последнее место содержание получаемого образования, хотя само по себе оно являлось по-прежнему ценным.

У девушек жизненные ценности на протяжении всех лет обучения оставались стабильными. Первые три места в иерархии ценностей у них занимали «нравственные качества и заповеди», «дом и семья», «любовь». К пятому курсу лишь первые две ценности менялись местами, а «материальное

благополучие» как ценность перемещалось с пятого места на последнее. Неизменное четвертое место у девушек занимали ценности профессионального труда, выступавшего условием и средством успешной служебной карьеры.

Основными результатами, вытекающими из материалов исследования ценностей будущих педагогов, могут быть данные, свидетельствующие о разных подходах юношей и девушек к профессиональному труду в сфере образования. Начиная педагогическую карьеру молодые мужчины (часто уже имеющие семью или собирающиеся ее создать) в большей степени ориентированы на материальную сторону профессии и карьерный рост. При создании условий для материально-статусного утверждения педагогов мужского пола в педагогических коллективах прибавилось бы мужчин. В то же самое время начинающие свою профессиональную деятельность в сфере образования молодые женщины кроме заботы о доме и семье в большей степени, чем мужчины, готовы осваивать содержательную сторону учительского труда.

Социально-перцептивный эталон представителя профессии – благодатная область проблем для молодых людей, выбирающих «делать жизнь с кого». Изучение социально-перцептивных эталонов в рамках учебно-исследовательской работы дает возможность молодым людям скорректировать свои представления об образе типичного профессионала. Например, эталон «делового человека» был исследован будущими психологами в рамках учебных занятий с привлечением 228 студентов всех вузов г. Волгограда. Известно, что неизменный интерес при поступлении в вузы вызывают, даже при переизбытке специалистов на рынке труда, представители профессий деловой сферы – менеджер, экономист, юрист, управленец. Экспериментально выявленные данные показали, что почти треть отмеченных респондентами эталонных характеристик относилась к внешнему облику и атрибутам материального благополучия (костюм, прическа, модные аксессуары, дорогостоящее имущество), около половины указали на «пробивные» способ-

ности без упоминания предмета их приложения (настойчивость, упорство в достижении цели, способность добиваться своего любой ценой). При этом интеллекту в структуре эталона отводилось 11%, коммуникативности – 6, лидерским качествам – 3, нравственным – 2, деловым – 0,8, продуктивности деятельности – 0,8%. Подобная же картина получилась, когда исследовался эталон делового человека у учащихся 10–11 классов. Объяснение полученному явлению находим у Дж. Брунера², который экспериментальным путем доказал, что привлекательная в социальном плане группа людей (например, фотомодели, а в нашем случае – представители делового мира) избирательно воспринимается через внешние поведенческие проявления.

На выборке, состоящей из 290 молодых людей (137 юношей и 153 девушки) в возрасте до 29 лет, были изучены особенности восприятия эталонного образа российского и американского солдат, а также прослежена возрастная динамика этого восприятия. Наше исследование было соотнесено с тем, которое выполнили В.Н. Куницына, В.М. Сенченко и Г.Г. Финикова под руководством А.А. Бодалева³ в 1960-х гг.

В результате проведенного анализа, несмотря на вариативность представлений о защитнике отечества среди различных представителей учащейся молодежи, были выделены две противоречивые тенденции. Первая связана с указанием на сходство российского и американского солдат как людей, выполняющих единые, социально одобряемые обязанности. Вторая тенденция восприятия заключалась в противопоставлении представителей российской и американской армий, учитывая условия несения воинской службы и отношение к ней. Патриотизму и нравственности российских солдат противопоставлялась корыстная безнравственность американских. Результаты исследования свидетельствуют, что военнослужащие российской армии имеют высокий индекс доверия со стороны населения, однако сама служба считается малопривлекательной. Современная молодежь представляет российского солдата как мужественного защитника своей родины, имеющего высокие нравственные качества,

но не по своей воле попавшего в неблагоприятные условия службы и тем самым вызывающего жалость.

Деловая удача и её достижение благодаря профессиональной карьере – одна из самых обсуждаемых проблем в студенческой среде. Инициатором предпринятого на эту тему учебного исследования стала студентка, рассматривавшая социально-психологический феномен под названием «деловая удача» как результат сложения трех факторов: а) манипулирования неформальной информацией; б) применения приемов лжи и обмана; в) умелого использования привлекательных внешних данных. Предполагалось, что наиболее ценными, востребованными и способствующими удачному разрешению дел окажутся такие черты и умения, как самопрезентация, притворство, расчетливость, изворотливость и т.п. Студенткой было опрошено 210 человек (107 девушек и 103 юноши) в возрасте 14–29 лет, школьников и студентов (включая уходящих на армейскую службу юношей, оставивших студенческую скамью). Только один из опрошенных соответствовал выдвинутой автором гипотезе.

В исследовании было выявлено, что теоретически у молодежи есть представление о том, что интеллект в рассматриваемой проблеме занимает не последнее место, но чаще задействованы приемы выученной коммуникации, так как для большинства это наиболее легкий, быстрый и продуктивный путь достижения карьерных притязаний. Кроме не зависящих от человека обстоятельств («Нужно родиться под счастливой звездой»), удаче чаще способствуют, по мнению студентов, такие внешние параметры, как высокое профессиональное положение и социальный статус родителей, а также их материальное положение. Деловой удачей для юношей считалась, прежде всего, так называемая «халявная работа». Девушки на первое место ставили «финансовое благополучие» как источник независимости. По мере взросления у респондентов наблюдалась тенденция к снижению значимости внешних обстоятельств и случайного везения. Возможно, в ходе решения проблем профессионального становления накапливались доказательства, что дело-

вая удача достигается упорным трудом. При этом девушки делали большую ставку на свои волевые, деловые и лидерские качества, чем юноши. Таким образом, в восприятии молодыми людьми деловой удачи как феномена современной жизни преобладало отношение к нему как к независимому от их воли явлению. Для практического психолога полученные результаты означают необходимость работы с проблемой профессионального становления молодежи, ориентирования юношей и девушек на приобретение и развитие личностных качеств для достижения удачи.

Выбор предмета труда и типа карьеры, исследованные у представителей студенческой молодежи, позволяют обнаружить изменившиеся основания предпочтений престижных профессий, какой является, к примеру, профессия журналиста. Ее рейтинг среди молодежи в нашей стране неизменно высок, вузовские конкурсы на факультеты журналистики по числу претендентов на одно студенческое место соперничают с конкурсами на факультеты психологии и иностранных языков. С другой стороны, востребованность массовой коммуникации как средства манипулирования мнением электората и потребительским выбором на рынке товаров превращает средства массовой коммуникации в предмет купли-продажи. Такое положение СМИ привлекает в профессиональную журналистскую среду молодых людей с ярко выраженной индивидуалистической ориентацией и сниженными моральными нормами.

Предпринятое исследование среди 98 респондентов, связанных с профессией журналиста, позволило обнаружить четыре мотива выбора профессии, которые расположены по убыванию значимости: 1) возможность быстрого заработка; 2) знакомство с известными людьми, вхождение в круг избранных; 3) признание развивающих возможностей журналистской профессии; 4) возможности творческой реализации своих замыслов. Нетрудно заметить, что молодые люди, выбравшие массовую коммуникацию как сферу будущей профессии, воспринимали СМИ как «журналистику для себя». Упоминаний о читателе почти не встретилось. Кроме этого,

следует с сожалением констатировать, что не рассматривались вопросы нравственно-этического характера, широко обсуждаемые в стране и мире применительно к журналистской профессии.

Типы конфликтного поведения в значимых ситуациях в достаточной степени отражают профессиональную позицию субъекта трудовой деятельности. Профессиональное образование уже в студенческом возрасте задает будущий тип межличностных и деловых отношений, в том числе конфронтационных. Исследование типов поведения молодых людей в возрасте 20–30 лет в конфликтных ситуациях показало различия между данными в студенческой выборке и в выборке недавних выпускников – служащих предприятий, организаций и частных фирм. Различие ярко проявилось в типе конфликта: у работающих специалистов отсутствовали описания ценностного конфликта и конфликта правил взаимодействия, которые были главенствующими у студентов. У сотрудников преобладали конфликт интересов и конфликт средств достижения цели. На основании полученных данных можно предположить, что с переходом из студенческой среды в профессиональную молодые люди столкнутся в производственных отношениях с прагматичностью, мало совместимой с традиционными для юности нормами и ценностями.

Стратегии конфликтного взаимодействия, которые выбирали специалисты, отражали их ориентацию на соперничество и полностью исключали компромисс. Иной расклад стратегий наблюдался у студентов, где главенствовали избегание, компромисс и подчинение в условиях конфликта. Трудоустройство и забота о сохранении рабочего места, как можно предположить, в ближайшем будущем существенно повлияет на выбор типа конфронтационного поведения у нынешних студентов.

Студенчество в России не только учится, занимается научными исследованиями,

работает, отдыхает. Молодые люди озабочены проблемами материального выживания, поиска спутника жизни, выбора способов профессиональной реализации, путей карьерного продвижения, страны проживания. Выпускники вузов, покидая стены учебного заведения, неизбежно обнаруживают разрыв между своими профессиональными умениями и требованиями со стороны работодателей и потенциальных брачных партнеров. Неоправданный оптимизм сменяется апатией и агрессивностью. В результате столкновения с проблемой трудовой и семейной состоятельности возникают нервозность, тревога, неуверенность в завтрашнем дне. В таком эмоциональном состоянии молодой человек не может принимать адекватные решения и трезво оценивать ситуацию. В конечном итоге все это приводит к изменению самооценки, свертыванию коммуникативных навыков, деформации временного пространства жизни.

Студенты вузов остро нуждаются в приобретении знаний о том, как максимально использовать свои интеллектуальные, коммуникативные, регуляторные возможности, как самостоятельно искать работу, как входить в профессиональную среду, расставаться с родительской семьей и создавать собственную, строить долгосрочные отношения с окружающими, принимать на себя социально-экономическую и гражданскую ответственность. Освоение в стенах вуза исследовательских навыков изучения социально-психологических феноменов своего бытия как отражения более общих явлений открывает молодым людям пути для глубинного понимания жизненно важных процессов и успешной реализации профессиональных перспектив и личностных устремлений.

Примечания

¹ См.: Черникова Т.В. Психологическая поддержка в образовании. М., 2003.

² Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.

³ Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1983.

УДК 34:15

ПСИХОЛОГО-ЮРИДИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ УНИЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ГРАЖДАН И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

А.Л. Южанинова

Саратовская государственная академия права
E-mail: Juzhaninova-Alla@yandex.ru

В статье обсуждается природа речевых высказываний, проблема отнесения их к правовым категориям сведений или мнений. Их коррелятами в социально-психологической судебно-экспертной практике предложено считать вербальное выражение познавательного и эмоционально-ценностного характера информации. В то же время выделены признаки, по которым информирующие речевые конструкции могут соотноситься с понятием мнений, а оценочные – с понятием сведений.

Ключевые слова: вербальная агрессия, социально-психологическая судебная экспертиза, критерии унижения чести и достоинства.

The Psychology Juridical Criterias of the Humiliation the Honour and the Dignity of Citizens and Social Psychology Juridical Expert Judgment

A.L. Yuzhaninova

The nature of verbal utterances and the problem of attributing such statements to juridical categories of information or opinions are discussed in the article. Verbal expression of cognitive and emotionally valuable character of information in the social psychology juridical expert practice is proposed to consider as it correlates. The indications which can help to correlate information verbal constructions with the concept of opinion and estimation verbal constructions with the concept of information are distinguished at the same time.

Key words: verbal aggression, social psychology juridical expert judgment, criterias of the humiliation the honour and the dignity.

Специалисты – психологи, лингвисты, юристы, – исследовавшие проблемы российских СМИ, пришли к выводу, что журналисты часто допускают ошибки и нарушения, позволяющие предъявлять им обоснованные претензии. Критические материалы нередко содержат непроверенные сведения и необоснованные суждения и оценки, огульные, не подтвержденные должным образом обвинения, фактические ошибки, которые приобретают юридическое значение. В текстах встречаются неприкрытая грубость и вульгарные сравнения, неоправданно и не к месту используются жаргонные слова. Некоторые публикации и передачи проникнуты злобой и желчью¹. В 2/3 конфликтов с законом журналисты признаются неправыми².

С точки зрения психологии, обнаруженные нарушения, состоящие в выражении деструктивного (обвинительно-злобного) отношения к тому, о чем сообщается, и в выборе стиля (грубость, вульгарность), оскорбляющие и унижающие человека, соотносимы с категорией вербальной (словесной) агрессии³. В литературе по теории уголовного права высказывалось мнение, что клевета, оскорбление, иные действия (незаслуженные упреки, травля, грубое обращение), способные причинить человеку психическую травму, следует считать проявлениями психического насилия⁴.

Для правильной правовой квалификации информационных правонарушений Пленум Верховного суда РФ рекомендует различать две подсистемы языковой информации, отличающиеся по своей природе. Судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности⁵. За распространение порочащих сведений, не соответствующих действительности, публикатор может нести уголовную или гражданско-правовую ответственность. Вместе с тем его конституционным правом является свобода в выражении и распространении собственного мнения, взглядов, точки зрения.

Определение природы информации, распространяемой СМИ, было и остается одной из самых сложных проблем в судебной практике. Данная проблема зачастую бывает и самой важной, поскольку от ее решения зависят юридическая оценка обстоятельств конкретного дела и правовые последствия для его участников.

Поскольку объектом исследований или судебных рассмотрений по информационным спорам являются речевые высказывания или отдельные конструкции текста, соответствующие признакам правонарушений, предусмотренных уголовным или гражданским законодательством, сотрудники правоохранительных органов для вынесения квалифицированного решения нередко прибегают к использованию специальных знаний в области речеведческих наук. Традиционным является назначение лингвистической экспертизы. Методология и методика определения природы речевых высказываний экспертами-лингвистами показаны в работах В.Н. Базылева, Ю.А. Бельчикова, А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.И. Галяшиной, М.В. Горбаневского, К.И. Бринева, С.В. Дорониной⁶. Вместе с тем определение природы текстов, а также отдельных слов и речевых конструкций возможно средствами не только лингвистики, но и психологии, рассматривающей речь как форму психической активности и коммуникации⁷. Выявление объективных характеристик и содержательно-смысловой направленности спорных текстов может проводиться и проводится в настоящее время с помощью нового вида судебной экспертизы, которая, по мнению А.Р. Ратинова, является психолингвистической⁸ и относится к классу судебно-психологических экспертиз. По своей направленности на установление психологических признаков унижения, оскорбления чести и достоинства человека она является социально-психологической.

А.Р. Ратинов пишет: «Дифференциация фактуальной и оценочной информации в некоторых случаях – дело очень непростое, требует квалифицированного анализа и надлежащей подготовки. Методика такого «текстологического» анализа нуждается в специальной разработке»⁹. Определению психологических признаков фактуальной и оценочной информации, а также типичных форм их представленности в конфликтных текстах и посвящена данная работа. Наш опыт проведения психологических экспертиз спорных сведений, распространенных в СМИ, позволяет выделить новые аспекты текстологического анализа, дополняющие лингвистиче-

ский подход в судебно-экспертных исследованиях. Ведущими методами работы психолога-эксперта при этом являются психологический анализ материалов проверки, а также уголовных и гражданских дел; критериально ориентированный психолингвистический анализ¹⁰ и семантический анализ текстов и речевых конструкций; контент-анализ¹¹.

В современном русском языке понятие «сведения» имеет несколько значений: 1) познания в какой-либо области; 2) известие, сообщение; 3) знание, представление о чем-нибудь¹². Таким образом, общее значение данного понятия состоит в знании человека о чем-, ком-либо и речевом сообщении об этом. В нем подчеркивается познавательный, рациональный компонент отражения действительности, воплощенный в слове.

Слово «мнение» определяется как суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-, чему-нибудь, взгляд на что-нибудь¹³. В этом понятии выделяется выраженный в речи эмоционально-оценочный, ценностный компонент отражения, состоящий в переживании отношения к имеющемуся знанию.

Как видим, соотношение понятий «сведения» и «мнения» во многом тождественно соотношению объективного и субъективного. Первые являются результатом познавательного отражения признаков предметов, вторые – эмоционального отражения. Познавательный образ объективен, рационален, доступен проверке логикой и опытом. Целью и результатом познавательного процесса является максимизация изоморфизма объекта и его образа. Отношение к объекту является значением аффективным, ценностным, индивидуальным.

Разграничение познавательной информации и ценностной (в психологических терминах) или сведений и мнений (в понятиях, используемых законом) позволяет одни слова или речевые конструкции в анализируемом тексте отнести к группе сведений, а другие – мнений. Однако с психологической точки зрения провести на речевом уровне такую четкую грань не всегда представляется возможным. Это происходит потому, что в одном и том же утверждении может содер-

жаться информация как познавательного, так и ценностного характера. Например, в суждении «Да он же махинатор, жулик!» познавательная информация состоит в сообщении о склонности человека совершать нечестные поступки. Эмоциональное отношение осуждения передается с помощью негативного содержания слов, использования разговорного стиля (сравним относительно нейтральное определение «нечестный» и экспрессивное – «жулик»), интонации восклицания. Таким образом, одно и то же выражение можно отнести одновременно к разряду и сведений, и мнений. К подобным речевым конструкциям подход противопоставления, взаимоисключения (или сведения, или мнения) недопустим. Обратим внимание, что на практике именно такие случаи подачи материала и встречаются чаще всего. Сама постановка задачи (отнесение их к категориям «сведений» или «мнений») некорректна. То, как автор понимает суть отражаемых явлений и сообщает об этом в речи, следует считать сведениями, а то, какие чувства он испытывает по поводу происходящего и каким образом их выражает, – авторским мнением.

Трудности при определении информационной природы суждений возникают и при анализе так называемых оценочных суждений. Эксперты-лингвисты считают, что оценочные суждения соотносимы исключительно с понятием мнения. Именно такая позиция отражена и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ¹⁴. Вместе с тем в психологии понятие оценочных суждений не ограничивается только ценностным аспектом.

Действительно, оценочные суждения могут отражать значимость предмета или явления для субъекта. Однако выделяется подкласс оценочных суждений, которые являются результатом оценивания как измерения свойств предмета. «Измерение свойств мы понимаем в широком смысле – как установление и сравнение степени каких-либо качеств (по их выраженности или развитости, по временным или пространственным характеристикам и т.п.). Результат измерения-оценивания может выражаться в элементарной форме в таких словах и предложениях, как

“высокий, низкий, средний”, “больше – меньше” <...> Значимость предмета как проявление нашего эмоционального отношения к нему обуславливается отношением этого предмета к нашим потребностям <...> Степень значимости предмета может обозначаться в таких словах, как “хороший”, “плохой”, “приятный”, “безобразный”. Иногда оценивание может быть сведено к изучению только свойств предмета. Но чаще к оцениванию свойств предмета присоединяется оценивание его значимости»¹⁵. Оценочные суждения могут иметь парциальный характер – быть результатом только оценивания-измерения (познания) либо быть результатом оценивания-выражения значимости предмета, т.е. ценностно-ориентационной деятельности. Кроме того, оценочные суждения могут иметь интегративный познавательный характер, т.е. отражать как результат процесса познания, так и тип отношения к познанному.

В этой связи на вопрос, могут ли оценочные суждения выражать исключительно мнение субъекта, ответ положителен лишь в отношении подкласса оценочных суждений, выражающих эмоционально-ценностное отношение к чему-либо. Познавательные оценочные суждения (измерения) не выражают отношений, поэтому они соотносимы с понятием сведений. Кроме того, познавательные оценочные суждения могут рассматриваться как в качестве сведений в своем информационном аспекте, так и в качестве мнений в эмоционально-ценностном аспекте.

Не проста дифференциация информации познавательного и аффективного характера и в отношении отдельных слов. Так, одно и то же слово может быть информирующим, а может выражать отношение автора. В таких случаях его природа определяется контекстом. Например, в психологии различаются денотативные и коннотативные (по Ч. Осгуду) значения. Денотативное – объективно, межличностно, познавательно; коннотативное – субъективно-индивидуально, ценностно. В зависимости от определяемого слова одно и то же прилагательное может быть как денотативным, так и коннотативным. Например, признак острый – тупой к стимульному

слову «нож» является денотатом, а к слову «мысль» – коннотатом, поскольку в первом случае он раскрывает особенности самого предмета (ножа), а во втором – это эмоциональный образ, метафорически выражающий отношение говорящего к явлению мысли (по признаку хороший – плохой). Переводя эти идеи на язык категории «сведения» и «мнения», в первом случае мы сталкиваемся с конкретизацией сведений, а во втором – мнений. Иными словами, одно и то же понятие в одном случае следует отнести к категории сведений, а в другом – мнений.

Как не все оценки сопоставимы с понятием мнения, так и информация познавательного характера не всегда может быть отнесена к категории сведений. В соответствии с п. 7 названного Постановления Пленума Верховного суда «не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения». Поскольку Пленум рекомендует относить к сведениям лишь суждения в виде утверждения, то познавательная информация, выраженная в виде предположений, автоматически наделяется статусом мнения. Кроме того, к утверждениям о фактах могут быть отнесены лишь сведения о событиях, которые имели или имеют место в реальности. Следовательно, предположения о возможных событиях в будущем также соотносимы с понятием мнения.

Практика показывает, что негативная информация о человеке познавательного характера, сопоставимая с понятием мнения, может выражаться в приписывании публикатором не называемым конкретным поступкам человека их смысла (в терминах А.Н. Леонтьева). Другим довольно распространенным способом высказывания авторского мнения являются его суждения о внутренней психической составляющей поступков, которые совершает человек. Высказывания о намерениях и целях поступков, о переживаемых человеком чувствах по форме относятся к утверждениям о внутренней психической составляющей поведения других людей. Однако по смыслу такие утверждения могут

быть только предположениями. Поэтому мы и относим их к категории мнений.

Таким образом, для текстологического анализа спорных сообщений, распространенных в СМИ, мы предлагаем определять природу речевых высказываний в целях соотношения их с правовыми категориями сведений или мнений, опираясь на различительные критерии «познавательный – ценностный», «измерительный – оценочный», «утвердительно-предположительный».

В последние годы одним из важных направлений в работе специалистов в области судебно-психологической экспертизы является формирование общих стандартных теоретико-методических подходов проведения судебных экспертных исследований. Разница в понимании разными экспертами психолого-юридических критериев унижения чести и достоинства нередко приводит к формулированию спорных экспертных выводов. В данной работе вместо произвольного толкования практиками понятий унижения чести и достоинства предложена система экспертно-психологических критериев, учитывающая нормативно-правовые предписания и разработки современной психологии.

Примечания

¹ См.: Средства массовой информации и судебная власть в России. М., 1998. С.238.

² *Галышина Е., Горбаневский М., Стернин И.* Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд: ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности. 2005. №1(6). С.29.

³ См.: *Южанинова А.Л.* Вербальная агрессия в публикациях СМИ и судебно-психологическая экспертиза // Материалы IV Всерос. съезда РПО. 18–21 сентября 2007 года: В 3 т. М.; Ростов н/Д, 2007. Т.3. С.384–385.

⁴ См.: *Костров Г.К.* Уголовно-правовое значение угрозы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С.3.

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газ. 2005. 15 марта.

⁶ См.: Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004; *Галышина Е., Горбаневский М., Стернин И.* Указ. соч. С.24–39; *Бринев К.И.* О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкалах «све-

сведение/мнение», «утверждение/предположение», «оценка/факт» // Юрислингвистика-7. Барнаул, 2006. С.138–154; *Доронина С.В.* Сведение и мнение – проблемы экспертной практики // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2007. С.348–352.

⁷ См.: *Рапинов А.Р.* Когда не стесняются в выражениях // Понятия чести, достоинства и деловой репутации... С.101–116; Средства массовой информации и судебная власть в России. М., 1998; *Ефремова Г.Х., Рапинов А.Р., Кроз М.В.* Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации (деловые игры): Методич. пособие. М., 1999; *Южанинова А.Л.* Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе: В 3 ч. Ч. 2. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Саратов, 2002. С.50–61; *Южанинова А.Л.* Судебно-психологическая экспертиза природы информации, распространенной в СМИ // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2007. С.404–408.

⁸ См.: *Рапинов А.Р.* Когда не стесняются в выражениях. С.101–116.

⁹ Там же. С.108.

¹⁰ См.: *Рапинов А.Р., Коньшиева Л.П., Кроз М.В., Рапинова Н.А.* Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений // Юридическая психология: Сб. науч. тр. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ. Вып.3, ч.1 / Под ред. Г.Х. Ефремовой, О.Д. Ситковской. М., 2005. С.63–83; *Рапинов А.Р., Кроз М.В., Рапинова Н.А.* Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Рапинова. М., 2005.

¹¹ *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1987. С. 122–129.

¹² См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С.723.

¹³ Там же. С.368.

¹⁴ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

¹⁵ *Доблаев Л.П.* К постановке проблемы оценивания в психологии // Проблемы оценивания в психологии. Саратов, 1984. С.4.

УДК 373.015.3

ДИНАМИКА СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ШКОЛЬНИКА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ

М.В. Григорьева

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: grigoryevamv@mail.ru

В статье раскрываются закономерности, психологические причины и результаты динамики взаимодействий школьника и образовательной среды.

Ключевые слова: школьник, образовательная среда, взаимодействия, динамика.

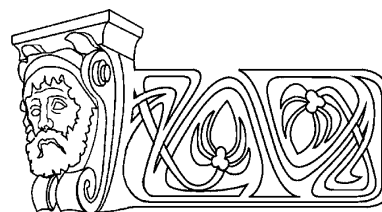
Dynamics of System of Interactions of the Pupil and the Educational Environment at Different Grade Levels

M.V. Grigorieva

In article laws, the psychological reasons and results of dynamics of interactions of the pupil and the educational environment reveal.

Key words: pupil, educational environment, interactions, dynamics.

Изменения условий взаимодействий школьника и образовательной среды (ОС), обусловленные трансформациями современных общественных отношений, приводят к тому, что целостная система данных взаимодействий является гибкой и находится в постоянной динамике. Изменяются ее структу-

ра, соотношение различных элементов внутри отдельных subsystem и внутрисистемные взаимосвязи. Система взаимодействий школьника и ОС функционирует также в зависимости от контекста ситуации взаимодействия и в соответствии с требованиями возрастных периодов.

Изменения качественных характеристик отдельных элементов subsystem могут по-разному влиять на функционирование всей системы в целом. Так, на психофизиологическом уровне динамика взаимодействий обусловлена свойствами нервной системы. Возможности изменений элементов на физиологическом уровне, связанные с изменениями, например, динамических характеристик нервной системы, по мнению Б.М. Теплова, существуют¹. Но они сопровождаются большими временными затратами систематиче-

ской тренировки и значительными энергетическими затратами самого индивида. В процессе группового обучения выполнение этих условий практически невозможно. По нашим наблюдениям, учащиеся, имеющие ярко выраженные динамические особенности свойств нервной системы (т.е. инертные и лабильные), испытывают более или менее выраженные трудности в процессе взаимодействия с ОС, но некоторые из них со временем находят собственные методы адаптивного приспособления. Это подтверждают в беседах и сами учащиеся.

При этом, демонстрируя внешнюю успешность в процессе взаимодействия с ОС (хорошую успеваемость, высокий интеллект, эмоциональную адекватность, общительность и т.п.), они достигают ее за счет значительных и целенаправленных изменений в подсистемах других уровней (например, высокого интеллекта, учебной мотивации, личностных качеств). С возрастом компенсаторные возможности других подсистем и всей системы в целом расширяются, и такие школьники адаптируются к ОС. Однако оптимальными такие взаимодействия назвать нельзя, так как они достигаются большими внутренними затратами по сравнению с затратами других учащихся.

Изменения внутри когнитивной подсистемы, связанные с дивергентностью мышления – основной характеристикой, позволяющей найти новые пути решения возникающих в процессе взаимодействия проблем², будут вызывать трансформации во всей системе взаимодействий школьника и ОС в зависимости от количества взаимосвязей между эмоциональной, когнитивной, мотивационной и социально-психологической подсистемами. При отсутствии или небольшом количестве значимых взаимосвязей между подсистемами на уровне класса индивидуальные системы взаимодействий, в своих общих чертах, повторяют эти особенности более общих метасистем и являются плохо структурируемыми. В этом случае увеличение дивергентности мышления приводит к нахождению индивидом новых связей между явлениями окружающего мира. Вновь появившиеся связи изменяют структуру когнитив-

ной подсистемы: она становится более сложной. Однако четкости данная структура при этом еще не достигает в силу того, что ее начальное состояние связано с отсутствием или расплывчатостью структуры.

Если начальное состояние индивидуальной структуры взаимодействий с ОС повторяет жесткую структуру характерных взаимосвязей для всего класса, обладающую большим количеством значимых взаимосвязей между подсистемами, то увеличение дивергентности мышления индивида приведет к ослаблению данных взаимосвязей и повысит возможность создания новых связей и отношений между подсистемами. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению познавательного и адаптационного потенциала школьника в его взаимодействиях с ОС.

Динамика интеллектуальных составляющих когнитивной подсистемы взаимодействий школьника и ОС определяется требованиями учебной деятельности, возрастными и индивидуальными особенностями когнитивной сферы личности ученика. Как было показано в ряде наших исследований, развитие интеллекта происходит волнообразно³.

При переходе учащихся из начальной школы в среднее звено обнаруживается общее снижение уровня интеллекта с высокого уровня до уровня выше среднего. При переходе из среднего звена гимназии в старшие классы уровень развития интеллекта учащихся повышается до высокого. Ученики общеобразовательных классов имеют в основном средний уровень развития интеллекта.

По данным Д. Векслера, Г. Дж. Айзенка, Л. Кэмина, показатели интеллекта постоянно улучшаются примерно до 16–20 лет. По данным Р. Кэттела, возможности флюидного интеллекта возрастают до 13–15 лет, кристаллизованного – в зависимости от способностей индивида до 13–20 лет⁴. Некоторое несоответствие наших данных с обозначенными исследователями тенденциями в развитии интеллекта в зависимости от возраста можно объяснить тем, что они представляют усредненные результаты нескольких разных тестов. Тест Векслера, например, состоит из десяти довольно разных субтестов –

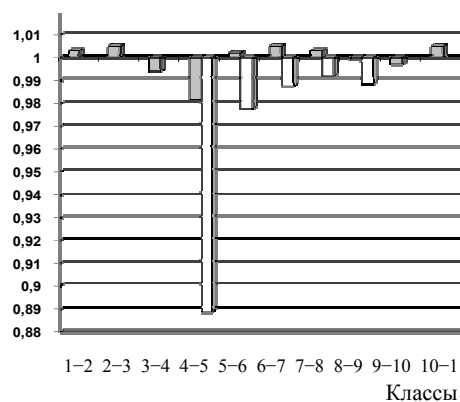
вербальных, невербальных, с использованием карандаша и бумаги и с использованием оборудования. В своем исследовании мы использовали некоторые субтесты, в наибольшей степени отвечающие исследовательским целям, исследование проводилось также на специфической выборке учащихся гимназии. Поэтому полученные результаты в зависимости от возраста могут изменяться не так, как указывает Векслер. Кроме того, по признанию Г. Дж. Айзенка, в тестах, измеряющих коэффициент интеллекта, трудно избежать влияния средового фактора и кросскультурных различий⁵. При изучении английских и российских детей и подростков данный фактор дополнительно детерминирует различия в возрастной динамике интеллекта.

Обнаруженная нами неравномерность хода возрастного развития интеллекта хорошо согласуется с данными Н.С. Лейтеса⁶. В своих наблюдениях он выделил следующие тенденции в развитии интеллекта: в младшем школьном возрасте выделяются ученики с необычно быстрым, стремительным развитием интеллекта, начинающимся еще в дошкольные годы. В нашей выборке таких детей достаточно много, так как именно им рекомендуют обучение в гимназии. В средних классах различия между подростками по уровню общих умственных способностей менее разительны, но при этом достаточно определенно проявляются признаки своеобразия ума, обусловленные относительной ускоренностью или замедленностью хода развития, у учеников старших классов обнаруживается подъем интеллекта⁷.

Исходя из полученных нами результатов, можно сделать вывод о том, что высокий уровень развития интеллекта школьников позволяет им относительно эффективно взаимодействовать с образовательной средой в 1-, 5-, 10-м классах. Первоклассники с высокой интеллектуальной готовностью к обучению в школе не механически воспроизводят предложенные знания, а хорошо выделяют и сравнивают признаки предметов, объединяют группу предметов по общему признаку в более широкое понятие, классифицируют предметы по различным призна-

кам, замечают закономерности изменения признаков. Все это позволяет им осмысленно воспринимать информацию, строить четкую и многомерную структуру своих знаний, быстро и успешно использовать данные знания для решения проблемной ситуации в ходе обучения, то есть успешно интеллектуально адаптироваться.

Изменения показателей интеллектуальных возможностей учащихся по мере продвижения от 1-го к 11-му классу, в соответствии с нашей концепцией, выглядят в общем виде так, как показано на диаграмме. Видно, что при переходе в 5-й класс у школьников наблюдается значительный спад интеллектуальных возможностей, связанный с необходимостью соответствовать новым условиям взаимодействий с ОС, которые требуют развития понятийного мышления. Однако, как видно из диаграммы, спад интеллектуальных функций в условиях гимназического обучения минимален, что позволяет сделать вывод о наличии более благоприятных с точки зрения переходных процессов условиях в связи с направленным формированием пропедевтических элементов понятийного мышления. Далее от 5-го к 11-му классу интеллект учащихся развивается по синусоиде: наибольший прогресс виден при переходе из 6-го в 7-й класс и из 10-го в 11-й класс, наибольший регресс – при переходе из 9-го в 10-й класс.

Показатели прироста интеллекта учащихся гимназических (Π) и общеобразовательных (Π) классов

Таким образом, пики развития интеллекта учащихся приходятся на 2–3-й, 7-й и 11-й классы, а применение интеллекта в процессе взаимодействий школьника и ОС, скорее всего, затруднено в 5-м классе. Такая волнообразная динамика в развитии интеллекта связана с тем, что открытое С.И. Степановой свойство волнообразности процессов на психофизиологическом уровне⁸, скорее всего, присуще процессам всех субструктур взаимодействий школьника и образовательной среды. Разница лишь в том, что на психофизиологическом уровне период колебаний составляет несколько часов, дней или месяцев, а на более сложном уровне психической организации – несколько месяцев или лет.

Наибольшее снижение уровня развития интеллекта при переходе из начального звена в среднее наблюдается у учащихся общеобразовательных классов. Их интеллектуальные возможности на протяжении всего обучения не повышаются, но темпы снижения уровня развития интеллекта уменьшаются к 8-му классу. Очевидно, данное снижение интеллектуальных возможностей у школьников общеобразовательных классов связано с тем, что требования к их мышлению не включают в себя наличие высокого уровня развития интеллекта и ограничиваются развитием продуктивных возможностей учащихся.

В старших классах наблюдается тенденция обособления процессов когнитивной и социально-психологической систем взаимодействий школьника и ОС адаптации. Если в начальной школе интеллектуальные способности были связаны с социально-психологическими процессами в 57% случаев, в средних классах – в 43% случаев, то в старших классах гимназии корреляционная взаимосвязь интеллектуальных способностей и социально-психологической адаптации наблюдается в 33% случаев.

Таким образом, у учащихся гимназии по мере продвижения от 1-го класса к 11-му наблюдается расширение сферы интеллектуальной деятельности, постепенный переход от применения своего интеллекта в учебных ситуациях до его применения во внешкольных ситуациях, связанных с интеллектуаль-

ной деятельностью. Одновременно происходит уменьшение случаев прямой взаимосвязи интеллектуальных способностей и успешности социально-психологической адаптации. Очевидно, с увеличением возраста гимназистов интеллектуальная деятельность все более обособляется от самочувствия в различных социальных условиях. Возрастает также направленность на интеллектуальную деятельность в будущем и на взаимосвязь интеллектуальных способностей, профессиональных и социальных достижений.

Изменения в мотивационной субструктуре индивидуальных систем взаимодействий с ОС, как показано многими исследователями, связаны с возрастными особенностями и особенностями социальных ситуаций развития на разных этапах обучения в школе. В общем виде присутствие в структуре мотивационной подсистемы внутренней мотивации учения позволяет школьнику сохранять общую систему взаимодействий с ОС при любых неблагоприятных изменениях в других субструктурах.

Отдельные положительные мотивы укрепляют структуры соответствующих подсистем. Например, мотив достижения способствует развитию когнитивной подсистемы, мотив признания – социально-психологической подсистемы. Развитие отдельных подсистем может способствовать или препятствовать эффективному функционированию целостной системы взаимодействий школьника и ОС в зависимости от наличия интегрирующего и согласующего работу всех подсистем фактора. Таким фактором может выступать самосознание и самоотношение школьника. А механизмом самопознания, анализа и синтеза значимой для интеграции всех процессов взаимодействия школьника с ОС информации выступает при этом рефлексия.

Эмоциональная подсистема в силу своей сигнальной функции является очень динамичной в процессе взаимодействия учащегося с ОС. Изменения в ней связаны с механизмом тревоги, которая возникает в ответ на значимые для школьника изменения условий взаимодействия с ОС. Поскольку любое значимое изменение является таковым в силу

потенциальной угрозы для индивида⁹, тревога подготавливает организм и психику школьника, активизируя все внутренние процессы. Ситуативная индивидуальная динамика эмоций ученика дополняется динамикой, обусловленной развитием его личностных качеств и произвольной саморегуляции в течение всего времени обучения.

Система взаимодействий школьника и ОС функционирует в специальных организованных условиях, часто предусматривающих возможность оказания специфических внешних (педагогических) воздействий, навязывающих ей определенную структуру и функционирование. Цели гуманизации образования в современной школе требуют другого отношения к данной системе. Школьник должен иметь свободу принятия решения и выбора пути своего развития. При абсолютизации такого подхода возможность формирования социально значимых качеств оказывается вероятностной.

Как компромиссный вариант между абсолютной гуманизацией образования и реализацией педагогических целей обучения и воспитания школьника в интересах общества многими исследователями указывается вариант применения природосообразных технологий в образовании, соответствующих природным и возрастным особенностям индивида.

Изучение системы взаимодействий школьника и ОС как самоорганизующейся системы может способствовать раскрытию внутренних механизмов ее функционирования, полностью соответствующих ее онтологическим особенностям. Вслед за Г. Хакеном мы будем считать систему самоорганизующейся, «если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру»¹⁰. При этом система не должна быть замкнутой и должна испытывать неспецифическое, то есть не навязывающее ей структуру и функционирование воздействие извне. Как мы видим, система взаимодействия школьника и ОС не может быть замкнутой: она находится во взаимосвязи с другими физическими, социальными и общественными системами. В то же время педагог как

часть системы взаимодействий учащегося и ОС может осуществлять неспецифическое воздействие на нее, выраженное в общей активации школьника, поддержании его интереса к взаимодействиям с ОС, подтверждения правильности решения учащегося в процессе этого взаимодействия и т.д.

При соблюдении описанных выше условий система взаимодействий школьника и ОС сама определяет, на какие внутренние и внешние изменения реагировать. Этот выбор связан с существованием в данной системе информации о возможных вариантах поступающих в нее сигналов (воздействий) и возможных вариантах ответов на эти сигналы.

Данное положение имеет важный прикладной аспект. В системе взаимодействий школьника и образовательной среды больше возможностей адекватного изменения и повышения своей эффективности, если в ней содержится больше вариантов (видов) взаимодействий. Это становится, в свою очередь, возможным или через мысленное моделирование субъектом (школьником или педагогом) множества вариантов взаимодействий с ОС, или через освоение субъектом множества инициативных и ответных действий в процессе его реального взаимодействия с ОС. Другими словами, механизмами, отвечающими за оптимальную динамику системы взаимодействий школьника и ОС, являются интеллектуализация всех сфер активности школьника и расширение сфер реальной активности (множество деятельностей) в процессе его взаимодействия с образовательной средой.

Большое количество информации в системе взаимодействий школьника и ОС, связанное с сохранением различных вариантов взаимодействий и их результатов, может дезинтегрировать систему и привести ее в неравновесное состояние. Другими словами, школьник, в силу избыточности равнозначной информации, не будет знать, какой вариант развития событий выбрать как более оптимальный. Для того чтобы система взаимодействий школьника и ОС стала хорошо согласованной и функционировала оптимально, необходимо существование в ее структуре одного-двух элементов-аттракторов, ру-

ководящих функционированием системы. В этом случае количество информации в системе снижается, школьник может хорошо ориентироваться в воздействиях извне (то есть со стороны образовательной среды), а педагог как составляющая ОС хорошо ориентируется в том, какую информацию учащийся воспримет как значимую. Система при этом некоторое время функционирует оптимально, взаимодействия школьника и ОС осуществляются быстро, согласованно и результативно.

В педагогической практике такие условия создаются опытными учителями, которые формируют элементы-аттракторы в процессе взаимодействия с учащимися в виде небольшого количества основных требований к определенным элементам данного взаимодействия (как правило, не больше трех–четырёх), а требования к остальным элементам не предъявляют, так как стараются не перегрузить систему взаимодействия со школьником избыточной информацией, в которой ребенку трудно ориентироваться. Однако со временем такая хорошо организованная система перестает быть динамичной, так как происходит привыкание к аттракторам и функционирование привычным способом и в привычном направлении. Новый виток развития системы требует разрушения привычных аттракторов за счет притока в систему взаимодействий новой информации. На поведенческом уровне разрушение четкости структуры в системе взаимодействия школьника и ОС связано с замешательством при принятии решения, неуверенностью субъектов взаимодействия в правильности данного решения, в нелогичности и непоследовательности их поведения и т.п.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что динамика развития системы

взаимодействий школьника и ОС связана с особенностями ее структурных связей, изменением значимости ее отдельных элементов и цикличностью процессов разрушения четкой структуры и ее создания. Общее развитие системы взаимодействий школьника и ОС происходит, таким образом, нелинейно.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Влияние культурно-исторических представлений на особенности самоопределения молодежи в центральных и провинциальных регионах России». Грант № 08-06-00273а.

Примечания

¹ Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.

² Обучение и развитие (Экспериментально-педагогическое исследование) / Под ред. Л.В. Занкова. М.: Педагогика, 1975.

³ Григорьева М.В. Формирование логических приемов мышления у шестилетних детей // Практическая психология в обучении и воспитании: Материалы первой областной науч.-практ. конф. психологов Саратов. обл. Саратов: Изд-во пединститута, 1993. С.43–46; Григорьева М.В., Тарасова Л.Е. Особенности адаптации первоклассников в условиях детского сада и школы // Вопросы практической психологии: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во пединститута, 1995. Вып.2. С.73–76; Григорьева М.В. Программа развития дивергентного мышления // Психология и жизнь: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию отделения психологии СГУ. Саратов: Изд-во «Слово», 1996. С.62–63.

⁴ Айзенк Г.Дж., Кэмин Л. Природа интеллекта – битва за разум. М.: Изд-во «Эксмо-Пресс», 2002.

⁵ Там же.

⁶ Лейтес Н.С. Возрастная одаренность школьников. М.: Академия, 2001.

⁷ Там же. С.97.

⁸ Степанова С.И. Биоритмологические аспекты проблемы адаптации. М.: Наука, 1986.

⁹ Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.

¹⁰ Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. С.29.

ПЕДАГОГИКА

УДК 351.74:004.9

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К ПРИМЕНЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Д.В. Гудов

Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ
E-mail: gdim@yandex.ru

В статье рассматривается экспериментальное исследование проблемы формирования мотивации к применению информационно-компьютерных технологий в военно-профессиональной деятельности у будущих офицеров внутренних войск.

Ключевые слова: мотивация, информационно-компьютерные технологии, военно-профессиональная деятельность, подготовка будущих офицеров, информатизация, уровни мотивации.

Forming of Motivation in the Informative Computer Technology Using in Professional Military Activity of the Future Officers of the Internal Troops

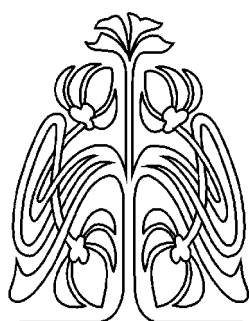
D.V. Gudov

The article deals with the experimental research problems of motivation forming. The author describes the usage of the informative computer technology in professional military activity of the future officers of the Internal Troops.

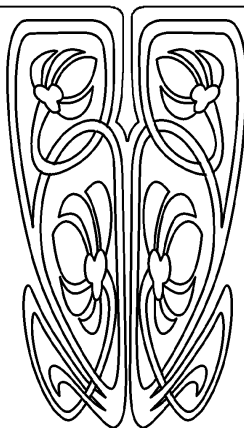
Key words: motivation, informative computer technology, professional military activity, future officers training, informatization, levels of motivation.

В условиях глобальной информатизации общества, проникновения информационно-компьютерных технологий (ИКТ) практически во все сферы жизнедеятельности человека особую роль начинают приобретать информационная подготовка будущих офицеров, их умение ориентироваться в потоках информации и использовать компьютерные технологии для поддержания и развития собственной информационной грамотности. В настоящее время использование ИКТ для сбора, хранения, обработки, передачи и представления информации становится неотъемлемой частью военно-профессиональной деятельности во всех силовых структурах, что влечет за собой необходимость подготовки будущих офицеров в области ИКТ, способных оперативно решать поставленные задачи с использованием средств информатизации.

Подготовка будущих офицеров к применению ИКТ в военно-профессиональной деятельности, на наш взгляд, заключается в усвоении ими полного состава специальных знаний, профессиональных умений и навыков, сформированности и зрелости профессионально значимых качеств личности, одним из которых является наличие устойчивых позитивных мотивов овладения ИКТ как важного фактора успешности военно-профессиональной деятельности. Исходя из этого и принимая во внимание общую военно-профессиональную направленность подготовки

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

будущих офицеров внутренних войск, мы считаем одним из приоритетных направлений развитие у обучаемых мотивации к применению ИКТ в военно-профессиональной деятельности наряду с приобретением знаний, умений и навыков в области ИКТ.

В современной педагогике понятие мотивации как психического явления трактуется по-разному. В одном случае – как *совокупность факторов*, поддерживающих и направляющих, т.е. определяющих поведение; в другом – как *совокупность мотивов*, в третьем – как *побуждение*, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность; в четвертом – как *психическая регуляция* конкретной деятельности, как действие мотива и как механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности, как *совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и деятельность*¹.

По мнению В.Д. Шадрикова, мотивация обусловлена потребностями и целями личности, уровнем притязаний и идеалами, условиями деятельности и мировоззрением, убеждениями, направленностью личности и т.д. С учетом этих факторов происходит принятие решения, формирование намерения. Обстоятельства, условия, ситуация приобретают значение для мотивации только тогда, когда становятся значимыми для человека, для удовлетворения его потребности, желания.

Мотивация будущего офицера к профессиональной деятельности, по нашему мнению, определяется соответствующей направленностью, наличием смысла в этой деятельности, его профессиональными установками. Устойчивые системы отношений в профессиональной деятельности образуют его профессиональный менталитет и определяют его профессиональные позиции.

В своих работах П.И. Образцов выделяет три уровня мотивации профессионального становления личности²:

начальный (внешний) уровень мотивации, связанный с потребностью в профессиональном развитии, побуждаемой внешним социальным или узколичностным мотивом и обуславливающий внешнее (формальное) отношение к учебно-познавательной деятельности;

основной (внутренний) уровень мотивации, достигаемый в потребности специалиста в объективно необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности знаниях, умениях, навыках, профессиональных позициях и развитых психологических особенностях;

высший (внутренний) уровень мотивации, отражающий потребность обучаемого в развитии и продуктивной реализации своего творческого потенциала, основой которого выступают высокие притязания специалиста на самореализацию в учебно-познавательной деятельности, которая принимается им как главный приоритет.

Исследование проблемы формирования мотивации к применению ИКТ в военно-профессиональной деятельности у будущих офицеров внутренних войск проводилось нами в процессе изучения дисциплины «Информатика и математика» на базе Саратовского военного института внутренних войск МВД России. Проводя исследование, мы исходили из того, что при наличии положительной мотивации к формированию своих военно-профессиональных качеств, стремлении к овладению выбранной профессией у будущего офицера должны формироваться притязания к качеству собственной подготовки. В свете этого мотивация к применению ИКТ в будущей военно-профессиональной деятельности может рассматриваться как стремление будущего офицера оптимизировать эту деятельность, сделать ее более продуктивной, повысить уровень своего собственного развития.

В соответствии с этим в процессе педагогического эксперимента нами применялись специально разработанные задания, имеющие военно-прикладную направленность, основанные на развитии и укреплении межпредметных связей, включающие эмоционально-мотивационные компоненты. Межпредметные связи реализовывались при решении военно-прикладных задач тактического характера, задач огневой подготовки и служебно-боевого применения войск с использованием аппаратных средств ИКТ и прикладного программного обеспечения. При этом в задания вводился компонент, обеспечивающий развитие у будущих офи-

церов творческого подхода к решению конкретных военно-прикладных задач с применением ИКТ.

На вводных занятиях вниманию обучаемых было предложено описание высокой значимости ИКТ для повышения эффективности выполнения служебно-боевых задач и рассмотрен ряд примеров их применения в ходе реальных боевых действий за последние десятилетия. Особое внимание уделялось самостоятельной работе будущих офицеров по подготовке материала об использовании ИКТ при решении задач служебно-боевой деятельности вооруженными силами различных стран с последующим представлением материала на занятиях. При этом высоко оценивались инновационные формы поиска информационных материалов о применении ИКТ в военном деле.

В ходе практических занятий особое внимание было уделено отработке заданий различных уровней сложности, в основе которых лежали установки на применение средств ИКТ в конкретных условиях служебно-боевой деятельности войск. Предлагались различные модели боевой обстановки, когда необходимо найти успешные решения служебно-боевых задач с применением средств информационно-компьютерных технологий. Существенное значение имело применение специально разработанных деловых игр в экспериментальных группах. Была разработана целостная методика деловых игр на основе применения ИКТ для решения военно-прикладных задач комплексного характера в сочетании с такими предметами, как тактика внутренних войск, тактическая подготовка, военная топография, огневая подготовка и другими. Деловые игры разрабатывались с применением следующего приема: экспериментальная группа разбивалась на несколько малых подгрупп, в которых обучаемые выступали в роли военных специалистов, решающих одну сложную военно-прикладную задачу.

Оценка уровня сформированности мотивации к применению ИКТ в военно-профессиональной деятельности проводилась согласно разработанным нами критериям:

высокий уровень – устойчивые позитивные мотивы овладения ИКТ как важный фактор успешности военно-профессиональной деятельности, осознанный устойчивый интерес к овладению знаниями и умениями в этой области, стремление их использовать для решения военно-профессиональных задач;

средний уровень – неустойчивая ситуативная мотивация к применению средств ИКТ для решения военно-прикладных задач, слабо выраженное стремление к их освоению;

низкий уровень – отсутствие интереса к освоению ИКТ и стремления использовать аппаратные и программные средства для решения военно-прикладных задач, их восприятие как игр, развлечений и т.п.

Результаты экспериментального исследования показали значительный рост мотивации у обучаемых экспериментальных групп, особенно на первом этапе обучения, что, в свою очередь, оказало позитивное влияние на ускоренное усвоение ими знаний и умений, а также существенно повлияло на развитие способностей будущих офицеров к самообучению в области ИКТ. При этом результаты проведения контрольно-проверочных работ показали, что обучаемые экспериментальных групп быстрее переходили от заданий низкого и среднего уровней сложности к заданиям повышенной сложности, а затем более успешно справлялись и с ними.

Также следует констатировать, что уровень мотивации к использованию ИКТ у обучаемых экспериментальных групп практически не изменился даже через год после завершения изучения курса «Информатика и математика», что позволяет сделать выводы о правильности и эффективности предложенных нами подходов в технологии реализации спроектированной педагогической системы.

Примечания

¹ См.: Белозерцев Е.П., Гонеев А.Д., Пашков А.Г. Педагогика профессионального образования: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластёнина. М., 2004.

² Образцов П.И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. Орел, 2000.

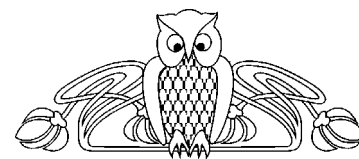

УДК 37

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА» В НАУЧНОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Н.И. Демидова

Могилевский государственный университет
E-mail: demidova14_85@mail.ru

Организация среды и специфика ее социализирующего влияния на развитие человека являются важными проблемами теории и практики современного образования. В статье основное внимание уделено анализу подходов к пониманию категории «образовательная среда» в истории научной мысли XX века.

Ключевые слова: образовательная среда, педагогика среды, образовательное пространство, средовой подход, культурная среда.

Analysis of Approaches to the Concept Educational Environment in the Scientific Thought of the 20th Century

N.I. Demidova

In the article the main attention is paid to the analysis of approaches to understanding of category educational environment in the history of scientific thought of the 20th century. The research of literary sources showed that the notion educational environment studied by different scientific disciplines and doesn't have precise definition. The creation of «educational environment» in educational institution, studying its influence on the development of personality remains the actual problem of modern pedagogies.

Key words: educational environment, pedagogy of environment, educational surroundings, environmental approach, cultural environment.

Становление человека как профессионала происходит в целостной образовательной среде того или иного образовательного учреждения. Усилия высшего образования направлены на создание условий, способствующих формированию разносторонней, социально активной, самостоятельной, творческой, компетентностной личности профессионала. Образовательная среда является решающим фактором в развитии личности, студент своими действиями и поступками активизирует элементы среды и тем самым создает ее для себя.

В психологии, философии, педагогике рассматривается проблема создания и использования образовательных возможностей среды в формировании личности, выделяются различные типы среды: социальная, культурная, образовательная, развивающая, гуманитарная, педагогическая, окружающая, техногенная, жизненная и другие.

В отечественной педагогике и психологии термин «среда» появился в 1920-е гг.: «педагогика среды» (С.Т. Шацкий), «общественная среда ребенка» (П.П. Блонский), «окружающая среда» (А.С. Макаренко). Представители педологии выработывали различные идеи, касающиеся позитивного влияния образовательной среды на развитие ребенка: И.А. Арямов, Ю.Ф. Фролов считали ребенка неким механизмом, ориентирующимся на внешнюю среду.

В начале XX в. в зарубежных странах шел напряженный поиск новых форм и методов обучения. Польский педагог Я. Корчак спроектировал творческую образовательную среду для развития гармоничной и активной личности. Его поиски были направлены на индивидуальное развитие скрытых возможностей ребенка в групповой среде. Кроме того, он выделил типы воспитывающей среды: догматическую, идейную, среду безмятежного потребления, внешнего лоска и карьеры¹.

Серьезное влияние на педагогику среды оказал прагматизм. Его представитель, американский исследователь Дж. Дьюи, изучал свободное воспитание ребенка в образовательной среде. Среда рассматривалась Дж. Дьюи не просто как физическое окружение человека: все «объекты, в связи с которыми человек становится отличным от других, – вот его истинная окружающая среда»². Анализируя влияние образовательной среды, Дж. Дьюи полагал, что есть один способ управления образованием детей – контроль над средой: «Мы воспитываем не напрямую, а при помощи среды <...> либо мы позволяем стихийно складывающейся среде управлять образованием молодежи, либо специально формируем для этих целей среду. Любая среда стихийна, если она не сформирована...»³.

В 1920-е гг. проблема влияния факторов среды на развитие человека наиболее широко начала обсуждаться в психологии: проводились эмпирические исследования, направленные на изучение влияния повседневного окружения на человека.

Внимание к понятию «среда» как ведущему фактору обучения и развития в отечественных исследованиях исчезло после Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 04.06.36 г.⁴ Педагогический опыт этого времени не соответствовал официальной школьной идеологии, которая ориентировалась на авторитарные стандарты и шаблоны в образовании.

Лишь в 1960-е гг. возникают новаторские идеи в педагогике и психологии. В это время представители экологической науки обращают внимание на среду человеческого обитания, подразумевая как природную, так и общественную, которые влияют на личность. Возникает психологическая экология, в которой под образовательной средой подразумевается педагогически организованная система условий, влияний и возможностей для удовлетворения иерархического комплекса потребностей личности и трансформации этих потребностей в жизненные ценности⁵. Сформировалась и отрасль психологической науки – психология окружающей среды (Environmental Psychology), ее основными понятиями стали: «среда», «поведение», «пространство».

Образы развивающей среды как организованного образовательного и социокультурного пространства создавались в 1970–80-е гг. В частности, В.В. Давыдов, разрабатывая методики развивающего обучения, выдвигал требования к интегральной среде, которая должна быть гетерогенной и сложной, связной, гибкой и управляемой со стороны ребенка и педагога⁶. В.И. Слободчиков под образовательным пространством понимал существующее в социуме «место», где субъективно задаются множества отношений и связей и осуществляются разнообразные виды деятельности различных систем по развитию индивида и его социализации⁷.

Он рассматривал образовательную среду в системе развивающего образования с позиции совмещения мыследеятельностной модели развивающего образования и онтологической модели сферы образования в одном смысловом пространстве. Ученый исходил из того, что специфическим свойством образовательной среды является ее насыщенность образовательными ресурсами. Создание образовательного ресурса делает наличное социокультурное содержание образовательного пространства средством и содержанием образования, т.е. образовательной средой.

На рубеже XX–XXI вв. проблема влияния среды на развитие личности снова актуализировалась, что было связано с гуманизацией образования, обращенностью к личностно-ориентированному подходу. Предпринимаются попытки возродить средовой подход отечественных и зарубежных школ прошлого.

Концептуальным осмыслением образовательной среды, разработкой подходов и принципов, конструктивных характеристик среды занимаются Ю.С. Мануйлов, Ю.В. Громыко, Ю.С. Песоцкий. Ю.С. Мануйлов подчеркивает возрастающее значение среды в развитии детей и ее тесное взаимодействие с воспитательной системой. Он дает следующее определение среды: «...то, среди чего пребывает субъект, посредством чего формируется его образ жизни, что опосредует его развитие, и “осредняет” личность. При этом осреднять значит типизировать. Посредствовать – значит побуждать, помогать, позволять, порождать что-либо. Опосредовать – значит преломлять, влиять, в смысле облагораживать...»⁸. Средовой подход он трактует как отношение человека к среде и среды к человеку.

Ю.С. Песоцкий предлагает моделировать образовательную среду на основе экоантропоцентристского подхода, который требует сохранения целостности образовательного пространства в единстве комплекса его характеристик (средовых, процессуальных и институциональных)⁹.

По мнению Ю.В. Громыко, понятие «образовательная среда» было введено для

обозначения всей совокупности различных систем, в которые оказывается «погружено» подрастающее поколение и где происходит его «встреча» и присвоение им ценностных ориентиров, проблемно-целевых установок, способов и методов мышления и деятельности, которые были характерны для той или иной региональной общественной системы»¹⁰. Ю.В. Громыко отмечает, что влияние образовательной среды размыто (т.е. действует сразу по многим каналам), обладает непредсказуемым результатом, проявляющимся после длительного латентного периода и возникающим на пересечении уникальных трасс саморазвития ребенка. С другой стороны, образовательная среда – это множество разнообразных мыследеятельностей, в которых есть место для детей как реальных участников.

На данный момент детально исследование образовательной среды занимаются представители эколого-психологического подхода (Г.А. Ковалев, В.А. Ясвин). В.А. Ясвин выделяет локальную образовательную среду (учебного заведения) – функциональное и пространственное объединение субъектов образования, между которыми устанавливаются разноплановые групповые взаимосвязи, и микросреду профессионального функционирования, организуемую каждым педагогом¹¹. В структурную модель образовательной среды входят три базовых компонента: пространственно-предметный, социальный и организационно-технологический. Исследователь выделяет параметры экспертизы образовательной среды: широта, интенсивность, модальность, степень осознаваемости, устойчивость, эмоциональность, обобщенность, доминантность, когерентность, социальная активность, мобильность¹². Он считает, что методически перспективным является понимание образовательной среды как системы влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в пространственном и предметном окружении. Предлагая методику векторного моделирования образовательной среды, ученый отмечает, что тип среды определяется содержащимися в ней

условиями и возможностями, которые способствуют развитию активности или пассивности ребенка¹³.

Разработкой социоэкологических проблем образовательной среды занимается Г.А. Ковалев. Он выделяет три параметра школьной среды: 1) физическое окружение; 2) человеческий фактор; 3) программу обучения¹⁴.

Представитель коммуникативно ориентированного подхода к среде В.В. Рубцов рассматривает общность, которая существует как особая среда и является специфической организацией, обеспечивающей развитие и функционирование человека, а фактически – передачу норм жизнедеятельности от взрослого к ребенку. Под образовательной средой он понимает форму сотрудничества (коммуникативного взаимодействия), которая создает особые виды общностей между учащимися и педагогом, обеспечивающую передачу учащимся необходимых для функционирования в данной общности норм жизнедеятельности, включая способы, знания, умения и навыки учебной и коммуникативной деятельности. Ученый выделяет компоненты образовательной среды: пространственно-предметный (архитектура, оборудование, атрибуты и др.), социальный (присущая данному типу культуры «форма детско-взрослой общности»), психодидактический (содержание образовательного процесса, осваиваемые ребенком способы действий)¹⁵. При таком подходе педагог должен создать социальную среду коммуникативного взаимодействия.

Проблемой проектирования среды, оказывающей влияние на культурное развитие и формирование культурной идентификации личности, занимаются Н.Б. Крылова, М.М. Князева, А.В. Иванов и др. Культурологический подход рассматривает процесс вхождения человека в культуру как среду, в которой происходит становление его образа. Разработки данных исследователей связаны с изучением образовательной среды как широкого социокультурного пространства, в котором происходит становление и развитие личности. Н.Б. Крылова выделяет множество сред социализации, индивидуализации, культур-

ной идентификации ребенка – социокультурную, общеобразовательную, обучающую, информационную и коммуникационную – той группы, куда включены ребенок, семья, класс. Образовательную среду он характеризует как часть социокультурного пространства, где взаимодействуют различные образовательные процессы и их составляющие, разные субъекты и материалы¹⁶.

А.В. Иванов разрабатывает научно-педагогическую концепцию развития и проектирования культурной среды. Он дает ее определение: это – совокупность разнообразных условий, созданных педагогами и родителями учащихся, влияющих на процесс развития и саморазвития детей и взрослых в пространстве образовательного учреждения. Исследователь указывает на определяющее значение культурной среды по отношению к образовательной и воспитательной. Образовательная среда определяется культурной и влияет на процесс развития новых культурных образований в том случае, когда является производной культуры. Если же образование продолжает транслировать старые педагогические принципы, а общественное развитие находится на новом уровне, то образовательная среда «некультуросообразна»¹⁷.

Таким образом, в конце XX в. возник ряд подходов, в рамках которых исследуется образовательная среда: коммуникативно-ориентированный (В.В. Рубцов), эколого-психологический (В.А. Ясвин), педагогический (Ю.С. Мануйлов, С.Ф. Сергеев), информационный (М.И. Башмаков, С.Н. Поздняков, Н.А. Резник), антрополого-психологический (В.И. Слободчиков), психодидактический (В.А. Орлов, В.И. Панов, В.В. Давыдов). Однако в педагогической теории и практике недостаточно обоснованы сущностные характеристики профессионального становления будущих специалистов в образовательной среде вуза, не существует соответствующей модели, реализация которой обеспечит возможность повышения качества подго-

товки специалистов в разных отраслях производства. Создание развивающей образовательной среды учебного заведения, изучение ее влияния на становление, реализацию, раскрытие, самосовершенствование личности остается актуальной проблемой современной педагогики.

Примечания

¹ См.: Корчак Я. Педагогическое наследие. М., 1991.

² Дьюи Дж. Демократия и образование. М., 2000.

³ Дьюи Дж. Указ. соч. С.24.

⁴ См.: Хрестоматия по истории педагогики / Сост. И.Е. Лакин и др. Минск, 1971.

⁵ См.: Хватова М.В., Дьячкова Е.С. Влияние образовательной среды на психологическое здоровье студентов разных специальностей в процессе обучения // Психологическая наука и образование. 2006. №3. С.74–78.

⁶ См.: Давыдов В.В. К исследованию предметной среды для детей // Техническая эстетика. 1976. №3–4. С.4–6.

⁷ Слободчиков В.И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования // Вторая российская конф. по экологической психологии: Тез. Москва, 12–14 апреля 2000 г. М., 2000. С.172–176.

⁸ Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании // Педагогика. 2000. №7. С.36–41.

⁹ См.: Песоцкий Ю.С. Высокотехнологическая образовательная среда: принципы проектирования // Педагогика. 2002. №5. С.26–35.

¹⁰ Громыко Ю.В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства). Минск, 2000. С.118.

¹¹ См.: Ясвин В.А. Психологическое моделирование образовательных сред // Психол. журн. 2000. №4. С.79–88.

¹² См.: Ясвин В.А. Психолого-педагогическое проектирование образовательной среды // Дополнительное образование. 2000. №6. С.16–22.

¹³ См.: Ясвин В.А. Экспертиза школьной образовательной среды. М., 2000.

¹⁴ См.: Ковалев Г.А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопр. психол. 1993. №1. С.13–23.

¹⁵ См.: Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М., 2004.

¹⁶ См.: Крылова Н.Б. Культурология образования. М., 2000.

¹⁷ См.: Иванов А.В. Культурная среда современной школы // Педагогика. 2006. №10. С.50–55.

УДК 355.543.2(072.8)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

С.Н. Хутчев

Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ
E-mail: star196910@mail.ru

На основе базовых понятий психофизиологии человеческой памяти анализируются компоненты военно-профессиональной подготовки курсантов военно-образовательных учреждений высшего профессионального обучения МВД России. Дается классификация профессиональных навыков с точки зрения функционального назначения и степени включения сознания. Исследуется соотношение знаний, умений и навыков в профессиональной подготовке курсантов.

Ключевые слова: военно-профессиональная подготовка, знания, умения, навыки, память.

Problems of the Graduates' Professional Military Knowledge, Skills and Abilities Forming of the Military Educational Institutions of Higher Professional Training of Ministry of the Interior of Russian Federation

S.N. Hutchev

The author analyses the cadets' professional military training, based on the fundamental concepts of human psychophysiological memory. The classification of professional skills from the point of view of their functional area and cognition activating grade has been represented. There have been investigated the correlation of knowledge, skills and abilities in the cadets' professional military training.

Key words: professional military training, knowledge, skills, abilities, memory.

Одной из главных проблем качества подготовки выпускников военных образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России является их профессиональная компетенция.

Эта проблема существовала всегда. Для её решения необходимо ответить на вопрос: что такое «профессионализм», из чего он складывается и как формируется? Военным профессионалом мы обычно называем специалиста, способного решать поставленные задачи в условиях дефицита времени на принятие решения и при достаточно жёстких ограничениях на использование материальных ресурсов. Таким образом, можно считать, что профессионализм – это знания, помноженные на опыт. При этом под «знания-

ми» обычно понимается базовая подготовка, включающая теоретическую подготовку (собственно «знания») и практическую подготовку (умения и навыки). Уточним эти понятия.

Знания, по И.Я. Лернеру, означают «*информацию, усвоенную на уровне творческого ее применения*» и подразделяются на следующие виды: термины и понятия, факты, законы, теории, методологические знания, оценочные знания. Другими словами, это информация, полученная и накопленная преподавателем и воспринимаемая обучаемым в готовом виде. В роли преподавателя в данном случае могут выступать и неодошевлённые носители информации: радио, телевидение, книги, Интернет и т.д.

Навыки – это информация, заключённая в способах реакции человека на внешние воздействия. Чаще всего навык определяется как действие, сформированное путём повторения, сознательной поэлементной регуляции и контроля¹. Поэтому для исследования процессов формирования профессиональных навыков рассматриваем только нервную память, наличие, которой отмечается у живых организмов, обладающих нервной системой. Существует определение нервной памяти как совокупности сложных процессов, обеспечивающих формирование адаптивного поведения организма (субъекта)². При этом отмечается, что нервная память использует не только собственные специфические механизмы, обеспечивающие индивидуальную адаптацию организма, но и механизмы более древней генетической памяти, способствующей выживанию биологического вида. Наличие такого допущения весьма осложняет анализ причинно-следственных связей в процессах формирования профессиональных навыков.

В качестве рабочей модели биологической памяти примем наличие генотипической и фенотипической памяти. Генотипическая, или врожденная память у высших животных обеспечивает становление безусловных рефлексов, различных форм врожденного поведения (инстинктов), играющих важную роль в приспособлении и выживаемости вида.

В нашем случае – это навыки, осуществляемые автоматически, т.е. без осознания, оценки ситуации.

Соответствующие навыки проявляются в виде условных рефлексов или иных реакций, требующих определенного осмысления ситуации.

По степени включения сознания фенотипические навыки можно разделить на частные и обобщенные, а также на автоматические (инстинктивные) и автоматизированные (осознаваемые) (рис. 1).

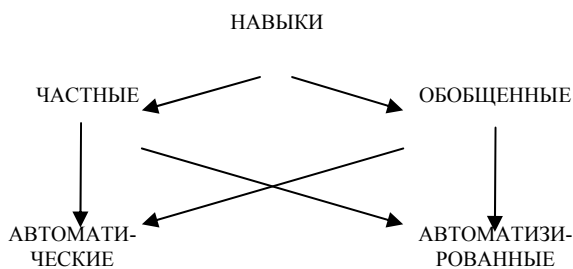

Рис. 1. Классификация фенотипических навыков по степени участия сознания

Есть основания предположить, что на рис. 1 представлены крайние проявления реакций человека на возникающие практические ситуации: частные автоматические навыки реализуются на уровне условных рефлексов, обобщенные автоматизированные навыки в некоторых случаях могут быть отнесены к уровню умений. То есть, пока открытым, требующим дальнейших исследований, остается вопрос: можно ли указать границы (видимо, по времени реакции), отделяющие условный рефлекс от инстинктивной реакции и от умения?

С точки зрения функционального назначения и степени включения сознания можно выделить три группы фенотипических навыков: первичные, вторичные и третичные.

Группу первичных навыков, реализуемых, как правило, в виде условных рефлексов, образуют двигательные, физиологические и психические навыки. В группу вторичных навыков можно включить сенсорные, коммуникативные и психологические навыки. Третичные навыки, требующие наибольшего участия сознания по сравнению с другими группами, включают фактуальные, процедурные и когнитивные (познавательные) навыки.

К какой группе принадлежат профессиональные навыки? Как и любая другая подсистема навыков, они базируются на группе первичных навыков, частично включают вторичные навыки и в основном позиционируются в группе третичных навыков, т.е. профессиональные навыки – это те качества, которые выделяют данную личность среди других людей, объединённых общим родом деятельности.

Понятия навыков и знаний являются базисными для определения понятия «умения». Умения – это опосредованная информация о виде моделей поведения в различных ситуациях. Иными словами, это методы решения различных задач.

Имеющиеся знания позволяют решать возникающие перед человеком задачи различного уровня сложности: на репродуктивном, продуктивном и творческом уровне. Поэтому «умение» в качестве третьего базового компонента содержит творческое мышление, которое выполняет функцию элемента управления. Тогда содержание понятия «профессионализм» можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

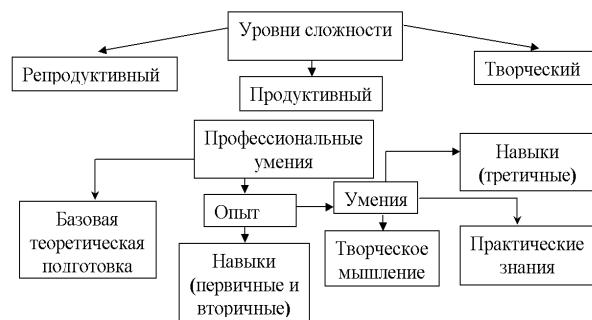

Рис. 2. Соотношения знаний, умений и навыков в профессиональной подготовке

Сказанное позволяет уточнить первоначальное определение профессионализма: это базовые теоретические знания и опыт, представляющий совокупность умений и навыков. При этом теоретические знания приобретаются в готовом виде как опыт предшествующих поколений, а практические знания приобретаются лично специалистом в ходе выполнения должностных обязанностей.

В Саратовском военном институте внутренних войск МВД РФ на кафедрах военно-профессиональных дисциплин на основе комплексного плана привития командно-методических навыков военного института определяются:

- перечень навыков, которые должны формироваться у курсантов при изучении дисциплин кафедры;
- порядок и условия выработки у обучаемых достаточных навыков при изучении каждой дисциплины кафедры;
- этапы (по курсам и семестрам обучения) сформированности навыков и соответствующие им уровни;
- учебные занятия тематического плана, в ходе которых возможно формирование навыков, их форма, методы и средства обучения;
- количество и виды дополнительных учебных занятий вне расписания (в ходе мероприятий распорядка дня);
- система контроля, учета и отчетности формирования навыков.

Преподаватель учебной дисциплины (командир подразделения) на основе целевой установки дисциплины учебного плана (квалификационных требований), требований руководящих документов, указаний начальника кафедры (командира батальона) определяет:

- какие навыки должны быть привиты курсантам при изучении дисциплины (при

выполнении мероприятий распорядка дня во внеучебное время);

- учебные занятия (в соответствии с тематическим планом) или мероприятия (во внеучебное время), методы и средства обучения;

- этапы (по курсам и семестрам обучения) завершения формирования тех или иных навыков (умений).

Преподаватель (командир подразделения) разрабатывает учебно-методические материалы для проведения занятия (мероприятия), где указывает методику привития навыков, порядок их учета и контроля и представляет на обсуждение в ПМК (на кафедры, батальоны).

Он должен вести учет времени, затрачиваемого каждым курсантом на выполнение мероприятий по привитию навыков (умений), оценивать их действия и достигнутые результаты.

Он несет ответственность за привитие необходимых навыков курсантам в ходе учебных занятий (мероприятий во внеучебное время) и обязан обеспечить их выполнение в пределах установленных норм, а также постоянно совершенствовать этот процесс.

Таким образом, военно-профессиональные навыки формируются и совершенствуются в ходе различных тренировок, групповых упражнений и практических занятий – в ходе полевых выходов, тактических учений и практических занятий. Основное направление работы – преодолеть фрагментарный, локальный характер формируемых при этом навыков.

Примечания

¹ Данилова Н.Н. Психофизиология. Учебник для вузов. М., 2004; Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю.И. Александрова. СПб., 2004.

² См.: Данилова Н.Н. Указ. соч.